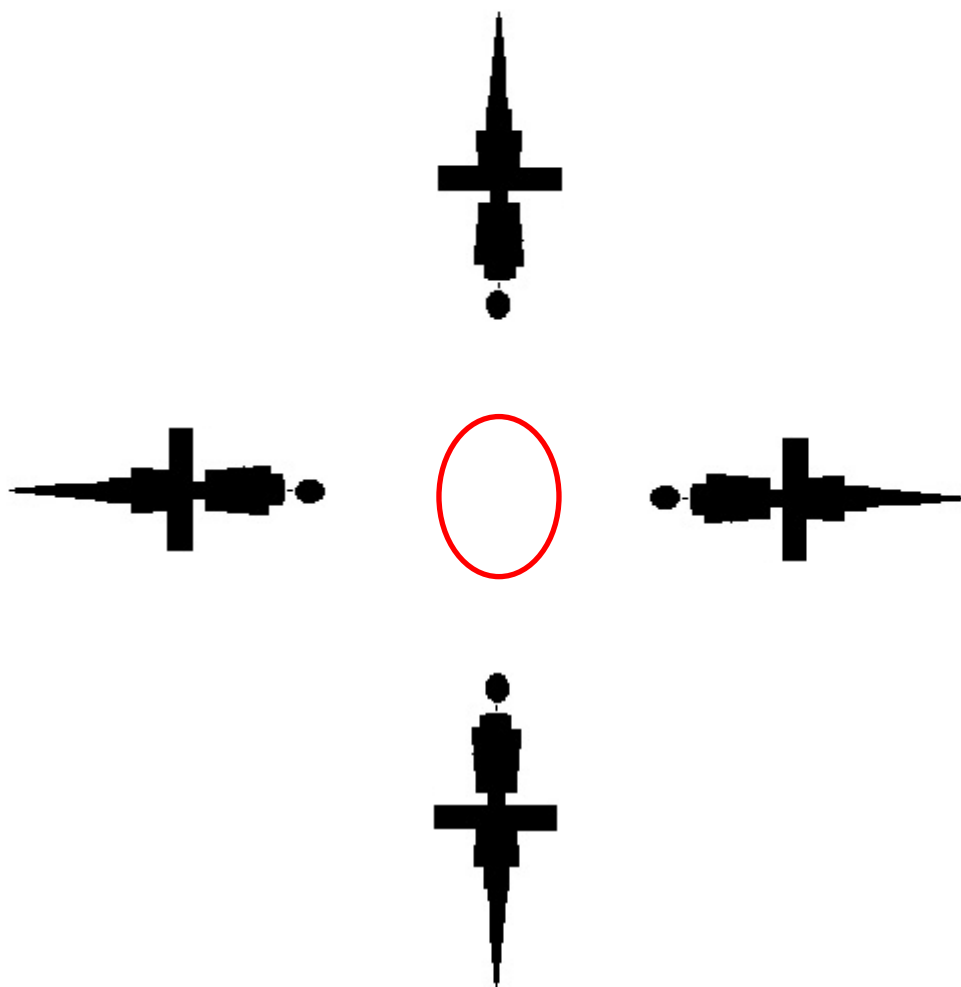

Глава 3.
Теоретическая и прикладная лингвистика.

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОЛЛОКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ С
ЦЕЛЬЮ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО И ГРУЗИНСКОГО
КОРПУСОВ)**

Адамия Зоя Константиновна
Университет им. Эквтиме Такашвили (Рустави), Грузия
a.zoia777@gmail.com

Саная Нино Тенгизовна
Сухумский государственный университет (Тбилиси,), Georgia
nsanaia@yahoo.com

**COMPARATIVE ANALYSIS OF COLLECTION NETWORKS FOR
TRAINING FOREIGN LANGUAGE
(ON THE MATERIAL OF RUSSIAN, FRENCH AND GEORGIAN
CASINGS)**

Adamia Zoia
Ekvtime Takaishvili Teaching University (Rustavi), Georgia

Sanaia Nino
Sokhumi State University (Tbilisi), Georgia

АННОТАЦИЯ

Владение тем или иным языком предполагает знание не только определенного минимума слов, но и освоение достаточного количества словосочетаний, а ошибки в словоупотреблении возникают не только из-за незнания значений слов, а из-за незнания их связей с другими словами. Компьютерная техника и новейшие инструменты поиска лингвистического материала в Корпусе изучаемого языка уже дают возможность охватить огромное число лексических единиц и их коллокаций. В докладе впервые рассматривается возможность использования Корпуса в целях установления комбинаторных свойств слова, техника составления графических билингвистических карт коллокативных сетей и использование сравнения этих графических данных в процессе преподавания иностранному языку.

ABSTRACT

Possession of any language assumes knowledge not only a certain minimum of words, but also mastering a sufficient number of expressions, and mistakes in word usage arise not only because of ignorance of word meanings and because of ignorance of their connection with in other words.

The computer equipment and the newest tools of search of linguistic material in the Corpus of the learned language already give the chance to cover a large number of lexical units and their collocations. In the report for the first time is considered the possibility of use of the Corpus for the purpose of establishing of combinatorial features of a word, technology of drawing up graphic the bilingual maps of the collocation networks and use of comparison of these graphic data in the course of teaching a foreign language.

Ключевые слова: обучение, коллокативная сеть, коллокаты.

Keywords: teaching, collocation network, collocates.

Владение тем или иным языком предполагает знание не только определенного минимума слов, но и освоение достаточного количества словосочетаний. Сама проблема сочетаемости, которой до последнего времени не уделяли достаточного внимания ни исследователи, ни преподаватели языка, заслуживает более пристального изучения. Представление о том, что для овладения языком достаточно выучить определенное количество слов, правильно их произносить и писать, а также освоить грамматические правила их соединения, оказывается ошибочным, так как при этом не учитывается еще один важнейший фактор речеобразования: семантико-грамматическая сочетаемость слов, выражаемая в виде коллокаций. Ошибки в словоупотреблении возникают не только из-за незнания значений слов, а из-за незнания их связей с другими словами.

Компьютерная техника и новейшие инструменты поиска лингвистического материала в интернет пространстве уже дают возможность охватить огромное число номинативных единиц и их коллокаций, и соответственно намного упрощён сам процесс наблюдения и изучения языковых фактов. Всё чаще лингвисты обращаются к национальным или же коммерческим лингвистическим Корпусам с целью изучения, а впоследствии обучения комбинаторным свойствам лексических единиц иностранного языка.

На сегодняшний день, среди прикладных потребностей (целей) автоматизированного извлечения коллокативного материала из больших корпусов текстов наряду с лексикографическими, является обучение иностранному языку (Захаров, Хохлова 2010: 137). Коллокации употребляются нами почти бессознательно и интуитивно, когда говорим или пишем на родном языке, зато возникают немалые трудности в связи с сочетаемостью слов, когда пользуемся иностранным языком.

Из множества определений понятия «коллокаций» мы выбрали, на наш взгляд, самое оптимальное: коллокации – это характерные, часто встречающиеся сочетания двух или более слов, появление которых рядом друг с другом основывается на регулярном характере взаимного ожидания и задаётся семантико-грамматическими факторами (Лескина, Шаронова

2014: 22), (Захаров, Хохлова 2010: 137). В настоящее время термин «коллокация» нашел широкое применение в корпусной лингвистике (Tutin, Grossmann 2002), и подразумевает не только устойчивые словосочетания, как переходный этап между свободными и фразеологическими словосочетаниями (Tutin, Grossmann 2002), а любую устойчивую встречаемость номинативных единиц.

Методологической вершиной более пятидесятилетнего изучения коллокаций (Gries 2013), явилась создание понятия коллокативной (синтагматической) сети (Phillips 1989), которая систематизирует хаотичный множественный материал семантических связей между словами. Была установлена структура сети (Phillips 1989: 142) и критерии описания коллокаций внутри сети (Gries 2013). Теоретической же базой всем перечисленным авторам в данном направлении послужили первые исследования проблематики семантических связей слов Ферта (Firth 1957: 6).

Структура сети характеризуется подобием солнечной системы, в центре которой находится ключевое слово (McEnergy 2015: 76) – (ядро, интересующее нас исходное слово) а на периферии – созвездия слов - коллокатов (McEnergy 2015: 77). Что касается основных критериев описания, это: дистанция (distance), частотность (frequency) и эксклюзивность (exclusivity) связи (Gries 2013: 137-166). Но также возможно их описание основываясь на направлении (directionality) коллокативной силы притяжения слов и дистрибуции типа токена (особенной, необычной формы слова или просто словоформы) (McEnergy 2015: 77). В одну и ту же сеть могут попасть: 1. свободные словосочетания; 2. грамматические анализмы; 3. лексические анализмы; 4. сочетания слов с компонентом метафорического значения (связанные структуры) и 5. фразеологические единицы.

Целью нашего исследования является построение совмещённого графического изображения коллокативных сетей с ключевым словом «сердце» /“ **Cœur** ”/ გული для их сравнения в процессе обучения, как русского, так и французского в грузинской аудитории.

Методологической базой нашего исследования является использование данных лингвистических Корпусов в целях составления графических изображений коллокативных полей с их последующим использованием, как визуального метода преподавания иностранному языку, а целью нашего выступления является демонстрация данного метода.

Процесс работы над созданием коллокативной сети с помощью Интернета состоит из следующих этапов:

1. Поиск национальных/коммерческих лингвистических Корпусов сравниваемых языков;
2. Поиск эмпирического лингвистического материала с ключевым словом (с ядром сети), В нашем случае «сердце» / **Cœur** / გული;
3. Отбор материала по параметрам типа

словосочетания, по принципу *coru-paste*; 4. Классификация словосочетаний вручную по восходящей степени семантической связанности и устойчивости: свободные словосочетания, грамматические анализисы, лексические анализисы, связанные группы слов, фразеологические единицы.

Считаем необходимым отметить, что из трёх используемых Корпусов только Корпус французского языка Лейпцигского университета выдаёт статистическую информацию о частотности употребления того или иного словосочетания. Приводим всего лишь часть наиболее употребляемых коллокатов слова **Cœur** во французском языке :

Коллокаты левой стороны:

au (146574), le (30170.4), plein (17372.6), mon (16153.5), son (9497.09), à (6149.58), bon (2713), grand (1459.81), par (1296.34), tout (1264.57), simple (207.85), gros (114.1), propre (83,47), joli (66.89), crève (62.33), véritable (57.51), pauvre (36), triste (21.21), noble (15), vieux (12.8), énorme (11.39), immense (7.14), mauvais (6.65).

Коллокаты правой стороны:

de (42338.5), du (18935), des (8902.41), joie (6269.3), net (1624.89), même (1426.63), ouvert (1414.52), brisé (1235.55), léger (780.04), pur (649.93), tendre (627.23), artificiel (624.32), gros (572.19), humain (527.79), serré (353.79), vaincu (339.37), lourd (270.24), vaillant (219.5), industriel (136.22), généreux (133.09), plein (130.05), endurci (116.51), solitaire (100.3), fragile (95.02), gonflé (92.04), déchiré (91.37), rempli (85.44), mécanique (85.0), énorme (84.88), sensible (80.44), joyeux (62.6), dur (58.7).

В скобках указана информация о частотности употребления в числах. К сожалению, в Корпусах русского и грузинского языков о такой информации не позаботились.

Корпус выдаёт хаотичный материал, хотя, и в конкретных предложениях (высказываниях), мы же сами извлекаем коллокации и предлагаем следующую классификацию, с целью показать последовательность подачи информации изучающим.

1. Первым делом, считаем нужным описать **свободные словосочетания** со словом **«сердце»**: *сердце стучит, сердце билось, сердце болит, сердце остановилось, мускулистые сердца; le cœur se bat, s'arrête; გული უცემს, გულის ცემა, გული გაუჩერდა*, которые отображают логические связи между словами.

Аналогичными логическими связями можно считать медицинские термины – коллокаты, как: *пересадка сердца, трансплантация сердца, мышцы сердца, биение сердца, сердечная недостаточность; les maladies du cœur; le cœur droit (oreillette droit), le cœur gauche*

(*oreillette gauche*) *greffe de cœur*; გულის გადანერგვა, გულის ტრანსპლანტაცია, გულის კუნთები, გულის უკმარისობა, გულის დაავადებები.

В обоих случаях наблюдается преобладание параллелизма в сравниваемых языках.

2. И в русском, и во французском существуют **грамматические анализмы с адverbиальным значением**, как: *par cœur* (наизусть), *au cœur* (в центре, в середине), *Au cœur de* - «в сердце» в значении *в центре, в середине, в сердце Луарской долины, в самом сердце Сочи, в самом сердце жизни*. Что нельзя сказать о грузинском, где слово сердце переосмыслено, но исходя из грамматической специфики этого языка отсутствует предложная форма (в грузинском вообще нет предлогов) თბილისი საქართველოს გულის. Здесь параллелизм наблюдается в использовании слова сердце в значении центра, середины.

3. Третьим видом коллокаций являются лексические **анализмы** типа: *à cœur de joie* (с радостью), *de gaieté de cœur* (с радостью), *de tout son cœur* (от всего сердца). В русском: *от всего сердца, всем сердцем*. მთელი გულით და სულით;

Ощутимые расхождения начинаются на уровне словосочетаний **типа связанных групп** (с языковой метафорой в своём составе). В основном это моральные оценки личности или же душевные переживания:

Открытое сердце, золотое сердце, каменное сердце, горячее сердце, нежное сердце, разбитое сердце; cœur ouvert, cœur d'or; cœur tendre, fragile, sensible; cœur vaillant, cœur de pierre, de marbre ; cœur brisé; მაგარი გული, ოქროს გული, ქვის გული, ათრთოლებული გული

Коллокации типа: *Сердце надрывается, сердце ёкнуло, сердце горит, сердце сжимается, сердце веселится, надрывать сердце, вырвать из сердца, покорить что-либо сердце; déchirer, crever le cœur; გული მტკივა, გული დაფლეთილი მაქვს, (მისი) გული მოინადირა, გულს უხარია, გულიდან ამოიგდო; გული გადაუშალა, გულს მიკლავს; გულში დაუსადგურებია. გულის ჩაწყვეტა, ამღვრევა.*

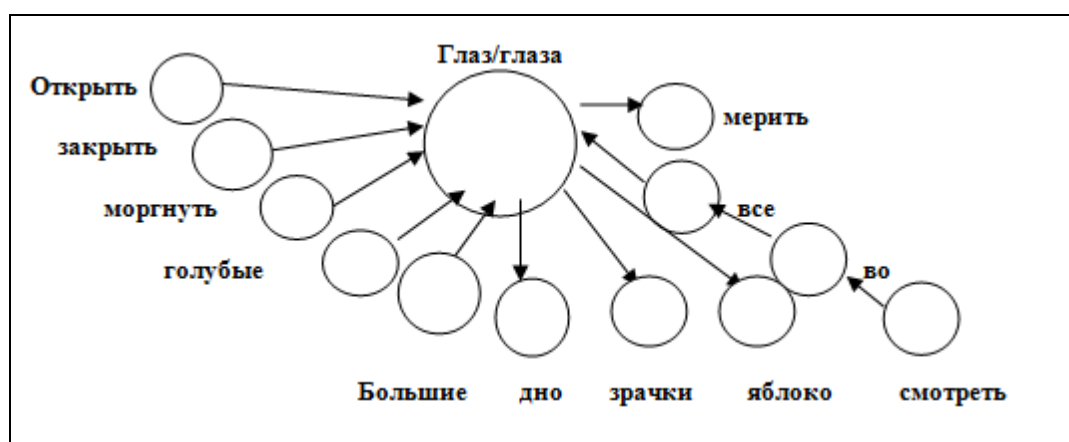
Этот тип коллокаций продуктивен во всех трёх языках.

4. И, наконец, **фразеологические единицы**. *Положа руку на сердце, сердце кровью обливается (заливается), ходить с камнем на сердце, сбросить камень с сердца. Garder dans le fond du cœur, être sans cœur, donner du cœur à un ouvrage, mettre du cœur au ventre, ouvrir son cœur à quelqu'un, parler à cœur ouvert; გულით სევდას დავატარებ, ლხენით, სიარულით აევსო გული; ბრაზისაგან გული ეწურებოდა, გულთან ახლოს მიიტანა, გულიდან*

ადმომხდარი სიტყვები, სმა-ჭაბით (ბრძოლით ან ორთაბრძოლით) გული რა ოჯერეს..., სხვისი გულის მოგება.

Как мы уже отметили следующим этапом исследования является построение графического изображения той или иной коллокативной сети. Подобное мы уже продемонстрировали на XI Международном форуме «Геокультурное пространство: smart-технологии в образовании и социум», который состоялся в Батуми 2017 году (Адамия, Саная, Галобери 2017: 244-248) на примере коллокативной сети с ключевым словом *глаз* для русского языка. См. рис. №1

Рисунок №1

Конечно же, такого рода графические рисунки отображают всего лишь часть коллокационной сети.

Для графического построения коллокативной сети также существует специальный Интернет инструмент GraphColl, авторами которого являются: Brezina, V., McEneaney, T. & Wattam, S. (Brezina, McEneaney, Wattam 2015: 139-173), в своём фундаментальном труде «Collocations in context: A new perspective on collocation networks» описаны коллокационные сети слов *Love* и *Time* в английском языке. Это специальная программа, которая запускается в Корпус того или иного языка. Вследствие получаем изображение похожее на созвездие с ядром (ключевым словом) в центре и коллокатами вокруг центра. См, рис. №2

Рисунок №4

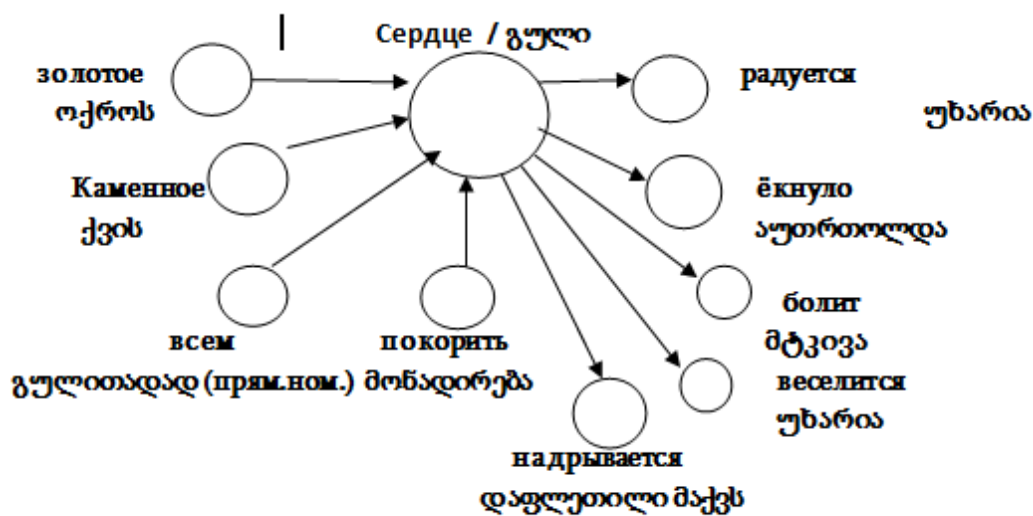

Рисунок №4 является совмещенным графическим изображением коллокаций русского и грузинского языков.

Рисунок №5

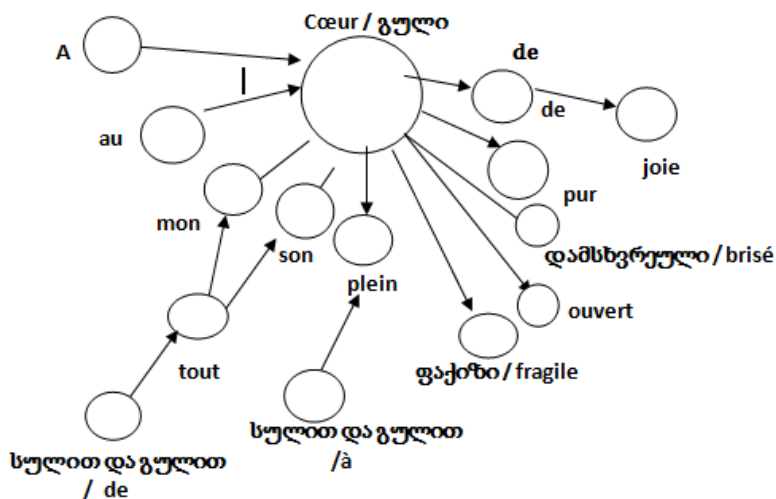

Рисунок №5 является совмещенным графическим изображением коллокаций французского и грузинского языков.

Проведённый нами сравнительный анализ коллокативных сетей с ключевыми словами: **Сердце /Cœur/ გული** показал, что существует множество аналогичных связей слов в сравниваемых языках. Но такого рода исследование нас также привело к заключению, что

сравнение или сопоставление коллокаций слов в разных языках хотя и раскрывает их специфику, но никак не служит раскрытию глубинных языковых (семантических) механизмов заложенных в самом феномене сочетания. Это исследование нам показало, что важнее наблюдения сочетаемости, установление запрещений, т.е. семантической регламентации синтагматических связей между словами и объяснение во время обучения, что, то что возможно в одном языке, невозможно в другом.

Тем не менее считаем полезным обращение к такому визуальному методу как графическое изображение языкового материала и особенно совмещённого разноязычного материала.

Хотим поделиться опытом, как мы проводим практические задания с помощью проектора, компьютера, программы Power Point и доски, на которой высвечивалась определенная для данной лекции номинативная единица, а студенты уже сами рисовали кружочки и вставляли необходимые коллокации, распределяли их по сетям, а также делали сопоставительный анализ с родным (в данном случае с грузинским) языком. Этот метод дает положительный результат – это интересная групповая работа, в которой каждый студент принимает активное участие. Этот метод оживляет лекцию, делает ее более интересной и познавательной.

Мы провели исследование между группами в одном семестре. В одних группах (Группа А – изучала французский язык и группа В - русский) в процесс обучения дозированно вводили изучение и сопоставление коллокативных сетей с разными ключевыми словами, в других группах (группа С - французский и группа Д - русский) в учебный процесс данный метод не вводили.

В конце семестра Группы А и В на 8-10% лучше сдали финальный экзамен (Часть: Лексика и грамматика), чем группы С и Д.

Также мы провели анонимный опрос 100 студентов. Опрос состоял из вопроса и ответа: да, нет и не знаю. Вопрос: Как Вы считаете, изучение иностранного языка на основе сопоставительного анализа коллокативных сетей с ключевыми словами дает положительный результат в учебном процессе?

85% опрошенных студентов ответили – да, 10 % написали - не знаю, 5% считают, что - нет.

Итак, результат налицо. Студенты освоили достаточное количество словосочетаний на иностранном языке (в одних группах на русском, в других на французском в грузинской аудитории).

Исходя из собственной практики, мы считаем необходимым использование такого рода визуального метода (в данном случае при использовании графических изображений

коллокативных сетей и, конечно же, с помощью Power Point и технического оснащения, как проектор и экран) в обучении иностранному языку. Обогащение языка лексикой и другими выразительными средствами на примере сопоставительного анализа коллокативных сетей тесно связано с обменом между языками и достижениями в области изучения языка и культуры.

Список литературы

- Адамия З. К., Саная Н. Т., Галобери К. Использование данных лингвистических корпусов в составлении коллокативных сетей (на материале французского, русского и грузинского корпусов). В материалах: XI Международного форума «Геокультурное пространство: smart-технологии в образовании и социум», Батуми, 2017, с. 244-248
- Захаров, В.П. Хохлова М. В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке, Санкт-Петербургский государственный университет Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 2010
- URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/pdf/22.pdf>
- Лескина, С. В. Шаронова, В. Б. (2014) Структурная и семантическая соотнесённость коллокаций и фразеологических единиц в русском и в английском языках, Вестник ЮурГУ, Серия «Лингвистика», Том 11, № 1
- Национальный Корпус русского языка
- URL: <http://ruscorpora.ru> (посещение 25. 01. 2018)

References

- Brezina, V., McEnery, T. & Wattam, S. (2015). Collocations in context: A new perspective on collocation networks. *International Journal of Corpus Linguistics*, 20(2).
- Corpus de la langue française (CF de l'Université de Leipzig)
- URL: http://wortschatz.uni-leipzig.de/ws_fra/ (посещение 20. 01. 2018)
- Firth, J. R. (1957). *Papers in Linguistics*. Oxford: oxford University press.- in Gries, S. Th. (2013). 50-something years of works on collocations: What is or should be next. . . *International Journal of Corpus Linguistics*, 18(1)
- Georgian Language Corpus, Ilia State University
- URL: <http://corpora.iliauni.edu.ge> (посещение 15. 01. 2018)
- Gries, S. Th. (2013). 50-something years of works on collocations: What is or should be next. . . *International Journal of Corpus Linguistics*, 18(1)

Margarita Kapstad, Устойчивые сочетания в русском и норвежском языках в аспекте преподавания русского языка норвежцам. FASTE UTTRYKK I RUSSISK OG NORSK MED HENBLIKK PÅ RUSSISKUNDERVISNING FOR NORDMENN, Institutt for litteratur, områdestudier og europeiske språk, Humanistisk fakultet Universitetet i Oslo Våren 2006

https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/26197/Masteroppgave_kapstad.pdf?sequence=2

McEnergy, T. (2015) Collocations and Context – Collocation and Collocation Network, Language and Modern technologies, International Conference and Workshop, TSU Press, Tbilisi.

Phillips, M. K. (1989) Lexical Structure of text [Discourse Analysis Monographs]. University of Birmingham, Birmingham, UK

Tutin A., Grossmann F. « Collocations régulières et irrégulières - esquisse de typologie du phénomène collocatif », Sciences du Langage, Université Stendhal Grenoble, 2002.

<http://agnes.tutin.u-grenoble3.fr/Publis/RFLA.pdf>

ВЫСКАЗЫВАНИЯ С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМИ МЕСТОИМЕНИЯМИ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Байгарина Герта Петровна
Казахстанский филиал МГУ им. М.В. Ломоносова, Казахстан
oirat60@mail.ru

EXPRESSIONS WITH INDEFINITE PRONOUNCES IN A MEDIA'S DISCOURSE: A PRAGMATIC POTENTIAL

Baigarina Gerta
Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University, Kazakhstan

АННОТАЦИЯ

Явление смысловой неопределенности как специфической особенности информационно-коммуникативной среды рассматривается на материале медийных текстов. В статье показано, что избираемый способ оформления информации с помощью неопределенных местоимений задается главной целью коммуникации в медийной сфере – информирующим воздействием. Выявляются их прагматические возможности, устраняющие семантические различия между отдельными сериями местоимений. Специальное внимание уделено местоимениям-прилагательным, приобретающим значение «обезразличивающей неопределенности» и тем самым выступающим в функции маркеров «чуждости» в медийном дискурсе.

ABSTRACT

The phenomenon of semantic uncertainty as a specific peculiarity of the informative-communicative environment is considered through the materials of media texts. It is shown in the article that the elected method of designing information with the help of indefinite pronouns is defined by main goal of information's impact on communication in the media sphere. The pragmatic possibilities that eliminating semantic differences among separate series of pronouns are uncovered. A special attention is given to pronouns-adjectives which are acquiring a meaning of "indifferent uncertainty" and thus appearing in the function of the "alienation's" marker in the media discourse.

Ключевые слова: категория неопределенности, семантическая доминанта, язык СМИ, интенциональность, семантические операторы.

Keywords: a category of indefiniteness, a language of mass media, an intentionality, a semantic dominant, semantic operators.

Категорию неопределенности, являющуюся одной из семантических доминант русского языка (Е.В. Падучева 1996), относят и к специфическим свойствам современного

информационно-коммуникативного поля: в неопределенности видят основу «ухода от ответственности за информацию».

Функции информирования и воздействия как основные для механизма действия СМИ объясняют причину конфликта двух тенденций, наблюдаемых в медийной сфере, тенденцию к понятийной точности, определенности и тенденцию к прагматически обусловленной смысловой неопределенности. Способ оформления информации, определённый или неопределённый, зависит в конечном счете от коммуникативной интенции, которая задается «целью коммуникации в массмедиа – информирующим воздействием»: «В интенции усматривается не только вектор (направление) прогнозирующего воздействия, но и уточняется содержание и смысл, поэтому в интенции, кроме того, задается то, о чем информировать, что оценивать и к чему побуждать» (Дускаева 2012:13). Можно к этому ряду добавить, как информировать и как побуждать. Следовательно, интенциональность, выступающая основой речевого поведения в масс-медиа, «определяет содержание информации, речевую организацию и речедетельностную силу высказывания» (Дускаева 2012:15).

У. Чейф помещает категорию неопределенности в один ряд с другими категориями, которые «относятся скорее к способу передачи содержания, чем к самому содержанию. В частности, все они связаны с тем, как говорящий оценивает способность слушающего понять то, что говорится, на основании определенного контекста» (Чейф 1982: 277).

Среди «разветвленных», по выражению Е.В. Падучевой, показателей неопределенности», относящихся к разноуровневым языковым средствам, одними из наиболее востребованных в русском языке являются неопределенные местоимения. Н.Д. Арутюнова характеризует неопределенные местоимения как «знаки невыраженных или невыразимых смысловых компонентов: нескрытых причин событий, неясных мотивов поступков, неопределимых и неопределенных вариантов признаков, следы действия неведомых сил» (Арутюнова 1999: 823). Отмечая возрастание удельного веса категорий безличности и неопределенности в ходе развития русского языка, Н.Д. Арутюнова обращает внимание на то, что «Не язык навязывает их говорящим, а говорящие навязывают их языку» (Арутюнова 1999: 794).

Неопределенным местоимениям, анализу их семантики и функций, употреблению в разных типах дискурса посвящена обширная научная литература, поскольку это лексическое средство выражения категории неопределенности представлено в различных типах текстов. Медиа-тексты, формирующие дискурс массовой коммуникации, в целом можно считать репрезентативными для наблюдения за проявлением смысловой неопределенности в русском языке. В связи с этим специально подчеркнем, что язык СМИ относят сегодня к одной из

основных форм существования языка: язык СМИ, обладающий огромной аудиторией, многообразными средствами информирования и воздействия, «выдвигается в центр национального языка» (Солганек 2012: 8).

Повседневная речь через использование неопределенных местоимений отражает уровень знаний носителей языка о предметах и явлениях действительности, их свойствах и качествах, что находит отражение и в медийном дискурсе. Действительно, как и в реальной разговорной речи к неопределенным местоимениям в медийной коммуникации обращаются из-за невозможности точно сформулировать ту или иную мысль, подобрать необходимое оценочное слово, однако не менее часто – из-за отказа от точных формулировок в силу определенных коммуникативных задач. Нужно иметь в виду, что речевое поведение говорящего, определяемое его коммуникативными намерениями, может быть обусловлено в целом коммуникативной ситуацией, а также социальным и культурным статусом говорящего, его мировоззренческими установками, как и некоторыми характерологическими особенностями личности говорящего.

Стало общим местом, вслед за Н.Д. Арутюновой, утверждать, что «неопределенность в языке и речи – отзвук неопределенности в суждениях человека» (Арутюнова 1999: 815). Она включает показатели неопределенности в фонд «свободной грамматики». Более того, по ее мнению, «они часто избыточны», они «квалифицируются как речевой мусор» (Арутюнова 1999: 794-795). Следовательно, их употребление в медиатекстах можно считать отражением влияния разговорной речи на язык СМИ.

Как известно, медийный дискурс отражает две тенденции, реализующиеся в современном русском языке – к демократизации и интеллектуализации языка. Как полагают, обе тенденции «имеют целью повышение воздействия речи на различных адресатов (Лейчик 2007: 11). В реализации обеих тенденций участвуют и неопределенные местоимения, использование которых обусловлено интенциональными установками участников коммуникации. В ряде ситуаций неидентифицированная форма языкового выражения с отчетливо не проявленным смыслом оказывается более предпочтительной, тем самым более действенной, чем точные формулировки с большой степенью определенности.

В современных медиатекстах представлены все возможные типы серий неопределенных местоимений, однако разной степени продуктивности. Наблюдение за их функционированием заставляет вспомнить замечание Е.В. Падучевой о том, что «будучи навязано говорящему языковой картиной мира, значение неопределенности не всегда должно приниматься за чистую монету» (Падучева 1996).

С учетом двух значимых для семантики неопределенных местоимений семантических компонентов: известность/неизвестность для говорящего и слушающего и референтность/нереферентность, Е.В. Падучева делит их на 3 класса. Это «местоимения неизвестности, то есть неопределенные для говорящего (на *-то*), слабоопределенные (на *кое-, не-*, а также *один*) и нереферентные экзистенциальные (на *-нибудь, -либо*), в том числе общеэкзистенциальное (*иной*) (Падучева 2008: 210].

По нашим наблюдениям, в современном медийном дискурсе среди различных серий неопределенных местоимений наиболее востребованными оказываются местоимения на *-то*, то есть местоимения неизвестности. Обращение к ним во многих случаях действительно объясняется указанием на неизвестное для говорящего лицо или предмет, как, например: *И я не собираюсь убежать, исчезать или плакать по поводу того, что кто-то свистел в мой адрес* (Спорт-Экспресс. 16. 03. 2018). *Кто-то говорил, что не знает мальчика, но тоже хочет поучаствовать в приобретении подарка* (АиФ. 28.02. 2018).

Однако их использование далеко не всегда связано с необходимостью актуализировать этот семантический вариант. Приведем примеры.

1) *Когда-то, – напомнил Президент, – и строительство Астаны было спорным решением, по поводу которого высказывались весьма скептические точки зрения. Кто-то мне написал письмо недавно, что Назарбаеву каменные памятники не нужны. Он построил столицу! Я с ним полностью согласен, – отметил Президент. ...из обычного когда-то города Астана превратилась в город-миллионник.* 2) *Кто-то из них надеется на бесплатное жилье. Если кто-то работает, то другой привык жаловаться* (Казахстанская правда. 26.12. 2017). *Если человек сказал кому-то что-то обидное, или это было так воспринято, мне кажется, что всегда лучше объясниться* (Новая газета. 06. 03.2018).

Здесь местоимение *кто-то*, имеющее конкретно-референтный статус, соотносится с определенным объектом, но неизвестным говорящему. Следовательно, семантика неизвестности также реализуется в значении неидентифицированности. Однако при этом для говорящего определенность упоминаемого лица оказывается совершенно несущественной: в (1) – с учетом статусной роли говорящего более определенная информация о лице является абсолютно незначимой, во (2) – в такого рода обобщенных высказываниях для автора, как и для адресата, не существенна определенность лица, что он и подчеркивает с помощью местоименного слова: *кто-то* – это некое множество из группы.

Можно предположить, что адресанты высказываний использовали неопределенно-референтные местоимения не только потому, что и *кто-то*, и *что-то* обозначают объект, который говорящие не могут идентифицировать, а скорее всего, потому, что они и не ставили

перед собой такую цель: для них гораздо более важным является стремление адекватно донести до массовой аудитории – адресата в массмедиа передаваемое сообщение.

Аналогичный вывод напрашивается и в том случае, когда в высказывании с неопределенным местоимением представлена частично снятая неизвестность, как, например: ***Кто-то из Рокфеллеров, по-моему, сказал: «Объяснить можно все, кроме первого миллиона»*** (Новая газета. 07.08. 2018). Здесь, как видим, присутствует указание на конкретное семейство, к которому принадлежит упоминаемое неопределенное лицо, однако точная его конкретизация не входит в намерение автора информации – для него оно по-прежнему остается неопределенным. Для говорящего значимой является сама сообщаемая информация.

В ряде случаев вообще отсутствует необходимость в идентификации объекта, с помощью неопределенного местоимения подчеркивается отношение в целом к ситуации, причем отношение не безоценочное: *Я сейчас публично всем казахстанцам говорю: не надо этого делать! Надо оставаться в истории своими делами, а не **какими-то** памятниками, – подчеркнул Глава государства* (Казахстанская правда. 26.12.2017). *Еще не было в истории человечества войны, в ходе которой **какие-то** шаманы, жрецы, пророки, пиарицики не рассказывали бы населению, что «мы всех тут раздолбали, что наше дело правое, что мы и тут отомстим* (Эхо Москвы. 17.02. 2018).

Местоимения серии *-нибудь*, продуктивность которых в медийных текстах также велика, как правило, оказываются востребованными в нереферентных ситуациях, когда нужно подчеркнуть, что «участвующий в событии элемент еще не выбран» (Падучева 2008: 215): *Как-то я ему задал «вопрос вопросов», решение которого, как мне казалось, может **что-то** поменять в нашей действительности – как соединить западный прагматизм с российской широтой натуры? Над желанием увидеть **что-нибудь** сохранившееся из той формы только посмеялся* (Новая газета. 03.05. 2018). Местоимение на *-нибудь*, относящееся к нереферентным местоимениям экзистенциального типа, употреблено в контексте модальности желания, то есть еще не состоявшейся ситуации. Как и во многих других высказываниях, где местоимения на *-нибудь* связаны с планом будущего. Употребление местоимений на *-нибудь* наблюдается в контекстах, которые, вслед за Е.В. Падучевой, называют контекстами снятой утвердительности: местоимение «не соотнесено ни с каким конкретным объектом в реальном мире (мире говорящего), а имеет референт только в мире, порождаемом тем или иным оператором снятой утвердительности» (Падучева 2015). При этом актуализруется семантика «безразличия к выбору объекта», что может подчеркиваться частицей *хоть*, эксплицитно или имплицитно выраженной: *«хоть кто/что-нибудь»*: *В августе, когда существовала достаточно напряженная информационная среда, когда каждый говорил из экспертов, что*

скоро закончится ЭКСПО-выставка и после этого произойдет обвал курса тенге, потому что Национальный банк для ЭКСПО держит этот курс. Вот хоть кто-нибудь из вас написал, что те эксперты, которые все прогнозировали, они были неправы (КТК. 22.11. 2017). *Хоть кто-нибудь из западных компаний попросит эту запись и покажет этот монолог, который, кроме нас в России, никому на фиг не нужен?* (Новая газета. 29.03. 2018).

По нашим наблюдениям, в современном медийном дискурсе мало востребованными являются местоимения на *-либо*. Считается, что они синонимичны местоимениям на *-нибудь*, чем можно объяснить их малую употребительность. Однако, представляется, что далеко не во всех случаях возможна такая синонимическая замена.

Действительно в ряде ситуаций говорящий мог использовать любое из двух обсуждаемых местоимений, как, например: *Именно поэтому мы говорим о том, что, прежде чем что-либо предлагать, надо внимательно анализировать все возможные последствия* (Коммерсантъ. 16.05. 2018). *Два источника “Ъ” в Совете федерации сказали, что не слышали о возможном переходе кого-либо из сенаторов на работу в правительство* (Коммерсантъ. 16.05. 2018). *При этом, судя по результатам опроса, жители России меньше всего «сочувствуют беженцам» и не верят, что они могут принести какую-либо пользу стране пребывания* (Коммерсантъ. ru.16.05.2018). Местоимения на *-либо* вполне могут быть заменены на *-нибудь*, так как оба выражают идею безразличия к выбору объекта: (хоть) какую-либо пользу / (хоть) какую-нибудь пользу; кого-либо из сенаторов / кого-нибудь из сенаторов; что-либо предлагать / что-нибудь предлагать. Возможно, выбор в пользу местоимения *-либо* можно объяснить стремлением к книжности речи: контексты с местоимениями на *-либо* более книжные, чем на *-нибудь*, и тем самым их употребление можно рассматривать в рамках тенденции к интеллектуализации речи.

Однако в других случаях такая замена не будет вполне адекватной, например: *В Минздраве сообщили, что получили отзыв Минэкономки, и пообещали рассмотреть его с привлечением экспертного сообщества. Сейчас что-либо комментировать преждевременно, заявили в министерстве* (Коммерсантъ. 16.05.2018). *В результате продукт вроде как живой, а смесь безопасна – предпосылок для размножения чего-либо нет* (АиФ. 16.10. 2016). *Значительная часть рабочих групп и мероприятий проходили без участия какого-либо числа аналитиков Аналитического центра при правительстве* (Коммерсантъ. ru.16.05. 2018). Обращает на себя внимание такая особенность приведенных высказываний: они либо включают отрицание, либо оно предполагается. Е.В. Падучева называет их контекстами «внутрилексемного отрицания» (Падучева 2008: 218).

Н.Д. Арутюновой было сделано наблюдение о специфических для русского языка конструкциях, в которых показатель неопределенности относится не только к предметному, а именно к признаковому значению: «неопределенность более тесно связана с семантикой, – со сферой значения, чем с референцией, признаками, чем с предметами» (Арутюнова 1999: 814, 816, 818], при этом причины той и другой неопределенности разные.

Наиболее продуктивные в медийных текстах местоимения-прилагательные *какой-то*, *какой-нибудь* в составе именной группы могут участвовать как в ситуациях с непрявленностью предмета (референции), так и в ситуациях, когда нужно подчеркнуть неопределенность признака: *Мы работаем над какими-то историями вместе. Но когда сюда приезжают иностранцы, у нас гостеприимство бушует на каком-то генетическом уровне* (Новая газета. 07.08. 2018).

Заметим, что некоторые именные группы с неопределенным местоимением приобретают характер устойчивых выражений, которые никак не предполагают выяснения причин неопределенной референции. Речь идет о сочетаниях типа «в каком-то смысле», «в какой-то степени», «в какой-то момент».

Одна из причин обращения к неопределенным местоимениям как выразителям признаковой неопределенности была охарактеризована Н.Д. Арутюновой следующим образом: «Недоопределенность признаков вызвана ограниченностью семантических ресурсов языка или неумением ими пользоваться» (Арутюнова 1999: 820].

Действительно нередки случаи, когда использование неопределенных местоимений объясняется затруднениями со стороны говорящего определенно охарактеризовать признак упоминаемого объекта информации в связи со сложностью его идентификации. Однако отметим, что столь распространенные в медийном дискурсе высказывания с *какой-то* часто преследуют иную цель – а именно отказаться от пространного объяснения, имеющего отношение к свойствам обсуждаемого объекта: автор вполне обходится без «избыточных сведений» и надеется на подобное отношение со стороны адресата, как, например: *...мы это очень скоро ощутим по всему, по росту цен, по каким-то совершенно, может быть, мы себе даже не представляем, по каким-то ухудшениям всех показателей жизни* (Т/к «Дождь». 11.04. 2018). *Есть какие-то границы, понимаете, «красную черту» нельзя переходить. Давайте тоже с уважением относиться к нашим интересам* (Т/к РБК. 26.05. 2018).

Исследователи давно обратили внимание на использование неопределенных местоимений в качестве средства актуализации признака как «отклонение от нормы, от стандарта». Медийный дискурс содержит такие примеры в изобилии: *15-летняя Алина Загитова, проводящая свой первый сезон на взрослом уровне, должна была доказать, что ее*

победы на двух этапах и в финале Гран-при, а также в короткой программе чемпионата России – это не **какое-то сумасшедшее** стечение обстоятельств, а серьезное, вполне оформившееся мастерство (Газета.ру. 23.12. 2017). Прорекларированы **какие-то туманные** интересы, но эту фантазию нужно все-таки как-то обосновать (Эхо Москвы. 21.02.2018). Надо сказать, что наше правительство **по какой-то странной** инерции остается либеральным, пытается сделать невозможное... (Новая газета. 12.04. 2018). Более того, в российской культуре есть **какое-то поразительное** явление, невероятное уважение к образованию и культуре в целом (Т/к «Дождь». 11.04. 2018).

Как видим, неопределенность значения определений-прилагательных никак не конкретизируется сочетающимися с ними неопределенными местоимениями, которые, подчеркивая значение «отклонения от определенного стандарта», указывают не столько на необычность самого признака, сколько на невозможность определить причины появления подобного признака.

В этой роли неопределенные местоимения могут рассматриваться как разряд слов, выступающих в функции семантических операторов: «Размытые концепты притягивают к себе семантические операторы. ...Нестабильные предикаты нуждаются в доопределении» (Арутюнова 1999: 832). Обращает на себя внимание грамматическая семантика существительного: в большинстве своем это имена с непредметным значением, которые трудно идентифицировать. Назначение неопределенных местоимений заключается в оценивании объекта или в целом явления как трудно определимого, несколько необычного, причины возникновения которого не поддаются точному обоснованию. Причем значение «нестандартности» может быть заложено в самом названии признака и при конкретном существительном, например, *Мероприятие было абсолютно мирное. В его немирной части **какие-то непонятные** бомжи туда пришли и напали на людей – так это власть их привела* (Коммерсант. ру. 15.05. 2018).

Современная общественно-политическая ситуация ввела в широкий обиход новую номинацию «санкционная война», которая сопровождается в ряде высказываний местоимением *какой-то* в роли семантического оператора:.. *Потому что о своей идее развития инновационного производства в стране Н.Назарбаев говорил задолго до того, как начались **какие-то санкционные войны*** (Новая газета.16.11. 2017). На наш взгляд, здесь также можно усмотреть актуализацию признака «отклонение от нормы», то есть от нормального положения дел.

Отмечаем реализацию признаковой неопределенности в контекстах, в которых необходимо усилить значимость признака, как, например: *Объяснять моду на слово легко, а*

вот угадать практически невозможно. Еще одно молодежное слово – «хайп» – попало в какой-то очень важный общественный нерв и взорвало коммуникативное пространство. Слова, похожие на него по смыслу, были популярны, но, конечно же, не настолько. Иногда говорят о какой-то особой звуковой ауре слова (М. Кронгауз).

Влиянием разговорной речи на медийный дискурс можно объяснить высказывания, в которых, напротив, подчеркивается неважность, незначительность признака. В этой функции часто выступает местоимение *кое-какой*, относящееся к разряду слабоопределенных: *Они выплатили 6 миллионов тенге, но это ушло на солярку и кое-какие долги. У нас по договору деньги должны выплачиваться каждые 10 дней, но этого не было (КТК). У России тоже кое-какой опыт имеется. Однако в существующих условиях суверенного капитализма россиянам, возможно, ещё долго будет несладко (АиФ. 04.02. 2009).* Говорящий намеренно умалчивает о свойствах упоминаемого объекта, даже если он владеет знанием об этих свойствах, как, например: *Недавно глава Росфинмониторинга Юрий Чиханчин сообщил, что его служба изучила так называемое «Панамское досье», обнаружила там сомнительные сделки на миллиарды рублей с участием представителей власти и кое-какие материалы передала в правоохранительные органы (Коммерсантъ).* В одних случаях с местоимением-прилагательным *кое-какой* превалирует субъективно-оценочная квалификация объекта, в других – подчеркивается нейтральная количественная его оценка, что позволяет замену *кое-какие* на *некоторые* (*кое-какие-документы / некоторые документы*).

В информационной среде формально выраженная смысловая неопределенность часто объясняется нежеланием использовать соответствующий определенный атрибут с тем, чтобы выразить свое, обычно негативное отношение, как, например: *Но мы жители этой страны, и волей-неволей ответственность ложится тоже на нас, почему же мы не можем сделать так, чтобы нами управляли какие-то другие люди, или не судили нас по каким-то конкретным действиям власти, потому что действительно у нас многообразная, многообразная жизнь, и масса людей, которые совсем не исповедуют этот милитаризм (Т/к «Дождь». 11.04. 2018).*

В рассмотренных высказываниях с формальным показателем неопределенности признака неопределенное местоимение выделяет из класса признаков некую разновидность, которая никак не охарактеризована, причем в большинстве случаев не охарактеризована в силу вполне определенных интенциональных установок говорящих.

В медийном дискурсе проявлена еще одна ситуация, когда актуализируется признак несущественности, безразличия для говорящего при указании как на сам предмет, так и на его характерологические особенности. Семантика неопределенности приобретает оценочную

коннотацию, причем доминирующим над значением неопределенности является именно негативный аксиологический компонент: *Вот и идёт лишённый выбора народ провести выходной в какой-нибудь торгово-развлекательный центр. Но центры эти ставят перед собой одну задачу – заработать. И неважно, как, на чём* (АиФ. 03. 2018). *Потому что в каких-то маленьких городах, в провинции, в глубинках подростки живут брошенные. Ими никто не занимается – ни государство, ни родители* (НСН. 1-2 марта 2018). *Не какая-то там чужая свадьба чужого принца в чужой враждебной нам стране* (Новая газета. 24.05. 2018). *Американский лидер рынка сериалов и телешоу потратит на производство контента сумму, равную бюджету какой-нибудь развивающейся страны* (Life.ru). *Если кандидат ведет кампанию на территории своего государства, давайте теперь, чтобы поехать в какую-нибудь Кемеровскую область, запрашивать у посольства Анголы, например, разрешения на въезд туда* (т/к РБК. 07. 03. 2018). *А для чего вы это делаете? Чтобы завтра на этом месте сделать банк, сделать ресторан, открыть какую-нибудь пивнушку?* (КТК). Следует отметить, что прагматически обусловленная смысловая неопределенность приводит к снятию существующих в семантике неопределенных местоимений различий: местоимения на *-то* и на *-нибудь* актуализируют семантику «безразличия к выбору объекта», свойственную прежде всего местоимениям на *-нибудь*. При этом в приведенных высказываниях отсутствует информация о той совокупности объектов, из которой должен быть выбран упоминаемый объект:

Наряду с отмеченным значением несущественности, безразличия актуализируется значение «умаление значимости». Тимиологическая составляющая обоих признаков групп одинаковая: *какой-то* и *какой-нибудь*, являясь показателями «умаления значимости», относятся к идентификаторам нижнего уровня тимиологической оценки (всякие, разные). Е.И. Шейгал, вслед за А.Б. Пеньковским, называет значение, выражаемое этими местоимениями, как «обезразличивающее обобщение» и «обезразличивающая неопределенность». Эти значения выводят референт за пределы круга «своих» и тем самым индуцируют коннотацию пейоративного отчуждения» (Шейгал 2004: 121-122). Следовательно, подобные показатели этого значения можно отнести к знакам «чуждости», характеризующим полюс «чужой» в шкале ценностей как одной из универсалий медийного идеологического дискурса.

Как видим, вторичные, то есть прагматически обусловленные значения, стирая семантические различия между разными сериями местоимений, редуцируют и значение неопределенности как инвариантное для этой группы местоимений. Во многих случаях различия между конкретной и неконкретной референцией снимаются по той причине, что они

употребляются в контекстах, в которых неважны референциальные свойства обсуждаемых объектов.

Конечно, нужно иметь в виду случаи, когда говорящий действительно не располагает референциальными знаниями об объекте, как и ситуации, для которых трудно подобрать адекватное вербальное выражение. Однако в большинстве своем говорящий, обладая знанием о референте, стоящем за неопределенным местоимением, не проявляет этого знания в коммуникации по вполне осознанным причинам. Для медийной сферы такими причинами являются вуалирование определенной позиции, того или иного мнения, а также намеренное сокрытие истины, сознательное введение в заблуждение, снятие ответственности за сообщаемое. И как следствие – в медийном дискурсе проявлено не просто умолчание, а красноречивое умалчивание как манипулятивное сокрытие истины.

Н.Д. Арутюнова, характеризуя семантику неопределенных местоимений, прямо называет их знаками молчания и умолчания: «НМ – это своего рода пунктир, знаки молчания и умолчания, незаполненные клетки, семантические пробелы, маркеры разрыва между интуитивным постижением мира и возможностями вербализации» (Арутюнова 1999: 823].

В современной лингвистике значение умолчания рассматривается в различных аспектах, в том числе оно представлено и в качестве функционально-семантической категории, обладающей «самостоятельным языковым значением – значением недосказанности» (Сеничкина 2003). При этом базовым для семантики умолчания называют значение неопределенности.

На наш взгляд, умолчание в силу самых разных прагматических причин выступает как одна из стратегий представления информации в медийном дискурсе. Как, например: *были на сутки приостановлены **какие-то** операции по карточкам, но это связано с большим количеством операций, обслуживаемых в порядке очереди. Могут быть **какие-то** сбои в течение 2-3 дней, но это максимум* (Лента новостей. 31.07. 2018). В данном случае говорящий обладает точной информацией, но не может (в силу служебного положения) и соответственно не хочет проявить знание о предмете речи. Он осуществляет это намерение посредством знаков умолчания – неопределенных местоимений.

Срабатывают и другие причины для реализации стратегии «умолчания». См., например: *Путин заявил, что кто-то целенаправленно собирает биоматериал россиян* (РИА Новости). *Я против даже тортика в лицо, но **кое-кто** хайтит на трагедии с Фельгенгауэр* (Газета.ру). *На грязные деньги строились особняки, покупались шикарные машины, **кто-то** даже смог позволить себе конюшню с элитными скакунами* (КТК. 27.02. 2018). Здесь реализован еще

один вариант семантики умолчания, который, вслед за Е.П. Сеничкиной, назовем «умолчанием-намеком» («знаю, не называю, догадайтесь») (Сеничкина 2003).

Реализуемый способ подачи информации в виде умолчания, который предстает как недосказанность, недоговоренность, неидентифицированность, мнимая неопределенность, объясняется причинами прагматического характера, которые определяются одной общей интенцией медийного дискурса – воздействующим информированием. В целом смысловая неопределенность как один из способов вариативной интерпретации действительности во многом обусловлена манипулятивным воздействием массмедиа. Она способствует созданию нужной для говорящих картины мира.

Список литературы

- Дускаева Л.Р. (2012): Интенциональность медиаречи: онтология и структура // Медиатекст как полиинтенциональная система. СПб.: С.- Петерб. гос. ун-т, 2012. С. 10-16.
- Чейф У. (1982): Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1982. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. С. 277-316.
- Арутюнова Н.Д. (1999): Язык и мир человека. М.: «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
- Солганек Г.Я. (2012): Введение // Язык СМИ и политика. М.: Изд. Московского университета, 2012. С. 8-26.
- Лейчик В.М. (2007): Преподавание основ культуры речи в свете новейших тенденций развития русского языка // Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания, 2007, №2. С. 7-12.
- Падучева Е.В. (1996): Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира. URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/dominanta1_1996.pdf (Дата обращения: 02.08. 2018).
- Падучева Е.В. (2008): Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 296 с.
- Падучева Е.В. (2015): Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности). URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/Non_viridicalK.pdf (Дата обращения: 02.08. 2018).
- Шейгал Е.И. (2004): Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
- Сеничкина Е.П. (2003): Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке. Автореф. дисс. доктора филол. наук. М., 2003. URL: <http://cheloveknauka.com/semantika-umolchaniya-i-sredstva-ee-vyrazheniya-v-russkom-yazyke> (Дата обращения: 17.10. 2017).

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ КАК СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ

Газарова Диана Юрьевна
Ереванский государственный университет, Армения
dgazarova@ysu.am

INDEFINITE PRONOUNS AS A WAYS OF EXPRESSING AN EVALUATION

Diana Gazarova
Yerevan State University, Armenia

АННОТАЦИЯ

Неопределенные местоимения способны выражать оценку говорящим происходящего. Использование местоимений бывает весьма существенным, без них эмоциональный план высказывания гораздо менее убедителен. Как правило, местоимения указывают на пренебрежительное отношение говорящего.

ABSTRACT

Indefinite pronouns are able to express addresser's evaluation. The use of pronouns is very significant, without them the emotional outline of the statement is much less convincing. As a rule, pronouns indicate the scornful attitude of the addresser.

Ключевые слова: неопределенные местоимения, оценка, относительная неопределенность, имя собственное.

Keywords: indefinite pronouns, evaluation, relative indefiniteness, proper name.

Оценка, очевидно, является универсальной категорией: вряд ли существует язык, в котором отсутствует представление о «хорошо/плохо» (Вольф 2002: 9). В современном русском языке существуют самые разнообразные способы выражения оценки, исследователи отмечают прилагательные, существительные, междометия, глаголы, предикативы, фразеологизмы. Местоимения же отмечались в основном в контексте их употребления с оценочными словами (*этот негодяй, такой хам* и др.) либо в аспекте категории определенности/неопределенности (*Какой-то негодяй обидел её*). Между тем, на наш взгляд, местоимения способны не только усиливать оценочность существительных, прилагательных, но и сами выражать оценку.

Оценка более, чем какое-либо другое значение, зависит от говорящего субъекта. Связь оценочного значения с автором речи многогранна (Арутюнова 1998: 6). Местоимения же более, чем другие части речи, выражают мысли, интенции и прагматические задачи говорящего. Не случайно М.А. Шелякин называет местоимения самой эгоцентрической подсистемой языка (Шелякин 1978: 22).

В данной статье мы рассмотрим неопределенные местоимения в аспекте выражения ими оценки. «Местоимения неопределенные дают общее, приблизительное указание на предмет или признак и оставляют невыясненным, неизвестным, точно не определенным конкретное представление о предмете, лице, качестве, свойстве, принадлежности предмета или порядковом месте его в ряду однородных предметов» (Селиверстова 1988: 52-53). Однако это общее, приблизительное указание имеет в то же время множество оттенков значения, сама неопределенность приобретает в некоторых случаях ту или иную конкретность, определенность. Это обусловлено разными причинами. Как отмечает С.М. Кузьмина, «семантика и функционирование неопределенных местоимений определяется практически всеми компонентами высказывания: его модальностью, коммуникативным типом, типом грамматико-категориальной реализации сказуемого, семантикой сказуемого, типом дескрипции имени и т. п.» (Кузьмина 1989: 161).

Амплитуда значений, выражаемых неопределенными местоимениями, достаточно широка. Помимо значения собственно неопределенности, относительной, факультативной неопределенности, неопределенные местоимения способны выражать пренебрежительное отношение со стороны говорящего. В подобных случаях выражается оценка неопределенности, несущественность раскрытия неопределенности. Ср.:

*Я не хуже **какого-нибудь** правоведа или бабы доктора.* (А. Чехов)

В данном примере именно местоимение несет на себе оценочную нагрузку и выражает недостаточно уважительное отношение говорящего к профессии юриста. Или, например:

*Кто же думает о **каком-то** сыне
В восемнадцать лет!* (М. Цветаева)

Если мы представим тот же пример без местоимения, то он окажется гораздо менее убедительным в эмоционально-экспрессивном плане. Местоимение подчеркивает, что в восемнадцать лет отношение к сыну может быть только как к *какому-то*, т.е. несерьезное, неосознанное.

В подобной функции чаще употребляются местоимения с *-нибудь*, поскольку они являются нефиксированно-неопределенными местоимениями, включающими сему

невывбранности, а значит – порой и несущественности референта. Часто подобное употребление предполагает не просто неопределенность, говорящий выражает свое негативное отношение, употребляя неопределенное местоимение.

*- **Какой-нибудь** мальчишка, молокосос ... нищий ... осмеливается говорить прямо в лицо такие мерзости!* (А. Чехов)

В сочетании местоимений с существительными, лишенными оценочного значения (в отличие от предыдущего примера), эти слова тут же приобретают значение оценки, как правило, негативной, например:

***Какой-нибудь** студент будет мне возражать!*

Безразличие в выборе подчас переходит и в пренебрежительное употребление:

*Мать была занята своей жизнью. Ей исполнилось 30 лет. В этом возрасте женщине нужен муж, и **не какой-нибудь**, а любимый.* (В. Токарева)

Пренебрежительное значение усиливается в сочетании неопределенных местоимений с частицей *хоть*:

*Лучше двинуть в кандидаты. **Хоть каких-нибудь** наук.* (Д. Саврасов)
*Реакция бывает разной, от откровенного страха до истерики, от нервной дрожи до полной апатии, но она обязательно есть. **Хоть какая-нибудь**.* (А. Маринина)

Различие между местоимениями с *–то* и *–нибудь* хорошо иллюстрирует данный пример:

*И Зинзага, сделав большие глаза, потряс кушетку. С Амаранты медленно сползла **какая-то** книга и, шелестя, шлепнулась об пол. Романист поднял книгу, раскрыл ее и побледнел. Это была не **какая-то** и **отнюдь не какая-нибудь** книга, а его последний роман...* (А. Чехов)

Сначала употреблено местоимение *какая-то*, указывающее на неопределенность, затем использовано местоимение *какая-нибудь*, выражающее отношение к этой неопределенности, пренебрежение, так как *какая-нибудь* = «все равно какая».

Следует отметить, что употребление неопределенных местоимений часто обусловлено. Ведь для говорящего в редких случаях бывает неопределенность, связанная с его действиями, состоянием. Сравним невозможность предложения **Я **что-то** читаю* наряду с вполне

употребительным *Он **что-то** читает*. Конструкция *Я **что-то** читаю* возможна только при повторяемости действия. Ср.: *Каждое утро я **что-то** читаю*. В противном случае подобная конструкция неупотребительна, поскольку настоящее время глагола предполагает сам процесс действия и исключает неопределенность для говорящего совершаемого им действия (Газарова 2016: 97).

Как это ни парадоксально, но часто говорящий, употребляя неопределенное местоимение, вполне определенно знает, что он имеет в виду. Налицо, так сказать, противоречие: неопределенное местоимение – и вполне определенный референт. И в таких случаях неопределенное местоимение служит именно для выражения оценки говорящего, ср.:

*Идиоты! Трясутся, что на **какой-то** там кафедре потом узнают, что в **каком-то** лагере томится некий узник Костоглотов.* (А. Солженицын)

В данном примере неопределенное местоимение свидетельствует не о пренебрежительном отношении говорящего, а о его убежденности, что к вполне конкретному лагерю отнесутся как к *какому-то*. С помощью неопределенных местоимений говорящий как бы умаляет значение данных объектов для окружающих.

Этот пренебрежительный оттенок может перейти и в совершенное неприятие существования того или иного явления, качества (*какой-то* = «никакой»):

*По **какому-то** праву (им не приходит в голову спросить себя о праве) они без меня и за меня решаются на страшное лечение.* (А. Солженицын)

Местоимение *какой-то* указывает не на то, что говорящему неизвестно, какое это право, а на уверенность говорящего в несуществовании такого права вообще.

В сочетании с указателями времени, пространства неопределенные местоимения могут выражать и значение незначительности. Например:

*Одним словом, через **какой-нибудь** час я и Софья Павловна были уже друзьями.* (А. Чехов)

*Он был в **каких-нибудь** двух метрах...* (В. Шукшин)

*В **какие-нибудь** две минуты пламя охватило табурет, столы, перешло на кулисы ...* (А. Чехов)

В подобной функции чаще употребляются местоимения с *–нибудь*, однако возможны и случаи с *–то*:

*Он замолчал на **какое-то** мгновение, а затем продолжил.
За **какие-то** полчаса он справился с заданием.*

В данных случаях проявляется значение «очень небольшой», «минимальный».

Интересны случаи сочетания неопределенных местоимений с именами собственными, здесь мы также можем говорить об относительной неопределенности. Сочетание местоимений с именами собственными (ИС) имеет ряд особенностей: и местоимения, и имена собственные прежде всего указывают, а не обозначают. Дж. Ст. Милль иллюстрирует функцию собственного имени известной историей о разбойниках из «Тысячи и одной ночи», где кто-то из шайки помечает меловой чертой городскую дом, чтобы, вернувшись со своими товарищами, узнать его среди множества других домов. Аналогично этому штриху мелом, функция собственного имени, по Дж. Ст. Миллю, сводится к диакритической функции: собственное имя выступает как чисто индивидуальный показатель, своего рода индивидуальный знак (Individualzeichen), в то время как общее имя (Artname) обладает коннотацией (Бюлер 2003: 88).

В этом смысле имена собственные сближаются с местоимениями, которые часто рассматриваются как «пустые слова», слова-заместители. Интересно высказывание по этому поводу английского лингвиста Г. Суита: «Крест в конце квитанции или какого-то другого документа говорит нам лишь о том, что имеется в виду имя без указания, какое именно. Подобно этому местоимения не имеют своего собственного самостоятельного значения – единственная информация, содержащаяся в нем, – это указание на то существительное, к которому оно относится» (цит. по: Селиверстова 1988: 27).

Как отмечает А.Д. Шмелев, всякое употребление имени собственного с местоимением **какой-то** носит «цитатный» характер, содержит непосредственную отсылку к употреблению этого имени собственного другим лицом (Шмелев 1989: 94). Если, увидев незнакомого мальчика, мы можем сказать: «пришел какой-то мальчик», то назвать по имени незнакомое лицо (*Пришел **какой-то** Петров*) мы можем только в том случае, если это лицо представилось нам или было кем-то названо. Например:

*Тебе звонит **какой-то** Петя.
Тебя спрашивает **какой-то** Иванов.*

Данные предложения равнозначны следующим: *Тебя кто-то/какой-то, один человек спрашивает*, с той только разницей, что в предыдущих примерах говорящему известно хотя бы имя референта.

Говоря о случаях сочетания местоимения **этот** с именами собственными и о неопределенной определенности, Б.Л. Иомдин отмечает: «Употребляя лексему *этот*,

говорящий показывает, что повторяет номинации, использованные собеседником или другими людьми. Это явление, неожиданным образом, сближается с так называемой косвенной эвиденциальностью (пересказывательностью), во многих языках выражающейся грамматически» (Иомдин 2006: <http>). То же самое можно сказать и о сочетаниях неопределенных местоимениях с ИС. Но если одной из функций местоимения *этот* в сочетаниях с ИС – это снижение пафоса высказывания, как отмечает Б. Иомдин, то неопределенные местоимения в сочетаниях с ИС выполняют противоположную функцию: повышение пафоса высказывания, однако чаще всего пафоса негативного. В этой функции в основном употребляется местоимение *некто*:

- *Кто этот молодой человек?*
- *А... Это некто Володя Макаров. Замечательный молодой человек..* (Ю. Олеша)
Этим делом занимается некто Петров.

В приведенных примерах при замене на местоимение *какой-то* возникает лишь значение неизвестности говорящему носителя ИС, местоимение же *некто* может вносить и некоторый оттенок пренебрежения.

М.А. Шелякин отмечает, что использование местоимения *некто* при собственных именах аналогично такому же использованию артиклей в «артиклевых» языках, где они приобретают чисто пейоративную функцию (Шелякин 1978: 21).

Местоимение *какой-то* может быть употреблено и перед именем лица, заведомо известного и говорящему, и адресату речи. «В этом случае сочетание «какой-то + ИС» имеет ярко выраженную пейоративную окраску («не заслуживающий того, чтобы его знать») (Шмелев 1989: 95). Ср.:

Какой-то Петров учит меня, как жить!
Какой-то Зайцев не ставит мне пятерку!

Здесь употреблением *какой-то* выражается и пренебрежительная оценка носителя ИС. Интересно отметить, что в данном употреблении невозможно местоимение *некто*, которое в сравнении с *какой-то* более неопределенно и не предполагает известности референта говорящему.

В подобных случаях возможно и усиление пренебрежительного отношения с помощью соответствующего прилагательного с негативным компонентом значения:

А.Д. Шмелев выделяет метонимическое и метафорическое употребление сочетания «какой-то + ИС». При метонимии чаще всего реализуется значение неизвестности говорящему. Например:

*Он читает **какого-то** Маркеса.
Она пишет **какому-то** Коле.*

В данных примерах ИС известно говорящему, но носитель ИС остается невыявленным, неидентифицированным; для говорящего неопределенным является референт, но не его наличие, существование. Здесь возможно употребление и местоимения *некий*. Отметим, что в подобных предложениях употребление ИС является «цитатным», хотя, как отмечает А.Д. Шмелев, не обязательно отсылает к речевому акту: говорящий сам мог увидеть фамилию автора на обложке (Шмелев 2002: 121).

В случае же метафоры носитель ИС должен быть известен говорящему, местоимение имеет значение «своего рода», «что-то вроде»:

*– По-вашему, Рудин Тартюф **какой-то**. (И. Тургенев)*

При метафорическом употреблении носитель ИС предполагается известным не только для говорящего, но и для слушающего, что и дает возможность подобного употребления.

Метафора возможна и в сочетании *какой-нибудь* + ИС, выражая значение «кто-нибудь вроде носителя ИС». Ср.:

*- Может, и Ремарк хороший писатель?
- Конечно.
- И **какой-нибудь** Жюль Верн?
- Еще бы. (С. Довлатов)*

*И волосы подстрижены под призывника в первый день службы, должно быть, у **какого-нибудь** Вячеслава Зайцева. (Т.Устинова)*

*Скажи каким-нибудь итальянцам, **каким-нибудь** Петрарке и Лауре, что любовные истории имеют свойство развиваться под снегопадом, в пурге, не только не поверят, но и перестанут любить. (В. Аксенов)*

Следует отметить, что в сочетаниях «*какой-нибудь* + ИС», в отличие от сочетаний «*какой-то* + ИС», невыбранному референту, уподобленному носителю ИС, приписываются качества носителя данного ИС. В случаях с *какой-то* перед нами лишь известность или неизвестность носителя ИС для говорящего и/или для слушающего; чтобы понять, о ком идет речь, слушающему необязательно знать носителя ИС, поскольку это может быть и

нерелевантным. В сочетаниях же с местоимениями *какой-нибудь* у слушающего должны быть определенные сведения о носителе ИС, о качествах, ему присущих, иначе коммуникативный акт не будет успешным и употребления местоимения и самого ИС будут излишними.

К значению «кто-нибудь вроде носителя ИС» добавляется и значение пренебрежения, несущественности заполнения позиции референта.

В подобных случаях следует учитывать и тот факт, является ли носитель ИС реальным лицом или вымышленным, литературным персонажем. В случае с реально существующим лицом мы можем говорить о его инклюзивности, включении. Ср.:

- *С кем она говорит?*
- *С каким-нибудь Колей Ивановым.*

Не исключено, что в ситуации участвует и сам Коля Иванов. Здесь проявляется и безразличие, несущественность для говорящего соотнесения с референтом. Интересно, что в случае замены на *какой-то, некий* названное ИС является единственно возможным носителем действия. Он просто неизвестен говорящему. Здесь исключается возможность заполнения актантной позиции носителем какого-нибудь другого ИС. Это связано с различием местоимений с *-то* и *-нибудь*, с фиксированностью и нефиксированностью референта.

Так же, как и в вышеприведенных случаях, проявляют себя местоимения и в сочетании с топонимами. В этих случаях возможна неизвестность для говорящего:

Он был рождения 1920 года и при своих полных тридцати четырех годах действительно не женат, что довольно-таки невероятно, и действительно жил в каком-то Уш-Тереке. (А.Солженицын)

Но чаще местоимения выражают оценочное значение:

- *Лена, этими разносолами можно год кормить какую-нибудь Нигерию!* (Т. Соломатина)
- *Ведь в конце завоюет нас какой-нибудь Лихтенштейн!* (В. Пьецух)

В сочетаниях с именами собственными неопределенные местоимения, с одной стороны, выполняют роль артикля (при этом они выполняют интродуктивно-катафорическую функцию), с другой – роль маркеров отношения говорящего к носителю данного имени собственного. При этом носитель может быть как известен, так и неизвестен говорящему.

Отметим, что, сочетаясь с ИС, неопределенное местоимение чаще всего сохраняет свое основное значение.

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что неопределенные местоимения весьма красноречиво выражают отношение говорящего к явлению, к участникам ситуации. Как правило, неопределенные местоимения указывают на негативную оценку. Отношение говорящего проявляется и в сочетаниях неопределенных местоимений с именами собственными, когда наблюдается известное противоречие: вполне известное, определенное имя собственное – и неопределенное местоимение.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. (1998): Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры.
- Бюлер К. (2003): Теория языка. Москва: Прогресс.
- Вольф Е. М. (2002): Функциональная семантика оценки. Москва: Едиториал УРСС.
- Газарова Д. Ю. (2016): Об относительной неопределенности в русском языке (на материале неопределенных местоимений). Санкт-Петербург: Издательство Политехнического университета.
- Иомдин Б. Л. (2006): А кто этот **этот**? Имена собственные и неопределенная определенность. URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/IomdinB.htm> (дата обращения: 09.06.18)
- Кузьмина Е. М. (1989): Семантика и стилистика неопределенных местоимений, Грамматические исследования. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. Москва: Наука, 158-232.
- Селиверстова О. Н. (1988): Местоимения в языке и речи. Москва: Наука.
- Шелякин М. А. (1978): О семантике и употреблении неопределенных местоимений в русском языке, Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 442. Тарту: Издательство Тартуского университета, 3-22.
- Шмелев А. Д. (1989): Референциальная интерпретация сочетаний вида «местоимение + имя собственное», Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир: ВГПИ, 93-101.
- Шмелев А. Д. (2002): Русский язык и внеязыковая действительность. Москва: Языки славянской культуры.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ НОРМА И УЗУС: ПРИЧИНЫ РАСХОЖДЕНИЙ

Григорьян Елена Леонидовна
Южный федеральный университет, Россия
elenagrigojan@yandex.ru

GRAMMATICAL NORM AND USAGE: REASONS FOR NON-CORRESPONDENCE

Elena Grigorian
Southern Federal University, Russia

АННОТАЦИЯ

Расхождение грамматической нормы и узуса исследуется на примере употребления в устной речи деепричастных оборотов, в которых субъект действия, обозначаемого деепричастием, не совпадает с подлежащим предложения, и форм совершенного вида возвратных глаголов в страдательном значении. Отклонения узуса от нормы могут объясняться как общими типологическими закономерностями, так и характером устной коммуникации.

ABSTRACT

The paper deals with adverbial participle constructions in contemporary spoken Russian which do not conform to normative usage, and with perfective forms of reflexive verbs in passive constructions. The non-correspondence of usage to norm may result from general typological tendencies and/ or from the nature of spontaneous speech.

Ключевые слова: деепричастные обороты, страдательный залог, совершенный вид, грамматическая норма, узус.

Keywords: adverbial participle constructions, passive voice, perfective aspect, grammatical norm, usage.

Расхождения узуса и нормы могут объясняться действием целого ряда факторов разного порядка. В данной статье будут рассмотрены два случая расхождения нормы и узуса, имеющих разную природу и обусловленных разными причинами: употребление в устной речи (1) деепричастных оборотов, в которых субъект действия, обозначаемого деепричастием, не совпадает с подлежащим, и (2) форм совершенного вида возвратных глаголов в страдательном значении (относительно редких, но не уникальных).

Исследование базируется в основном на материале речи на телевидении (прежде всего канала «Культура» и спортивных передач на разных каналах) и радио (преимущественно «Эхо Москвы»), привлекаются также отдельные примеры из Интернета, печатных изданий и корпуса.

1. Деепричастные обороты

Вопреки утверждению многочисленных учебных пособий, что деепричастия (как и причастия) свойственны исключительно книжному стилю, употребление деепричастных оборотов в устной речи имеет массовый характер, однако едва ли не в большинстве случаев они радикально расходятся с нормой, притом что любому носителю русского языка известен хрестоматийный пример из «Жалобной книги» Чехова.

Разумеется, часть подобных употреблений может быть объяснена общим характером спонтанной речи: говорящий по ходу меняет свой замысел, оборот может возникнуть, когда основной глагол ещё не выбран (в большинстве примеров, хотя и не во всех, деепричастный оборот находится в препозиции к сказуемому); кроме того, устная речь эллиптическая и возможны пропуски звеньев в цепи сообщения. Ср. характерный пример синтаксической рассогласованности высказывания: *Федор Игнатьевич Стравинский, знаменитый бас Мариинского театра, который, живя в 100 метрах от театра, ему подавали извозчика* (М. Воскресенский, «Исторические концерты»). Однако помимо очевидных причин несовпадения нормы и массового узуса (спонтанный характер устной речи; её эллиптичность; ситуативность, которая восполняет нарушение формальной связности, и т.д.), действуют причины иного, в основном прагматического характера, соответствующие некоторым общим типологическим закономерностям.

Тенденция 1: упоминание субъекта (хотя и не совпадающего с подлежащим) – фактор, увеличивающий естественность употребления оборота: так, в уже упоминавшемся хрестоматийном примере *Подъезжая к сией станции и глядя в окно на природу, у меня слетела шляпа* – без указания субъекта (*у меня*) оборот в данном контексте крайне маловероятен.

Тенденция 2: типично совпадение субъекта с темой высказывания: коммуникативный статус важнее формальных признаков. Именно к такому субъекту, формально не являющемуся подлежащим, и относится деепричастный оборот. Ср. *Обладая в принципе неплохой акробатикой, концовка у неё страдает* (Универсиада, спортивная гимнастика, 6.07.15); *Финишировав второй, её дисквалифицировали* (Чемпионат Европы по лёгкой атлетике, 13.08.2006); *Вступая в беременность, будучи уже нездоровой, женищине тяжело придётся* (Анфиса Чехова, телепрограмма 25-31.06.2016); *Приглашая актёров, ему трудно было объяснить, о чём эта картина* (об А. Кончаловском, «Сибириада. Чёрное золото эпохи соцреализма», 27.08.17); *Выбегая на поклонь, силы меня покинули* (Билет в Большой, 29.12.05); *Услышав всё это, у вас чуть-чуть добавилось уверенности?* (В. Познер, «Времена», 21.04.02); *Обрастая вот этими долларами, всё меньше иллюзий остается у руководителя*

театра (А. Смелянский. «После “Моей жизни в искусстве”. Константин Станиславский», 6.08.13).

Тенденция 3: субъект в большинстве случаев (как видно и по приведённым выше примерам) назван личным местоимением (которые уже по своей природе тематичны); часто это сам говорящий (это относится и к примерам, где субъект не назван эксплицитно; хотя чаще он всё же назван): *Вернувшись в 1992 году из армии, никакого колхоза уже не было* (т.е. «когда я вернулся»); *И случайно, сталкиваясь с родителями, с учителями, заходила речь об учебнике Петерсона* (Эхо Москвы, март 2014) – «когда я сталкивался»; *И прилетев в Лондон, в моём номере был букет цветов* (Алла Осипенко, балерина, «Исповедь фаталистки», 2.07.2014); *Есть произведения, прочитав которые, у меня начинают трястись руки* (Виктория Токарева, ТВ 2018); *Какое-то у меня большое сомнение, прочитав о ней немало...* (Н. Басовская, «Всё так» 09.08.14).

Это согласуется с известной в синтаксической типологии иерархией актантов по коммуникативному весу (т.н. иерархия одушевлённости/ агентивности/ эмпатии/ topicality т.д.): *говорящий > слушающий > люди > другие одушевлённые > неодушевлённые* (с некоторыми вариациями).

Если в предложении с деепричастным оборотом, типа рассмотренных выше, и есть формальное подлежащее, то оно, как правило, неодушевлённое, т.е. имеет более низкий коммуникативный ранг, чем у личного местоимения, тем более 1 лица. Более того: во многих случаях подлежащее (с которым как раз не состыкован деепричастный оборот) не называет агенса или иного участника ситуации, а представляет собой – вместе со сказуемым – обозначение ощущения, эмоционального или ментального состояния: *силы покинули, прибавилось уверенности, возникает идея* и т.д.

По удачной формулировке В.П.Недялкова, «... формальная разносубъектность при смысловой равносубъектности»; «Определённые семантические актанты обоих действий нередко оказываются связанными референтным или поссессивными отношениями или же прагматически. Один участник ситуации может задавать координаты, по которым легко опознаётся другой участник» (Недялков 1990: 45). Как видно из большинства приведенных выше примеров, чаще всего такие предложения передают восприятие, описывают перцептивные происшествия – термин Р.И. Розиной (Розина 2000), и даже чисто внутренние состояния человека; известно, что для синтаксического представления такого типа ситуаций типичны дативные или иные конструкции, в которых экспериенцер или наблюдатель представлен в типичной для этой роли него падежной форме: датива, аккумулятива, генитива с предлогом *у* (т.е. поссессивного субъекта) и др. Похоже, что именно на структуры этого типа

приходится наибольшая часть употреблений рассогласованных деепричастных оборотов. Именно к этому типу относится и наибольшая часть основная масса «неправильных» оборотов, встречающихся в произведениях русских классиков XIX века: Л. Толстого, Тургенева, Достоевского и др.

Естественно, что общие типологические закономерности. Имеющие раматическое обоснование, оказываются сильнее формального правила одного языка.

Тенденция 4: Невыраженность субъекта, нередко встречающаяся в предложениях рассогласованными деепричастными оборотами, объясняется прагматически: для обобщенного субъекта так же, как и для известного конкретного субъекта, в целом характерен нулевой способ выражения, что обусловлено его низкой коммуникативной значимостью (кстати, это же наблюдается в неопределённо-личных и обобщённо-личных конструкциях); ср. Не понимаю тоску людей по советскому прошлому; потому что, *живя в нём, не было самого элементарного* (Рената Литвинова, анонс цикла «Красота скрытого. История нижнего платья», июль 2013) – т.е. у тех, кто жил в нём; *Услышав её единожды, это запоминается на всю жизнь* («Эхо Москвы», «Винил» 20.08.14) – т.е. для каждого человека; *Травма или не травма – она может случиться даже идя по улице. Можно поскользнуться...* (Универсиада, худ. гимнастика, 13.07.15). *Мало-помалу повышая цену, торги закончились немислимой суммой* («Новости культуры» 7.08.09) – не требуется уточнения, кто повышал цену; и т.д. .

В связи с отмеченными тенденциями стоит отметить, что не все приводимые примеры в равной степени недопустимы. Неприемлемыми представляются предложения потенциально неоднозначные, тем более задающие неверное прочтение (часто нелепое!), что не в последнюю очередь связано с равным или предельно близким статусом актантов: *Оставив его на ночь, путник пробирается в спальню графини...* (Н. Цискаридзе, пересказ сюжета «Графа Нулина», 1.10.2016); *Даже овдовев и женившись второй раз, его жена не смогла заменить её; Переходя из рук в руки сто раз на дню, на них скапливаются микроорганизмы* («Эхо Москвы», «Мединфо» 16.02.07).

Употребление деепричастных оборотов в страдательных конструкциях, также отвергаемое правилами, представлено достаточно широко; при этом проявляется двойственность, свойственная страдательным конструкциям; подразумеваемый субъект деепричастного оборота совпадает либо с агенсом или иным актантом, который был бы подлежащим в соответствующей действительной, либо с подлежащим страдательной конструкции. И те, и другие примеры многочисленны.

Так, в следующих примерах обороты относятся к фактическому деятелю или иному субъекту соответствующей действительной конструкции: *Узнав это, впервые были*

определены причины авитаминоза В1, болезни бери-бери (З.М. Эвенштейн. Популярная диетология. М.: Экономика, 1990 – с. 241) – т.е. определил тот, кто узнал; *И она была тут же пострижена в монахини, закрыв ей навсегда путь к власти* (Э. Радзинский «Воскресшие тени: Иван Грозный и Владимир Старицкий» 2 серия. ОРТ, 28.08.12); *Таблетки принимаются внутрь целиком (не размельчая и не растворяя), запивая достаточным количеством жидкости* (инструкция к кросациду); *Удивительно, что даже не ставя в известность автора, 95 тезисов были переведены на немецкий язык и распечатаны* (сайт obodrenie.info); *Придерживая голову пострадавшего, производится лёгкий массаж* (ТВ «Вокруг света» 9.07.89). Нетрудно заметить, что в этих примерах (за исключением второго) выдерживается приведённая выше иерархия актантов.

Наряду с этим совсем не редки примеры, в которых деепричастный оборот связан с подлежащим страдательной конструкции: *Отсидев в тюремной камере менее года, Тасси был выпущен на свободу* («Искусственный отбор», 12.11.14); *Многие творения оказались недолговечными. Не успев высохнуть, они были беспощадно закрашены* («Искусственный отбор», 14.09.16 – о Бэнкси, представителе стрит-арта); *А затем эта выставка, просуществовав 4 месяца, была возвращена Германской Демократической республике* (И. Антонова, «Пятое измерение», 10.10.17).

Во многих исследованиях, в основном относящихся к синтаксической типологии, отмечается двойственность синтаксического поведения страдательных конструкций, в которых подлежащие свойства распределены между формальным подлежащим и агентивным дополнением (или, если оно отсутствует, соответствующим подразумеваемым участником ситуации), что имеет многочисленные проявления на синтаксическом уровне (Кинэн 1982); (Козинский 1983); см. также применительно и к другим производным конструкциям (Григорьян 1985: 114). Кстати, именно этой двойственностью Д.Э. Розенталь обосновывает недопустимость деепричастных оборотов в страдательных конструкциях (Розенталь 1967: 362).

Примечательно, что деепричастные обороты могут быть и не привязаны (по крайней мере непосредственно) ни к какому актанту в предложении, выраженному или подразумеваемому: *Сделав взнос в размере 5\$ или больше, данная петиция будет показана десяткам пользователям на Change.org* (01.07.2016) – т.е. «если вы сделаете взнос».

Такие случаи, как и многие другие употребления подобных рассогласованных оборотов близки к независимым (абсолютным) конструкциям других языков. Они имеют типичные для подобных оборотов значения времени, причины, условия, уступки и аналогичны номинализациям и некоторым инфинитивным конструкциям, не требующим никакого

согласования; ср., например, *Пройдя курс лечения в Германии, болезнь отступила – после курса лечения в Германии...; Обрастая вот этими долларами... – по мере обрастания долларами...; После этого выхода, не выставив ещё оценку, все уже поняли, что это золотая команда* (Кубок мира по художественной гимнастике, Матч-ТВ 26.08.18) – *ещё до выставления оценки; Принимая эти два документа, появилась правовая яма («Эхо Москвы», 24.04.08) = при принятии: Не имея текстуры, не имея направления, камень легче обрабатывать [по сравнению с деревом]* (Анатолий Камелин, скульптор, «Искусственный отбор» 6.03.18) = *благодаря отсутствию текстуры; Почему планируя строительство в ГО Люберцы пяти с лишним миллионов квадратных метров жилья, место под храм нашлось только в единственном парке? (Change.org) - при планировании жилья; Готова сейчас выставку Ильязда и Пикассо, которую мы планируем в Малаге, обнаружилась эта матрица* (искусствовед, «Пятое измерение» 31.03.18) = *во время подготовки, в ходе подготовки; аналогично со страдательными конструкциями: Восстанавливая монастырь, были обретены мощи преподобного Александра Свирского («Александр Свирский – защитник и покровитель», 12.09.16).*

Можно говорить о превращении деепричастных оборотов в независимые конструкции, с чем безуспешно борется – как отмечает М.В. Гловинская (Гловинская 1996), со времён Ломоносова!) – нормативная грамматика. Хотя считается, что независимые конструкции усложняют синтаксис, и такое представление нередко подтверждается психолингвистическими данными, их употребление обусловлено необходимостью компрессии текста, а также упорядочением пропозиций, составляющих сообщение, по коммуникативному весу.

Тенденция к автономизации деепричастий также подтверждается и постоянно идущей адвербиализацией деепричастий и деепричастных оборотов, и превращением их в модальные слова (типа *судя по всему, короче говоря* и т.д.). Во многих употреблениях деепричастные обороты фактически являются вводными конструкциями: *Зная его, для него это больше чем трагедия* (П. Коган о К. Кондрашине, «Сати» 24.03.14 – о том, что Кондрашин терял слух).

Примечательно также, что деепричастные обороты могут функционировать и как свободные синтаксемы (в терминологии Г.А. Золотовой), в синтаксическом словаре (Золотова 1988: 348) приводятся подобные примеры заголовков и рубрик типа *возвращаясь к напечатанному, перечитывая классику, подводя итоги* и т.д. Подобные примеры, применительно к которым о формальном согласовании говорить в принципе не приходится, свидетельствует о достаточной автономности оборотов; правда, и в таких употреблениях

деепричастные оборот сохраняет характер зависимой предикации, но по отношению к последующему тексту, что является общей чертой любых заголовков.

Как видно из рассмотренного выше, отклонения от нормы в употреблении причастных оборотов следует общим типологическим закономерностям и поддерживается тенденциями, имеющими глобальный характер, тогда как само правило имеет чисто историческое обоснование на уровне отдельного языка; однако в случаях, когда возникает реальная неоднозначность (а не чисто формальная), нормативное правило следует признать оправданным

2. Формы совершенного вида возвратных глаголов в страдательном значении

Характерно, что в литературе нет единого мнения относительно форм совершенного вида возвратных глаголов в пассивном значении: как правило, они признаются устаревшими или окказиональными, т.е. ненормативными или пограничными. (Перцов 2003: 66 – 70) приводит подборку из разных авторов (17 источников) от Виноградова и Щербы до настоящего времени, где представлен широкий разброс мнений, от полного отрицания возможности возвратных форм совершенного вида в страдательном значении до приведения примеров с такими формами в общем ряду и без всяких дополнительных пояснений.

Такие примеры реально присутствуют в современной речи, и они достаточно разнообразны, ср. *Конец ленты лежал на полу, и это накажется судьями* (Универсиада, худ. гимнастика, 15.07.13); *Спектакль не сходил со сцены 19 лет. Пластинки продались – тиражом 2 миллиона* (Алексей Рыбников, композитор); *Он [ансамбль] создан на чистом энтузиазме студентов-теоретиков Астраханской консерватории* («Тайны Астраханского царства», цикл «Тайны Большого Золотого кольца России», 21.08.13); и др. Однако они далеко не так высокопродуктивны, как деепричастные обороты, рассмотренные в предыдущем разделе.

Г.М. Зельдович в статье с характерным названием «Синтетический пассив совершенного вида на –ся: почему его (почти) нет?» (Зельдович 2010) видит причину неупотребительности СВ таких форм в противоречии между свойством пассива отодвигать субъекта на второй план и значимостью субъекта в страдательной конструкции, тем более когда он назван и особенно если он индивидуализирован (типа *Книга прочиталась Иваном*); действительно, в большинстве случаев упоминаемый субъект является обобщённым, типовым. Заметим, однако, что устранение субъекта (обычно агентивного) или сдвиг его на задний план, снижение его коммуникативного статуса – не единственная функция пассива, и она не охватывает всех его употреблений.

Нам представляется, что маргинальность данного явления объясняется его двойственностью и связанной с этим неоднозначностью прочтения. Именно поэтому такие формы не рекомендуется употреблять, ср. из известного справочника по правописанию и литературной правке: «При использовании форм на **-ся** следует учитывать возможность совпадения в них двух значений – страдательного и возвратного, что может породить двусмысленность, например: *Сюда собираются дети, потерявшиеся на улице* (сами приходят или их собирают?). В подобных случаях необходима соответствующая нужному смыслу правка: а) *Сюда приходят дети...*; б) *Сюда собирают детей*. Ср. также *Деталь бросается в ванну* (вместо *Деталь бросают в ванну*). В технической литературе формы на **-ся** целесообразно употреблять в тех случаях, когда на передний план выступает само действие независимо от производителя, например: *Дверь открывается автоматически*. Если же с понятием действия связано представление о его производителе, иногда неопределенном, то правильнее употреблять формы без **-ся** (Розенталь 1967: 271). Однако даже для тех глаголов, семантика которых допускает, казалось бы, только страдательное прочтение, в формах совершенного вида происходит некоторый сдвиг значения. Нам представляется, что дополнительные смыслы, отличающие подобные случаи от типового пассива, связаны именно со спецификой личных форм глагола.

Дело в том, что личная форма и в пассиве сохраняет свою природу. Глагол, тем более совершенного вида, вносит значения динамичности, спонтанности, активности, не свойственные причастному пассиву, что усиливает тенденцию к иному прочтению, это видно в произведениях классиков XIX века: *Но история дуэли, подтвержденная разрывом Пьера со своей женой, разгласилась в обществе* (Л. Толстой); ср. *была разглашена* - в глагольном варианте ситуация в каком-то смысле уподоблена стихийному процессу: действия лиц, разгласивших историю дуэли, оказываются на заднем плане, а кроме того, в таком описании присутствует некоторый динамический момент; *Точно он сам для себя покупал лошадь, точно и в самом деле для него не всё равно было, какая ни купится* (Достоевский), ср. равнозначное *какая ни будет куплена*.

Даже когда агент назван в той или иной форме (например, указан в контексте) или однозначно подразумевается, возникает момент стихийности, приблизительно «так сложились обстоятельства», «так получилось», «так вышло»

Стремление избежать неоднозначности – один из факторов, определяющих норму, однако в устной речи неоднозначность часто компенсируется наличной ситуацией. Также актуально положение Л.В. Щербы о противоположности интересов говорящего и слушающего: говорящий в данном случае не редактирует своё высказывание, и бремя

дешифровки, в том числе снятие неоднозначности, ложится на адресата. Вместе с тем в коммуникации необходимость передачи смысла сильнее стилистических факторов.

Таким образом, расхождения узуса и нормы могут объясняться как общими типологическими закономерностями (как в случае с деепричастными оборотами), так и характером устной коммуникации.

Список литературы

- Гловинская М.Я. (1996): Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок), Русский язык конца XX столетия (1985-1995). Москва: Языки русской культуры. С. 237-304.
- Григорьян Е.Л.(1985): Семантические и прагматические аспекты диатезы. Диссертация ... кандидата филологических наук. Москва.
- Зельдович Г.М. (2010): Синтетический пассив СВ на –ся: почему его (почти) нет?, Вопросы языкознания, 2
- Золотова Г.А. (1988): Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Москва: Наука.
- Кинэн Э.Л. (1982): К универсальному определению подлежащего, Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. Москва: Прогресс.
- Козинский И.Ш. (1983): О категории «подлежащее» в русском языке, Институт русского языка. Проблемная группа по структурной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 156. Москва.
- Недялков В.П. (1990): Основные типы деепричастий, Типология и грамматика. Москва: Наука. С. 36-59.
- Перцов Н.В. (2003): Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии, Вопросы языкознания, 4.
- Розенталь Д.Э. (1967): Справочник по правописанию и литературной правке. Москва: Книга.
- Розина Р.И. (2000): От происшествий к действиям (Семантическая деривация как способ пополнения общего жаргона), Русский язык сегодня, 1. Москва: Азбуковник. С. 418-432.

ЭВФЕМИЗМЫ В ТЕКСТАХ СМИ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Зверева Марианна Ивановна
Санкт-Петербургский государственный университет,
Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского, Россия
marianna_zz@mail.ru

EUPHEMISMS IN MEDIA TEXTS: PRAGMATIC AND SEMANTIC ASPECTS

Zvereva Marianna Ivanovna
Saint Petersburg State University,
Mozhaysky Military Space Academy, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрен вопрос эвфемизации современных газетных текстов с позиции прагматики и семантики. Показана взаимосвязь между тематической направленностью текста и спецификой процесса эвфемизации в этом тексте, проанализированы такие функции эвфемизмов, как: 1) замена грубых, неприличных, неприятных слов, 2) выражение политкорректности, 3) манипуляция, 4) юмористическая функция. Кроме этого, в статье представлены результаты сопоставительного анализа эвфемизмов из четырёх языков: русского, французского, португальского и турецкого. Данные результаты анализа свидетельствуют о том, что эвфемизмы бывают как национально специфические, так и интернациональные. И это демонстрирует ещё один аспект понятия – лингвокультурный.

ABSTRACT

In the article the question of euphemisation in modern newspaper texts is considered from the position of pragmatic and semantic. There is shown the relationship between the thematic focus of the text and the specificity of the euphemisation process in this text, also there is analyzed such functions of euphemisms as: 1) replacement of gross, indecent, unpleasant words, 2) expression of political correctness, 3) manipulation, 4) humorous function. In addition, the article presents the results of a comparative analysis of the euphemisms of four languages: Russian, French, Portuguese and Turkish. The results of the analysis shows that some euphemisms are nationally specific and other euphemisms are international. And this demonstrates yet another aspect of this concept - linguocultural.

Ключевые слова: эвфемизм; политкорректность; речевая манипуляция; комический эффект; лингвопрагматика; лингвокультурные особенности; межкультурная коммуникация.

Keywords: euphemism; political correctness; speech manipulation; comic effect; linguopragmatics; linguistic and cultural features; cross-cultural communication.

Эвфемизм как «более мягкое выражение вместо грубого» (Словарь-справочник лингвистических терминов), употребляемое «для не прямого, прикрытого обозначения

какого-нибудь предмета или явления, называть которое его прямым именем в данной обстановке неудобно, неприлично, не принято» (Толковый словарь русского языка), представляет собой «**cualquier** voz o expresión que sustituye a otra que, por razones diversas, resulta inapropiada para el hablante y para el oyente en un determinado contexto» (Lechado García 2000: 14) [**любое** слово или выражение, замещающее собой другое, которое по различным причинам оказывается неподходящим для говорящего и для слушающего в определённом контексте. – перевод М. З.], перспективно рассматривать сразу с нескольких сторон, аспектов: прагматического, семантического, лингвокультурного и т.п. Такой подход позволяет многограннее, а значит, лучше осмыслить сущность этой языковой единицы, понять природу эвфемизма. К тому же, более правильное понимание одного аспекта происходит именно через понимание его связи с другими аспектами, которая, разумеется, существует.

Функциональному аспекту эвфемизма посвящены труды большого ряда российских и зарубежных исследователей (Fowler 1957; Casas Gómez 1986; Крысин 1994; Ковшова 2007; Милоенко 2009; Миронина 2012; Зверева 2015, 2016 и др.), в чьих работах эвфемизмы из разных лексико-семантических групп проанализированы с позиции лингвопрагматики. Причём предметом исследования лингвистов стала не только реализация основной функции (смягчение и нейтрализация), но и реализация дополнительных функций, которые способны выполнять эвфемизмы и которые в рамках конкретного контекста могут даже доминировать над основной функцией смягчения.

Чтобы конкретизировать вышесказанное приведём несколько фрагментов из газетных текстов, в которых обнаруживается доминирование разных функций:

1) замена грубых, неприличных, неприятных слов:

«Женская сборная России по теннису **уступила** команде Белоруссии со счётом 1:3» (Известия. 2016. 18 апреля) – эвфемизм «уступила» мягче и отчасти приятнее звучит, чем прямая номинация «проиграла»;

2) выражение политкорректности:

«Люди, работавшие с "**серебряными**" волонтерами, отмечали, что они стремятся делиться знаниями и опытом, а также очень ответственны» (РИА Новости 2018. 31 января) – эвфемизм «серебряный» не только приводит высказывание в соответствие с требованиями современного «политкорректного мира» (замещая собой номинации, которые прямо указывают на возраст, например, «старые», «пожилые» и т.п.), но и создаёт фантастически красивую образность.

3) манипуляция через размывание, сокрытие смысла:

«Соседствующий с “ПСМА Рус” завод Volkswagen только готовится к остановке и возможному изменению трудовых взаимоотношений с сотрудниками» (Известия. 18.12.2014) – здесь посредством эвфемизма «*изменение трудовых взаимоотношений*» читатель вводится в заблуждение, поскольку такой эвфемизм обладает предельно размывтой семантикой и лишь отдалённо соотносится со словами «*сокращение*», «*увольнение*», отражающими суть происходящего;

4) создание комического эффекта, юмористическая функция:

«Среди тех, кто обращался в течение последнего года в государственные медицинские учреждения, 17% попали в ситуацию, когда для получения медицинской помощи необходимо было передать персоналу подарок <...>. При этом сумма, которую в среднем тратят россияне на “благодарность” медикам, составляет 4,2 тыс. рублей. В 2013 году подарки были почти в два раза дешевле — 2643 рубля» (Известия. 2014. 12 декабря) – эвфемизм «*подарок*» в данном контексте использован не столько с целью смягчения негативного значения прямой номинации «*взятка*», сколько с целью реализации юмора в тексте.

Семантический аспект эвфемизма подробно рассмотрен в работах таких филологов, как Л. П. Крысин, Е. П. Сеничкина и др., и связан, прежде всего, с выделением лексико-семантических групп эвфемизмов, классификацией эвфемистических слов и выражений по семантическому, смысловому признаку (например, как в лексико-семантической классификации эвфемизмов Е. П. Сеничкиной, которая базируется на классификациях А. М. Кацева и В. П. Москвина и представляет более десяти наименований лексико-семантических групп эвфемизмов).

При этом интересно то, что эвфемизмы, относящиеся к разным семантическим группам и используемые в разных тематических газетных рубриках, преимущественно (если не брать во внимание частные случаи, а учитывать лишь обобщённые результаты проведённого контекстуального анализа 5904 текстов из газеты «Известия» за 2014–2016 гг. и результаты анкетирования нескольких десятков респондентов) проявляют себя через определённую доминирующую функцию. В ходе анализа внимание было сфокусировано на обозначенных ранее четырёх функциях: 1) замена грубых, неприличных, неприятных слов, 2) манипуляция через размывание, сокрытие смысла, 3) выражение политкорректности, 4) создание комического эффекта, юмористическая функция. Если кратко, то результаты получились следующие.

В газетных текстах тематической рубрики «Политика» 36% встречающихся эвфемизмов направлено на манипуляцию через размывание, сокрытие смысла; 27% эвфемизмов выполняют функцию замены грубых, неприличных, неприятных слов и столько же – 27% – выражают политкорректность; 10% эвфемизмов выполняют юмористическую функцию, создают комический эффект. Эти данные отражены в первой круговой диаграмме.

Рисунок 1. Диаграмма процентного соотношения выполняемых эвфемизмами функций в текстах тематической рубрики «Политика»

В газетных текстах тематической рубрики «Экономика» юмористическую функцию, функцию создания комического эффекта выполняет так же 10% эвфемизмов; функцию выражения политкорректности – 19% эвфемизмов; функцию замены грубых, неприятных, неприличных слов – 28% эвфемизмов, а вот на манипуляцию через размывание, сокрытие смысла направлено 43% используемых в текстах эвфемизмов. Визуально процентное соотношение выполняемых эвфемизмами функций в текстах тематической рубрики «Экономика» представлено во второй круговой диаграмме.

Рисунок 2. Диаграмма процентного соотношения выполняемых эвфемизмами функций в текстах тематической рубрики «Экономика»

В газетных текстах тематической рубрики «Спорт» результаты несколько иные. Здесь эвфемизмы преимущественно выполняют функцию замены грубых, неприятных, неприличных слов (32%); 26% эвфемизмов выполняют функцию выражения политкорректности и 25% – функцию манипуляции через размывание, сокрытие смысла; 17% эвфемизмов используется для создания комического эффекта и выполняют юмористическую функцию в тексте. Наглядно обозначенные результаты представлены в последней круговой диаграмме.

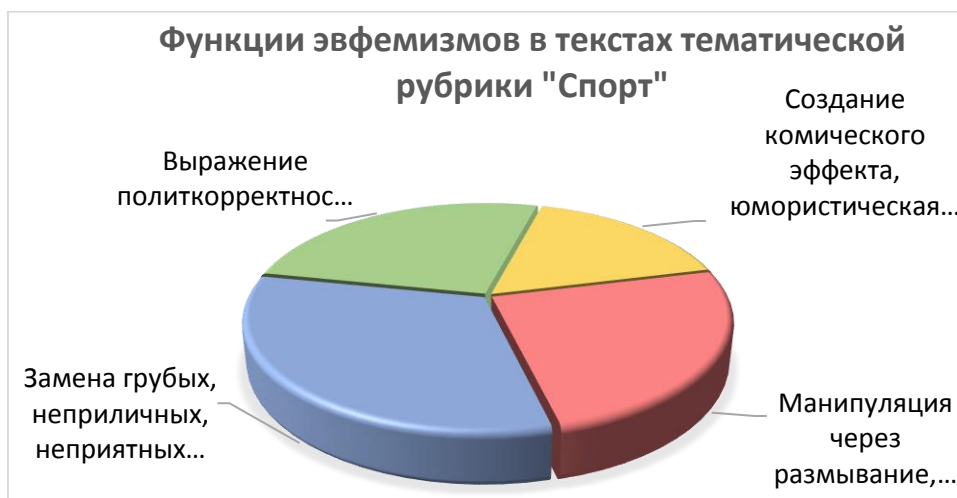

Рисунок 3. Диаграмма процентного соотношения выполняемых эвфемизмами функций в текстах тематической рубрики «Спорт»

Это подтверждает явную связь семантического и функционального аспектов понятия «эвфемизм», а также указывает на то, что характер репрезентации негативной или по каким-либо причинам нежелательной информации во многом определяет доминирующая функция эвфемизма, доносящего эту информацию

Проводя сопоставительный анализ эвфемистических слов и выражений из разных языков обнаруживается ещё одна функция – **отражение лингвокультурных особенностей** (и это уже отражает лингвокультурный аспект понятия «эвфемизм», рассмотрением которого также занимались Л. В. Порохницкая и Н. В. Тишина).

Конечно, такая функция факультативна и необязательна, поскольку проявляет она себя не всегда.

Например, в качестве одного из эвфемизмов к слову «умер» в русском, португальском, французском и турецком языках будет одно и то же слово:

- в русском языке – «скончался»;
- в португальском языке – «*faleceu*» (скончался);
- во французском языке – «*il est décédé*» (скончался);
- в турецком языке – «*vefat etmek*» (скончался).

Следовательно, в данном случае эвфемизм не специфически национальный, а интернациональный, а значит в нём не закодировано никакой лингвокультурной информации.

Однако возьмём другое слово – например, «взятка».

▪ в русском языке нередко в качестве эвфемизма к этому слову выступает «подарок» или «благодарность», «спасибо».

▪ во французском языке «*cadeau*» (подарок) и «*pot de vin*» (бокал вина), что, возможно, как-то связано со значимостью культуры виноделия в основных франкоговорящих странах;

▪ в португальском языке «*oferta*» (подарок), однако, это слово крайне редко используется носителями португальского языка из Анголы и Мозамбика, частотным и самым распространённым эвфемизмом для слова «взятка» у них является слово «*gasosa*» (газировка) – примечательно, что эвфемизмом стало название именно холодного напитка, а не горячего (не чай, например) – в этом, вероятно, есть логическая связь с жарким климатом этих стран;

▪ в турецком языке «*çorba parası*» («деньги на суп») и «*yeşillendirmek*» (в значении «зеленей!»): первое выражение связано с тем, что суп в Турции – это, как правило, очень дешёвая еда, она стоит мало денег, и порция маленькая – таким образом говорящий вуалирует реальную сумму взятки, которая, разумеется, будет в разы превышать

стоимость маленькой тарелки супа; второе выражение, согласно объяснению одного носителя турецкого языка, связано с аналогией весны в природе, т.е. когда природа зеленеет, она даёт какие-то блага человеку, поэтому глагол *«зеленей!»* в значении «давай взятку» тоже побуждает передать определённые «блага» взяточнику.

Похожим образом ментальную специфику, лингвокультурные особенности отражает и факт отсутствия эвфемистических эквивалентов в некоторых языках.

Например, русский эвфемизм *«сомнительный»* (в значении *«мошеннический»*) и *«заинтересовались спецслужбы»* (в значении *«спецслужбы начали расследование / проверку»*) не имеют адекватного эвфемистического эквивалента, в частности, в турецком языке, т.е. там используются прямые номинации, говорят прямо, что, возможно, связано с более строгим отношением к нарушениям законов, запретов.

А если обобщить результаты проведённого сопоставительного анализа и анкетирования носителей четырёх языков (русского, французского, португальского и турецкого), то выводы получатся следующие.

Во-первых, становится очевидно, что эвфемизмы бывают как интернациональные, так и специфически национальные, отражающие особенности определённой лингвокультуры.

Во-вторых, результаты анализа указывают на необходимость знания иноязычного эвфемистического эквивалента для корректного перевода эвфемизмов и их использования в условиях межкультурной коммуникации, поскольку буквальный перевод может привести к коммуникативной неудаче. И это, конечно же, важно учитывать как в процессе интернационального и интеркультурного общения, так и в процессе преподавания русского языка как иностранного.

В-третьих, такого рода результаты позволяют правомерно утверждать то, что эвфемизм – это лингвокультурная единица, а значит при его изучении важно обращать внимание и на лингвокультурный аспект данного понятия.

Исследование граней понятия «эвфемизм» можно продолжить, если проанализировать, например, представителями каких социальных групп, возрастов и профессий чаще используются или не используются какие-либо конкретные эвфемизмы. При таком анализе откроется ещё один аспект понятия – социолингвистический. Что добавит красок в общую картину понимания эвфемизма.

Таким образом, можно констатировать, что эвфемизм – это многогранное, разноаспектное понятие. Именно комплексное, многоаспектное изучение эвфемизма представляется наиболее перспективным, поскольку объясняет его сложную природу, позволяет обнаружить связи внутри понятия. Более того, комплексный анализ открывает

новые возможности для более глубокого и цельного понимания эвфемизма в рамках актуальной научной парадигмы, базирующейся на принципах функционализма, когнитивизма, антропоцентризма, экспланаторности и экспансионизма.

Список литературы

Зверева М. И. (2016): Эвфемизм как средство выражения оценки / XLV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 14-21 марта 2016 г.: Тезисы докладов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 418–419.

Зверева М. И. (2015): Эвфемизмы нашего времени и их коммуникативно-прагматический потенциал / Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13-20 сентября 2015 года). Т. 8. СПб.: МАПРЯЛ, 104–108.

Кацев А. М. (1977): Эвфемизмы в современном английском языке: опыт социолингвистического описания: автореф. дисс. ... к. филол. н. Ленинград.

Ковшова М. Л. (2007): Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. Москва: Гнозис.

Крысин Л. П. (1994): Эвфемизмы в современной русской речи / Русистика, 1-2, 28–49.

Милоенко Е. О. (2009): Специфика функционирования эвфемизмов в индивидуальном лексиконе / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Курск.

Миронина А. Ю. (2012): Политические эвфемизмы как средство реализации стратегии уклонения от истины в современном политическом дискурсе / Автореф. дисс. ... канд. наук. Нижний Новгород.

Москвин В. П. (2010): Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Москва: ЛЕНАНД.

Порохницкая Л. В. (2014): Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков): автореф. дисс. ... д. филол. н. Москва.

Сеничкина Е. П. (2006): Эвфемизмы русского языка: спецкурс: учеб. пособие. Москва: Высшая школа.

Тишина Н. В. (2006): Национально-культурные особенности эвфемии в современном английском и русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Москва.

Эвфемизм / Словарь-справочник лингвистических терминов. Под ред. Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова / АКАДЕМИК. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/1852/эвфемизм> (дата обращения: 18.01.2015).

Эвфемизм / Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова / АКАДЕМИК. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1095558> (дата обращения 18.01.2015).

References

Casas Gómez M. (1986): *La Interdicción Lingüística: Mecanismos del eufemismo y del disfemismo*. Cádiz: Publicaciones de la Universidad de Cádiz.

Fowler H. W. (1957): *Modern English Usage*. Oxford: Oxford University Press.

Lechado García J. M. (2000): *Diccionario de eufemismos y de expresiones eufemísticas del español actual*. Madrid: Editorial Verbum.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТЕМАТИКИ ДИАЛЕКТНОГО ТЕКСТА И ПОЛА ГОВОРЯЩЕГО (НА МАТЕРИАЛЕ ТОМСКОГО ДИАЛЕКТНОГО КОРПУСА)

Земичева Светлана Сергеевна

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия
optysmith@gmail.com*

THE CORRELATION BETWEEN THE TOPIC OF A DIALECT TEXT AND THE SPEAKER'S GENDER (BASED ON THE MATERIALS OF TOMSK DIALECT CORPUS)

Svetlana Zemicheva

National Research Tomsk State University, Russia

АННОТАЦИЯ

На материале записей устной речи сельских жителей, сделанных в диалектологических экспедициях в сибирском регионе в течение 70 лет, проверяется гипотеза о взаимосвязи пола говорящего и выбора тематики текста. Выявлены типично женские, типично мужские и гендерно нейтральные темы. Для исследования использован материал тематически размеченного электронного корпуса.

ABSTRACT

The hypothesis on the correlation between the gender of the speaker and the topic of the text is tested. Typically female, typically male and gender neutral topics are identified. Thematically marked electronic corpus based on the records of oral speech of rural residents made in dialectological expeditions in the Siberian region for 70 years was used for the study.

Ключевые слова: русские говоры Сибири; Томский диалектный корпус; тематическая организация диалектного текста.

Keywords: Siberian dialects of Russian; Tomsk dialect corpus; thematic organization of the dialect text.

*Публикация подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).

Корпусная лингвистика – активно развивающаяся отрасль науки. При этом всё чаще ставится задача отражения в корпусе региональной специфики языка. С этой целью создаются региональные корпуса (Clua 2006) и корпуса диалектной речи.

Томский диалектный корпус (<http://losl.tsu.ru/?q=corpus/demo>) – электронный ресурс, созданный на материале записей устной речи сельских жителей. Обследовался обширный регион Среднего Приобья – местности, расположенной по течению реки Оби (по современному административному делению это территория Томской и Кемеровской областей в Западносибирском регионе России). Информантами выступали носители русского языка старшего поколения, чья речь имеет диалектные особенности. Время записи – 1946-2016 гг. Цель создания корпуса – исследование народно-речевой культуры и крестьянской ментальности, отражённой в текстах сибиряков. Важной особенностью ресурса является его *полнотекстовый* формат. Виды разметки, реализованные на момент написания статьи, включают *паспортную* (пол, год и место рождения, уровень образования информанта), *тематическую* и *разметку по типу текста* (диалог информантов, полилог информантов, лингвистический опрос, ситуативные вкрапления, фольклор).

Тематическая разметка присутствует почти во всех созданных или проектируемых диалектных корпусах русского языка, однако перечни тем не совпадают на разных ресурсах. Так, в диалектном подкорпусе национального корпуса русского языка выделено 58 тем, среди которых «Быт», «Война», «Досуг», «Природа», «Семья» и др. (URL:<http://www.ruscorpora.ru/search-dialect.html>).

В Томском диалектном корпусе тематическая разметка осуществлялась на основе следующих принципов:

- 1) тема маркируется на уровне отдельного текстового фрагмента, а не текста в целом.
- 2) список тем включает 72 наименования и «атематический фрагмент», которым помечаются фрагменты, не отвечающие критерию связности (чаще всего они встречаются в ранних записях);
- 3) список тем иерархичен, насчитывает 3 уровня обобщения: макротема – тема – микротема;
- 4) используется «мягкая» разметка с возможностью присвоения одному и тому же фрагменту нескольких тематических меток

В начале каждого текста списком даётся перечень тем, привязанных к конкретным фрагментам, при выборе темы из списка соответствующие фрагменты подсвечиваются (см. рис.1).

Темы:

Условия жизни | Образование | Одежда и обувь | Деньги и документы | Вера и суеверия | Работа
 Ловля рыбы | Выращивание растений | Язык и речь | Транспорт | Покупки и продажа
 Другие соцгруппы | Страны, города сёла | **Шишкойой** | Прочие работы | Домашние вещи | Еда
 Сбор дикоросов | Праздники | Выращивание животных | Заготовка кормов | Обычаи и обряды
 Местность | Атмосферные явления | Природа | Мораль | Прошлое и настоящее | Досуг
 Дом и усадьба | Стихийные бедствия

Жанры:

Жили бедно, учились в чарочках с опушками. Я училась при царе. Был у меня похвальный лист.
 Приходская школа
 С. 29
 была, три класса. Водили нас в церкву, я пела на крылосе.
 Раньше в крестьянстве работали много. На подёнщину ходили. За двадцать копеек в день. А пуд муки аржаной стоил тридцать копеек, как сходишь два дня, так больше пуда.
 Рыбачили неводами, свои делали. Сеяли конопле', дёргали, мочили, сушили, вязали на и'глицах – дощечка така', наматывашь нитку и вяжешь. Вязали резовки – сети.
 С. 30
 Лодка была – завозка, они длиннее. Были раньше, шас нет. Рыбачить-то раньше откупали озёры. И вот на эти озёры, когда лёд станет, едешь неводить. Приезжали купцы скупать или сами в Томск ходили. Зимой лёд долбишь пешнями. Конец железный, вострый. Рыбу из матки саком выкидывали. Есь ишо самолов, удочки, только большие. Без наживки, рыба
 С. 31
 хвостом и зацепит её. Раньше больше рыбы было: муксун, стерлядь. Ну раньше запрета не было. Сети плавальные, резовки, частушки, они и шас есь.
 На шишку ездили артелями, двадцать копеек фунт. Били ботом – жердь с лесной прибитой. На когтях ходили по кедром. Орешки продавали купцам, сначала кали'ли.
 Были азямы, зипуны. Азям – из шерсти кругом, ткали
 С. 32
 сами. Надее'тся сверху пальта и мороз уже никакой не продерёт. Чарки' с голяшками и шерстяные чулки и валенок не надо. Сами и мыло варили. Базарного не было. Напечёшь пепла и заваривашь, настаивается как смола чёрная и мешаешь с требухой, салом. По сто комов наваривали. Глиняные чашки были, деревянные ложки, туски. Глиняные корчаги для кваса.
 С. 33
 Корчажный квас хороший. Из своего аржаного хлеба. Ва выстоишь хлеб размочен, положишь сена и сливашь. Сперва сусло сбежит. Кулагу делали или с калиной или со смородиной, после обеда пьешь. Шас не сделаешь, мука-то не такая. Хлеб от испечёшь таперь такой! Сами сеяли, был конь с сохой. Молотили деревянными молотильнями. Большинство молотили на озере.

Рисунок 1. Скриншот текста, размеченного по темам.

Всего в Томском диалектном корпусе выделено 73 темы, представляющих «зоны актуального внимания сельского жителя» (по В.Е. Гольдину). Из них 16 имеют статус макротем (ЛИЧНОСТЬ И СОЦИУМ; РАБОТА; БЫТ; ЧЕЛОВЕК ФИЗИЧЕСКИЙ; ЧЕЛОВЕК ДУХОВНЫЙ; ПРИРОДА; ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА; СТРАНЫ, ГОРОДА, СЁЛА; ОБРАЗОВАНИЕ; КРИМИНАЛ; ПРОИСШЕСТВИЯ; ТЕХНИКА; ТРАНСПОРТ; ДЕНЬГИ И ДОКУМЕНТЫ; ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ; АТЕМАТИЧЕСКИЙ ФРАГМЕНТ).

Далее макротемы при необходимости членятся на собственно темы. Это центральный уровень разметки, выделено 54 темы. Наиболее обширна макротема «Работа», включающая 13 тем: «Обработка почвы», «Выращивание растений», «Заготовка кормов», «Выращивание животных», «Лесозаготовка», «Охота», «Ловля рыбы», «Шишкойой», «Сбор дикоросов», «Обработка льна», «Женские работы по дому», «Мужские работы по дому», «Прочие работы», «Профессия». Набор тем отражает основные занятия сельского населения. При необходимости выделяется 3й уровень тематической иерархии – микротемы («Рукоделие» как часть «Женской работы», «Пчеловодство» в теме «Животноводство»). Детализированы также макротемы «Личность и социум», «Быт», «Человек духовный», «Природа», «История и политика». Например, в составе макротемы «Человек духовный» выделяются темы «Досуг», «Праздники», «Вера и суеверия», «Обычаи и обряды», «Язык и речь», «Мораль», «Характер человека». «Атематический фрагмент» маркирует отрезки текста, тему которых определить невозможно (отдельные слова или не связанные между собой фразы, наиболее характерные для ранних записей).

Существуют и теоретические разработки в сфере исследования тематики диалектной коммуникации. В частности, было показано, как происходит тематическое развёртывание диалектного текста в динамике (Косицина 2013). Изучалась также тематическая специфика диалектной речи на фоне литературной (Буранова 2015). Взаимосвязь темы текста и пола говорящего на материале русской диалектной речи, насколько нам известно, не изучалась, чем обусловлена *новизна* настоящей работы.

Гипотеза исследования состоит в том, что существуют темы типично женские и типично мужские. Для её проверки был проведён поиск по каждой теме корпуса с одновременным наложением фильтра «пол». Результаты представлены в таблицах 1, 2 и 3.

Отметим, что Томский диалектный корпус не сбалансирован по гендерному принципу. Из 1000 текстов, включённых в него к моменту написания статьи, более 2/3 являются женскими, 1/3 – мужскими. В связи с этим сравнивалось не абсолютное, а относительное количество определённых тематических фрагментов среди женских и мужских текстов.

Важно отметить, что для большей части тем относительные цифры примерно совпадают (см. табл.1). В таблице приведены: общее число фрагментов данной темы в мужских текстах; процент этих фрагментов среди всех мужских текстов; общее число фрагментов данной темы в женских текстах; процент этих фрагментов среди всех женских текстов. Последняя колонка представляет собой частное от деления столбцов 3 и 5. Она показывает, насколько процент данных текстов выше у мужчин, чем у женщин. Чем эта цифра больше, тем более значительны отличия между мужчинами и женщинами в количестве фрагментов по данной теме.

Коэффициент меньше 1 указывает на преобладание темы в женских текстах, больше 1 – в мужских. В группу гендерно нейтральных попали темы, где этот коэффициент близок к 1 (от 0.8 до 1.2).

В таблице макротемы выделены заглавными буквами, темы – строчными. Проценты приводятся с точностью до сотых долей, итоговый коэффициент – с точностью до десятых.

Таблица 1. Гендерно нейтральные темы диалектной коммуникации

Тема	М всего	М %	Ж всего	Ж %	М% / Ж%
О себе	153	52,76%	464	66,00%	0,8
Жители села	98	33,79%	245	34,85%	1,0
Заготовка кормов	85	29,31%	241	34,28%	0,9
Выращивание животных	120	41,38%	318	45,23%	0,9
Прочие работы	153	52,76%	351	49,93%	1,1
Профессия	76	26,21%	226	32,15%	0,8
Дом и усадьба	105	36,21%	337	47,94%	0,8
Домашние вещи	96	33,10%	309	43,95%	0,8
Покупки и продажа	91	31,38%	248	35,28%	0,9
Условия жизни	14	39,31%	364	51,78%	0,8
Вера и суеверия	87	30,00%	276	39,26%	0,8
Язык и речь	173	59,66%	343	48,79%	1,2
Мораль	67	23,10%	210	29,87%	0,8
ПРИРОДА	16	5,52%	38	5,41%	1,0
Домашние животные	110	37,93%	291	41,39%	0,9
Растения	85	29,31%	225	32,01%	0,9
Погода и атмосферные явления	63	21,72%	185	26,32%	0,8
Стихийные бедствия	31	10,69%	67	9,53%	1,1
Колхозы и совхозы	101	34,83%	230	32,72%	1,1
Репрессии	46	15,86%	93	13,23%	1,2
Великая отечественная война	116	40,00%	274	38,98%	1,0
СТРАНЫ, ГОРОДА, СЁЛА	116	40,00%	232	33,00%	1,2
ОБРАЗОВАНИЕ	117	40,34%	325	46,23%	0,9
КРИМИНАЛ	29	10,00%	78	11,10%	0,9
ТЕХНИКА	51	17,59%	105	14,94%	1,2
ТРАНСПОРТ	104	35,86%	205	29,16%	1,2
АТЕМАТИЧЕСКИЙ ФРАГМЕНТ	94	32,41%	278	39,54%	0,8

В эту группу вошли многие частотные темы диалектного дискурса («О себе», «Жители села», «Дом и усадьба», «Колхозы и совхозы», «Образование», «Криминал»). Сюда попали

также некоторые виды работ («Выращивание животных», «Сенокос», «Профессия»), макротема «ПРИРОДА» и отдельные темы в её составе («Домашние животные», «Растения», «Погода», «Стихийные бедствия»). Хотелось бы обратить внимание, что в число нейтральных тем по результатам подсчётов вошла «Великая отечественная война». Объяснить это можно масштабностью данного события, оно коснулось как мужчин, так и женщин, в значительной степени повлияв на их жизнь. В эту же группу вошли темы «Техника» и «Транспорт», хотя можно было ожидать, что они окажутся специфически мужскими.

В группу типично мужских тем были включены те, для которых коэффициент отношения частотности в мужских и женских текстах составляет 1,5 и более (см. табл.2). «Самыми мужскими» темами оказались «Пчеловодство» (почти в 4 раза чаще у мужчин, чем у женщин), «Охота», «Исторические личности» (почти в 3 раза чаще). В таблице они выделены полужирным шрифтом.

Таблица 2. Мужские темы диалектной коммуникации

Тема	М всего	М%	Ж всего	Ж%	М% /Ж%
Обработка почвы	69	23,79%	112	15,93%	1,5
Пчеловодство	35	12,07%	22	3,13%	3,9
Лесозаготовка	91	31,38%	163	23,19%	1,4
Охота	132	45,52%	116	16,50%	2,8
Ловля рыбы	173	59,66%	207	29,45%	2
Шишкойой	58	20,00%	60	8,53%	2,3
Мужские работы по дому	15	5,17%	23	3,27%	1,6
Вода в природе	108	37,24%	158	22,48%	1,7
Местность	67	23,10%	100	14,22%	1,6
Животные	15	5,17%	11	1,56	3,3
Дикие животные	114	39,31%	107	15,22%	2,6
Экология	19	6,55%	24	3,41%	1,9
История и политика	51	17,59%	69	9,82%	1,8
Исторические личности	44	15,17%	37	5,26%	2,9
Революция, гражданская война	37	12,76%	54	7,68%	1,7

Проведенные подсчёты позволяют довольно чётко выявить доминанты мужского диалектного дискурса. Во-первых, это специфически мужские типы работ: обработка почвы, пчеловодство, лесозаготовка, рыбная ловля, охота, сбор кедрового ореха. Как правило, это работы, связанные со значительными физическими усилиями, а также с пространством за

пределами дома (лес, река). Таким образом, диалектные тексты создают стереотипное представление о мужчине как существе, направленном во внешний мир. С этим связана и частотность тем «Дикие животные», «Вода в природе», которые в текстах часто соседствуют с рассказами об охоте, рыбалке. Показательно, что именно в мужских текстах чаще появляются рассуждения на экологические темы: *Кедра'. Но кедру' эту не резали раньше ши'бко. Она сперва' её считали как она плодовое дерево. Его берегли. А потом это стали срезать. Вот щас много его уничтожили. А оно ведь действительно плодовое.* (муж., 74 года. Шегарский район, Мельниково, 1985).

Направленность «вовне» проявляется и в том, что мужчины чаще говорят о политической жизни. Последнее проявляется в большей, по сравнению с женщинами, частотности тем «Революция и гражданская война», «Исторические личности» в составе макротемы «История и политика» и этой макротемы в целом. Среди исторических личностей при этом чаще всего упоминается руководитель Белого движения во время гражданской войны 1917 г. адмирал Александр Васильевич Колчак, проводивший активные военные действия на территории Сибири: *Сначала пришла сове'тска власть, потом колчаковцы. Они уежжа'ли в Тюмень по Оби. Колчак мобилизовал всё окрестное население.* (муж., 50 лет, Парабельский район, Нарым, 1972) Неоднократно встречаются также рассказы о Сталине, который в 1912 в течение месяца отбывал ссылку в селе Нарым Томской области. Этот исторический факт породил легенды среди местных жителей: *А, правда, приходил какой-то пришелец. Говорил нашему Люберцеву, что он ему дядя родной. Так тот что-то не хотел его признавать. Щас-то он помер. Жена Серафима его жива. Правда, ска'зывают, что тот Сталин приходил. Позже по портретам узнали. Давно эт было. Нет, сельсовета, конечно, не было. Чё-то то ли пятый год был, то ли восьмой. В о'бчем, кода' студентов-то в Сибирь гнали. Вот тогда'. <...> А хто его знат. Может, и правда то Сталин приходил. Хто щас скажет. Я-то вишь дома тогда не был.* (муж., Кривошеинский район, Першино, 1958 г.)

Иные тематические доминанты выделены в речи женщин (см. таблицу 3). Для удобства в ней сначала приводятся данные о женщинах, затем о мужчинах; последняя колонка показывает, во сколько раз та или иная тема встречается в женских текстах чаще, чем в мужских.

Таблица 3. Женские темы диалектной коммуникации

Тема	Ж всего	Ж %	М всего	М %	Ж% / М %
Семья и родственники	575	81,79%	173	59,66%	1,4
Межличностные отношения	193	27,45%	42	14,48%	1,9

Характер человека	98	13,94%	23	7,93%	1,8
Выращивание растений	406	57,75%	108	37,24%	1,6
Женские работы по дому	204	29,02%	18	6,21%	4,7
Рукоделие	221	31,44%	35	12,07%	2,6
БЫТ	111	15,79%	28	9,66%	1,6
Одежда и обувь	375	53,34%	95	32,76%	1,6
Еда	447	63,58%	111	38,28%	1,7
Человек физический	275	39,12%	74	25,52%	1,5
Болезнь	376	53,49%	107	36,90%	1,4
Досуг	305	43,39%	75	25,86%	1,7
Праздники	304	43,24%	56	19,31%	2,2
Обычай и обряды	220	31,29%	26	8,97%	3,5

Наиболее значимы отличия в темах, связанных с работой. Так, тема «женская работа по дому» (сюда были включены текстовые фрагменты о стирке, уборке, приготовлении пищи) встречается у женщин почти в 5 раз чаще, чем у мужчин. В 2,6 раза чаще встречается микротема «Рукоделие» (сюда были включены рассказы о вязании и шитье, прядении и ткачестве). Отметим, однако, что упоминание этих видов работ в мужских текстах не исключается полностью. К типично женским видам работ можно отнести также выращивание растений, хотя количественные показатели гендерных различий здесь меньше.

Значимые отличия отмечены в темах «Обычай и обряды» а также «Праздники» – они встречается у женщин чаще в 3,5 и 2,2 раза соответственно. Таким образом, в исследуемом сибирском регионе именно женщины выступают хранительницами традиционной культуры. Приведём фрагмент такого текста: *«О, сёдня там у Аньки, будет просватанье», все бежим, как придётся, де, как-то будут говорить, да как будут сватать. [А как проводили всё это?] Ну, прихо'дют родители, этих, жениха, покло'няются там, боженьке, начинают: «Вот так-то так-то, Марья Ивановна, Иван Михалыч, там кто, вот по таким-то делам, у вас дочка у нас сыночек, вот нам надо как-то подружиться, породниться», и начинают, начинают.* (жен., 81 год, Томский район, Батурино).

Наличие среди «женских» тем таких как «Семья и родственники», «Межличностные отношения», «Характер человека» подтверждает стереотипное представление об ориентации женщины на «ближний круг» а также заинтересованности в психологических аспектах жизни человека. Характерный пример текста, посвящённого межличностным отношениям: *Ну вот эти мячики мы очень любили играть, бегать. С нами мужики взрослые, парни, женатые всё,*

с нами. Ну жили всё мы очень дружно. Если горе случилось, то всей деревней помогали. Если похороны были, свадьба, уже всей деревней. А теперь же ведь случись у тебя, горе-то тебе, если у тебя нет ложки муки, а другого есть, значит никто не прита'шшымт вам этого. А у нас было такое, дружные мы были. И нас всё звали это карагазы, оне' так вроде бы староверые, оне', значит, такие дружные (жен., 41 год, Шегарский район, Мельниково, 1984).

Вполне ожидаемо, что женщин также больше волнует быт (темы «Еда», «Одежда и обувь» и макротема «Быт» в целом встречаются в их текстах чаще).

Чаще в женских текстах затрагиваются темы «Болезнь» и «Человек физический». Содержание последней нередко составляют сетования на возраст (*Руки-то как грабли, и в иголку-то не вдернёшь. Глаза не видят*) а также рассказы о рождении детей (*Вечером али днём ли картошку окучивала тут я, а ночью у меня живот заболел. И лежим с мужем и: «Ой, чё-то у меня живот болит». Он: «А ты, – грит, – водички солёной попей, и перестанет болеть». Ну правда, я это... встала, сходила на улицу. Нет, живот болит, свекровке сказала. Она гыт: «Ой, баньку истопим и, и родишь». А такая избёнка ма'ленька была, ну маленько побольше вот как все. А такая орава десять человек. Думаю, ну как я тут рожать буду, все мальчишки». Ну от тут медичку позвали, она посмотрела и говорит – а трамвай ходил по речке, по Парабели, речной трамвай – она говорит: «Сёдня трамвай пойдёт, и поедем в Парабель, и там рожать будешь. И я, – гыт, – с тобой поеду, если чё, дак дорогой приму». Ну я доехала, правда, благополучно, на квартиру пришли мы. Ночью чё-то начало меня схватывать, муж меня повёл в больницу. Ну и родила я Любушку себе. [То есть в больнице рожали, не дома?] В больнице, в больнице, ага. А вторую я рожала дома. Это в декабре было, тоже как раз в субботу, всё прибрала, помыла, баньку истопила, помылись, и схватки начались. Ну медика так же вызвали, и с медиком родила. Ещё одну девочку родила. – жен., 86 лет, Парабельский район, Парабель, 2012).*

Выводы

Томский диалектный корпус представляет собой новый и достаточно репрезентативный ресурс для изучения народной речи, в том числе в ряде новых аспектов (дискурсивном, гендерном). Проведённое исследование подтверждает исходную гипотезу о существовании в диалектной коммуникации типично мужских и женских тем, выявленных на фоне нейтральных. К мужским темам отнесены «Шишкойой», «Охота», «Дикие животные», «Пчеловодство», «Исторические личности», которые встречаются в текстах мужчин в 2-4 раза чаще, чем в текстах женщин, и ряд других, отличия между которыми менее значимы.

Женскими темами, по результатам подсчётов, являются темы «Обычаи и обряды», «Праздники», «Женские работы по дому», «Рукоделие», которые встречаются в 2-5 раз чаще в женских текстах, и ряд других. Таким образом, материалы записей диалектной речи свидетельствуют о сохранении в традиционном сознании типичных гендерных ролей «мужчины-добытчика», ориентированного на внешний, «большой» мир, социум и «женщины-хранительницы домашнего очага», чьё внимание сосредоточено на быте, семейной жизни, традициях и внутреннем мире человека. Дальнейшее исследование заявленной проблематики требует уточнения ряда вопросов, в частности – степени влияния собирателя на выбор темы диалектной коммуникации; ослабления/усиления диспропорции мужских и женских текстов с течением времени; реализации мужчинами и женщинами разных коммуникативных стратегий при раскрытии одной темы и др.

Список литературы

Буранова А.И. (2015): Количественные признаки языковых идиомов: диалектная речь на фоне литературно-разговорной: на материале русского языка: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Буранова Анна Игоревна. Саратов. 23 с.

Диалектный корпус национального корпуса русского языка
URL: [tp://www.ruscorpora.ru/search-dialect.html](http://www.ruscorpora.ru/search-dialect.html) (дата обращения: 12.03.2018).

Косицина Ю.В. (2013): Статико-динамическая модель тематической организации диалектного монологического текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Косицина Юлия Владимировна. Кемерово. 26 с.

Томский диалектный корпус: Демо-версия [Электронный ресурс] URL: <http://losl.tsu.ru/?q=corpus/demo> (дата обращения: 12.03.2018).

References

Clua E. (2006): New tendencies in geographical dialectology: The Catalan Corpus Oral Dialectal (COD). New perspectives on Romance linguistics. Vol. 2 (Phonetics, phonology, and dialectology), 31–47.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ТЕРМИНООБРАЗОВАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

Маринова Елена Вячеславовна

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия
marinova@list.ru*

ANALYTICAL TENDENCY IN TERM FORMATION (A CASE STUDY OF RUSSIAN LINGUISTIC TERMINOLOGY)

Marinova Elena

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian

АННОТАЦИЯ

Рассматривается проявление тенденции к аналитизму в процессе создания терминологического обозначения объекта (понятия) лингвистики в научном дискурсе. Заметное увеличение специальных номинаций аналитического типа (*бизнес-сленг, Т-категория*), ранее широко представленных лишь в терминологии технических и естественных наук, позволяет уточнить важные вопросы терминологии (границы термина в языке и речи; отражение вариантности в терминографии).

ABSTRACT

The article deals with the tendency towards creating terms of analytical type (*biznes-slang, T-kategoriya*) in Russian linguistic terminology. The author analyses the types of new units distinguished according to different features: nature of the first component, origin. The study reveals active character of some models and term-elements. Special attention is paid to the causes and consequences of new phenomena in the language of linguistics. The study outlines some problems of epistemological character, caused by the tendency towards creating analytical naming units (the problem of borders of a term in language and speech, the question of category of occasionality in terminology).

Ключевые слова: аналитические наименования, русская лингвистическая терминология, терминообразование, типы аналитических наименований.

Key words: analytical naming units, Russian linguistic terminology, term formation, types of analytical naming.

В русской лингвистической терминологии тенденция к аналитизму проявлялась не так широко, как, например, в терминологии других наук. Так, номинации типа *грамм-моль, термодинамика* были редки. Об этом можно судить по текстам научной литературы по лингвистике. Ранее в них фиксировались единичные случаи терминов, образованных подобно

приведённым выше (Маринова 2008: 230). За последнее десятилетие их число увеличилось, а некоторые номинации приобрели статус единственного наименования научного объекта (*бизнес-сленг, фокус-покус приём* и др.).

В статье рассматриваются эти и подобные терминологические образования аналитического типа на материале отечественной терминосистемы лингвистики. Источниками исследования послужили русскоязычные тексты по лингвистике – научные статьи, монографии, доклады (всего более 2 тысяч текстов), из которых извлекались аналитические наименования. Учитывались также окказиональные, авторские термины типа *ТВ-неологизмы, про-глаголы, «мейкер»-слова* и под. В поиске материала использовались словари лингвистических терминов, работа с которыми подтвердила наше наблюдение о том, что в терминологии лингвистики аналитические наименования рассматриваемого типа фиксируются начиная с нулевых годов XXI века (Баранов и др. 2001; Ахманова 2004; Маринова 2013; Немченко 1985а; Немченко 1985б; Немченко 1993; Немченко 1995; Немченко 2011; Панькин, Филиппов 2011; Розенталь, Теленкова 1985).

История вопроса.

В XIX веке, сначала в химической номенклатуре, чуть позже в технической, появляются новые для русского языка типы номинаций – «эмбрионы будущих классов», без которых сейчас ни одна наука или отрасль техники не обходится: *грамм-моль, моногидрат, термодинамика, фотогравюра* и др. (Капаназе 2005: 53). По словам учёной, эти семантически делимые обозначения способны создавать целые матрицы аналитических наименований (там же: 46). Например, в терминологии ядерной физики существуют *альфа-распад, альфа-облучение* и т.п.; *бета-ветвь, бета-фон* и т.п.; *гамма-поле, гамма-лучи* и т.п. То же в терминологии метеорологии: *изолинии, изоаврора, изотерма* (и ещё примерно с десятков подобных с начальным *изо-*). Аналогичная картина наблюдается в терминологии других естественных и технических наук.

«Стремление к аналитизму, к конструированию таких наименований, в которых общее значение составляется из фиксированных значений его компонентов, является главной характерной чертой всех современных терминологических систем» (там же: 44). Эти строки Л.А. Капаназе написала ещё в 1965 году, однако в терминологии лингвистики эта черта до последнего времени проявлялась, как уже было сказано, не так заметно, как в терминологии технических и естественных наук.

В конце XX века в повседневной русской речи появились единицы аналитического типа, представляющие собой заимствования, кальки (*бизнес-школа, бизнес-технологии*), а также

образования, полученные результате деривации на русской почве (*шоп-тур*). Как известно, среди учёных нет единого мнения относительно статуса таких образований. Суть спора заключается в следующем: считать ли эти образования особыми сложными словами (с первым неизменяемым компонентом-существительным) или особыми сочетаниями слов (с аналитическим прилагательным в препозиции). В задачи нашей статьи не входит анализ этой теоретической проблемы (подробно мы останавливаемся на ней в (Маринова 20018)). Здесь важно отметить одну стилистическую особенность аналитических номинаций этого типа. Живой разговорной речи они не свойственны; они могут, безусловно, воспроизводиться в ней, однако **новые** единицы в разговорной коммуникации не создаются (Marinova 2017). Неслучайно в ситуации неофициального, неформального общения (устного или письменного – например интернет-общения) нередко возникает конкуренция аналитической конструкции и обычной, «синтетической» (*промоушендовская компания* вместо *промоушин-компания* – в переписке на форуме, *промоушендовский центр* вместо *промоушин-центр* и т.п.).

Напротив, аналитические наименования рассматриваемого типа очень распространены в сферах профессиональной коммуникации, в книжной речи. Терминообразование в лингвистической науке не стало исключением.

Типы терминологических единиц аналитического характера.

Традиционно к аналитическим наименованиям в терминоведении относят термины, аналогичные свободным словосочетаниям и сложным словам в обиходном языке, то есть единицы, обозначающие расчленённые понятия. Это прежде всего составные термины, не обладающие фразеологичностью (например, термины лингвистики *префиксальный способ словообразования*, *постфиксальный способ словообразования* и т.д.), а также некоторые простые термины, образованные сложением, в том числе аббревиацией (*словообразование*; *полукалька*; *НС* < непосредственно составляющие). Типы новых для терминологии лингвистики аналитических наименований различаются характером **препозитивного компонента**. Он может выглядеть как:

- существительное (*бизнес-сленг*),
- усечённый вариант относительного прилагательного: *лингвопоэтика* (*лингво-* < *лингвистический*),
- кодовый определитель, в роли которого выступает сокращение (*T-категория*, где *T* = *таксономический*), аббревиатура (*НС-грамматика*, где *НС* = *непосредственно составляющие*) или номен («**ты**»-общение).

Рассмотрим особенности каждого типа.

Аналитические наименования, в которых препозитивный компонент совпадает с именем существительным, представляют собой наиболее новый тип лингвистических терминов (в нашем материале – самый многочисленный: 42,4%). К ним относятся: *бизнес-коммуникация, интернет-коммуникация, чат-коммуникация, колледж-сленг, интернет-общение, интернет-стилистика, интернет-сленг, кинослова, медиалингвистика, массмедиалингвистика, онлайн-словарь* и др.

Следует отметить тот факт, что первые компоненты некоторых терминов, такие как *бизнес-, интернет-, медиа-, кино-*, весьма частотны в составе общеупотребительных слов или слов других отраслей (ср. *бизнес-встреча, бизнес-план, интернет-кафе, интернет-магазин, медиахолдинг, кинорынок* и т.п. – с разными вариантами написания). Это, с одной стороны, говорит об устойчивости модели образования производных с этими словами в русском языке, с другой – о расширении состава терминологических элементов за счёт «общедоступных» языковых средств.

Выделяются также аналитические наименования, в составе которых в качестве первого компонента выступает термин лингвистики. Например: *дискурс-анализ, дискурс-формирование, тиджин-ситуация* ‘устойчивая социальная потребность в общем средстве вербального общения у людей, не знающих языка друг друга’ [Панькин, Филиппов 2011], *жаргон-энциклопедия* и др.

Несколько меньшей по численности (около 30% единиц от всего собранного материала) является группа аналитических наименований с препозитивным компонентом, представляющим собой усечённый вариант относительного прилагательного (*лингвопоэтика*). Атрибутивный элемент типа *лингво-* в лингвистике трактуется неоднозначно. Его считают аналитическим прилагательным или префиксоидом; используются также понятия *деадъективная морфема* (В. Бениньи), *деадъективный модификатор* (Е.А. Земская), *сокращённый деадъективный радикал* (Z. Opravská), *сокращённое прилагательное, морфологически не выраженное* (О. Martinová) и др. (Marinova 2017). Как и в случае с первым компонентом терминов типа *бизнес-сленг*, также не имеющим однозначной научной интерпретации, дискуссионный вопрос о статусе единиц типа *лингво-* мы оставляем без внимания, оставив за собой право считать их усечёнными вариантами имён прилагательных.

В научной речи нередко наблюдается вариантность в использовании аналитического термина с усечением и составного термина с обычным («неусечённым») прилагательным. Так, в текстах разных авторов можно встретить как *лингвопоэтика*, так и *лингвистическая поэтика*. Заметим, что термин с компонентом *лингво-* не уступает составному термину в

таком важном для терминологии качестве, как наличие мотивированности. Можно предположить, что в последующие десятилетия лингвистические термины будут всё чаще образовываться с помощью подобных единиц. Наряду с мотивированностью, такие термины обладают также продуктивностью, т. к. от них образуются прилагательные. См.: *лингвострановедение* > *лингвострановедческий*; *лингвоэкология* > *лингвоэкологический*; *лингвокультурология* > *лингвокультурологический* и т.д. Ср.: от составных терминов образование таких прилагательных невозможно (ср. *лингвистическая экология* – дериват отсутствует). Кроме того, однословные термины компактнее составных, а по мнению некоторых терминоведов, «следует предпочитать и всячески ускорять внедрение кратких терминов (если при этом не страдает точность)» (Гринёв-Гриневиц 2008: 222).

В настоящее время компонент *лингво-* весьма часто используется в терминообразовании, см.: *лингвоанализ*, *лингвоаргументология*, *лингводидактика*, *лингвоконфликтология*, *лингвокриминалистика*, *лингвокультура*, *лингвополитология*, *лингвопоэтика*, *лингворусистика*, *лингвосемантика*, *лингвотекстология*, *лингвостатистика* и др. Многие такие термины являются обозначениями разных отраслей языкознания. Сходство и в структурном, и в семантическом отношении делает их своеобразной терминологической парадигмой, или матрицей, о которой писала Л.А. Капанадзе.

Менее частотны термины с другими компонентами: *аксио-* (ср. *аксиологический*): *аксиолингвистика*; *аналит-* (ср. *аналитический*): *аналит-конструкции*, *аналит-прилагательное*, *аналит-сочетание*, *аналит-наименование*; *прагма-* (ср. *прагматический*): *прагмалингвистика*; *психо-* (ср. *психологический*): *психофонетика*, *психолингвистика*; *социо-* (ср. *социальный*): *социолингвистика*; *уни-* (ср. *уникальный*): *униморфема*; *этно-* (ср. *этнический*): *этнолингвистика*, *этноязык* и др.

Как и в случае с первой группой, препозитивный компонент в аналитических наименованиях этого типа тематически может относиться к лингвистической терминологии. Так, усечения *аббро-*, *сингармо-*, *термино-*, *фоно-* (*абброморфема*; *сингармофонема*; *терминолексика*; *фоносемантика*, *фоноэстетика*, *фоностилистика*, *фонотактика*) соотносятся с прилагательными, входящими в состав терминов лингвистики – ср. *аббревиатурный*, *сингармонический*, *терминологический*, *фонетический*. В то же время в образовании лингвистических терминов нередко используются и единицы других областей знания: *кибер-* (ср. *кибернетический*), *зоо-* (ср. *зоологический*) или общезыковые элементы: *проф-* (ср. *профессиональный*) и др. См.: *кибертекст*, *зооним*, *зоометафора*, *профжаргон*.

С точки зрения происхождения такие препозитивные компоненты либо заимствуются (англ. *pragma-* > *прагма-*, англ. *ethno-* > *этно-*, англ. *socio-* > *социо-*, англ. *psycho-* > *психо-*,

англ. *phono-* > *фоно-*), либо создаются на русской почве (*аксио-*, *аббро-*, *лингво-*, *сингармо-*, *термино-* и др.).

Наконец, ещё одна группа лингвистических терминов заслуживает внимания: в их составе в качестве первого компонента выступает так называемый кодовый определитель (всего таких терминов около 28%). Как известно, термины с кодовыми определителями широко распространены в терминологиях других наук. См.: *икс-лучи*, *гамма-установка*, *СВЧ-печь* и под. В языке лингвистики в качестве кодовых определителей используются: аббревиатуры (*НС-структура*, *PR-дискурс*, *ТВ-неологизмы*); сокращения, в том числе в написании латиницей: *T-категория*, *f-структура* (от англ. functional structure); номенклатурная единица (номен): *ты-общение*, *Вы-общение*, *ты-форма общения*, *вы-форма общения*, *ты-категория*, *Я-образ*, *Я-субъект*, *я-сообщение*, *«Я»-тема*, *У-локализатор*, *Ing-форма*, *Ing-существительное*, *a-склонение*, *o-склонение*, *быть-языки*, *иметь-языки* и т.д. (подобные образования графически оформляются по-разному: первый компонент записывается либо курсивом, либо с прописной буквы; используются нередко кавычки).

Можно говорить о комплексе причин, следствием которых является рост числа аналитических наименований в терминологии лингвистики.

Во-первых, заметно влияние «западных» образцов терминообразования. Во многих случаях не только отдельные компоненты (см. выше), но и сами термины представляют собой заимствования, кальки или полукальки английских терминов. См. *дискурс-анализ* и англ. discourse analysis; *альфа-фонетика* и англ. термин α -phonetics; *«не»-пассив* и англ. unpassive; *cleft-предложение* и англ. cleft sentence; *f-структура* и англ. f-structure и др. Но «работает» и сама модель. Так, метод, предложенный лабораторией психолингвистики Института психологии РАН, был назван его авторами *интеннт-анализ* (Ушакова... 1998) – при возможном *анализ намерений* или *анализ интенций* (ср. англ. discourse analysis, content analysis).

Заимствуются также образцы создания терминов. Например, из европейской терминологии взята модель типа *e-mail* (атрибутивную функцию по отношению к существительному выполняет однобуквенный компонент). См. англ. *f-structure*, англ. *L-marking* ‘лексическое маркирование’ – ср.: чешск. *L-sémantika*; рус. *T-категория*.

Во-вторых, привлекает компактность этих терминов. Так, номинация *ты-общение* «сворачивает» целый описательный оборот «общение с использованием обращения на *ты*»; *«не»-пассив* – «пассив с необратимым отрицанием»; *у-локализатор* – «реляционное предложение с *У* *меня...*»; *про-глаголы* – «глаголы с префиксом *про*»; *a-склонение* – «склонение существительных мужского и женского рода на *-а*»; *«мейкер»-слова* – «слова с

посткорневым компонентом *-мейкер*»; *Пушкин-вопрос* (термин В.З. Санникова) – «вопрос типа “А уроки за тебя Пушкин делать будет?”» и т.д.

В-третьих, препозитивный компонент («аналит») нередко восполняет некую лакуну в запасе необходимых терминологических элементов, связанную с отсутствием в языке относительного прилагательного или его периферийным характером. Так, у существительного *бизнес* есть соотносительное производное прилагательное (*бизнесовый*), но оно является редко употребительным, в то время как сочетаний типа *бизнес-встреча* насчитывается более ста (теперь к ним добавились лингвистические номинации: *бизнес-сленг*, *бизнес-слова*, *бизнес-коммуникация*). У слова *интернет* есть производное прилагательное – *интернетовский*, но оно неблагозвучно, «тяжеловесно», поэтому чаще в роли прилагательного используется аналит, см.: *интернет-коммуникация*, *интернет-общение*, *интернет-дневник*, *интернет-самопрезентация*, *интернет-стилистика*, *интернет-поиск*, *интернет-источник*, *интернет-словарь*, *интернет-жанр*; *интернет-сленг*, *интернет-сленгизм*. Прилагательные *онлайновый*, *чатовый*, *пиаровский* имеют ограниченную форму употребления, тяготеют к разговорной речи, поэтому в составе терминов используются аналиты *онлайн-*, *чат-*, *PR-*: *онлайн-словарь*, *чат-коммуникация*, *PR-коммуникация*. Прилагательное может отсутствовать вовсе – у аббревиатуры, например: *НС-грамматика* и т.д.

В качестве причины можно назвать и тенденцию к множественности наименований одного и того же, проявляющуюся в русской речи последних десятилетий прежде всего в неформальном общении, когда каждый выбирает своё вербальное средство обозначения: *имейл*, *электронная почта*, *электронка*, *мыло*, *емеля*; *мобильный*, *мобильник*, *мобила*, *сотовый*, *сотик*, *труба*, *трубка* и т.д. (Маринова 2008: 464). На наш взгляд, нечто подобное происходит в научном словотворчестве, в научном речевом пространстве. Ср.: *дискурс-анализ* – *дискурсивный анализ* – *анализ дискурса*; *лингвистическая аксиология* – *аксиологическая лингвистика* – *лингвоаксиология* – *аксиолингвистика* и другие подобные пары или ряды.

Предварительные выводы.

Одно из последствий новых явлений в терминологическом образовании в российской лингвистике – заметное увеличение числа вариантов одного и того же термина. Более всего расположены к варьированию термины с препозитивным компонентом в виде усечённого прилагательного (*лингво-*), которое заменяется полным. При таком варьировании развёрнутое наименование (составной термин) может быть удобен для восприятия слушателем, адресатом речи, а более компактный аналитический термин служит для удобства говорящего (антиномия «говорящий – слушающий»).

Ещё одно последствие – «матричное» терминообразование, которое постепенно приходит и в язык лингвистики (см.: *PR-терминология, PR-новообразования, PR-дискурс*). Следует подчеркнуть, что в создании аналитических наименований рассматриваемого типа более-менее регулярно используются не только первые компоненты, но и вторые. Часто это собственно лингвистические или общенаучные термины – *лингвистика, семантика, текст, слово, анализ, сленг, жанр, общение, коммуникация, дискурс*. Возможно, созданием одноструктурных единиц с постоянным набором компонентов поддерживается стремление любой терминосистемы к унификации.

Нельзя не отметить и последствия рассмотренных в статье явлений с точки зрения гносеологии. Новый языковой материал, который нам даёт современное терминообразование, позволяет уточнить некоторые важные вопросы терминоведения. Их можно обозначить следующим образом:

- каковы границы термина в языке и речи;
- как проявляется категория окказиональности в отношении к терминам;
- каково оптимальное соотношение «своего» и «чужого» в терминологии каждой конкретной науки;
- в какой мере вариантность терминов должна ограничиваться или поддерживаться и как она должна отражаться (и отражается ли) в терминографической практике.

Список литературы

- Ахманова О.С. (2004): Словарь лингвистических терминов. Москва: УРСС.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. (2001): Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Москва: Азбуковник.
- Гринёв-Гриневиц С.В. (2008): Терминоведение: Учебное пособие. Москва: Изд. центр «Академия».
- Капанадзе Л.А. (2005): Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. Москва: Изд-во Института русского языка им. В.В. Виноградова.
- Маринова Е.В. (2008): Иноязычные слова в русской речи: проблемы освоения и функционирования. Москва: ЭЛПИС.
- Маринова Е.В. (2013): Теория заимствования в основных понятиях и терминах. Москва: ФЛИНТА: Наука.
- Немченко В.Н. (1985а): Основные понятия морфемики в терминах: Краткий словарь-справочник. Красноярск: Изд-во Красноярского государственного лингвистического университета.

Немченко В.Н. (1985б): Основные понятия словообразования в терминах: Краткий словарь-справочник. Красноярск: Изд-во Красноярского государственного лингвистического университета.

Немченко В.Н. (1993): Основные понятия фонетики в терминах: учебный словарь-справочник. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета.

Немченко В.Н. (1995): Основные понятия лексикологии в терминах. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета.

Немченко В.Н. (2011): Грамматическая терминология: словарь-справочник. Москва: ФЛИНТА: Наука.

Панькин В.М., Филиппов А.В. (2011): Языковые контакты. Краткий словарь. Москва: ФЛИНТА: Наука.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. (1985): Словарь-справочник лингвистических терминов. Москва: Просвещение.

Ушакова Т.Н., Цепцов В.А., Алексеев К.И. (1998): Интент-анализ политических текстов, Психологический журнал, 4, 98–109.

References

Marinova E.V. (2017): Analytical Adjectives of Foreign Origin: The Pecaliaties of Assimilation and Functioning in Modern Russian, Language and Speech in Synchrony and Diachrony. Papers from International Linguistics Conference, Cambrige: Cambrige Schodlars Publishing, 76–86.

СПОСОБЫ ПРИДАНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ ИНФОРМАЦИИ В НАТИВНОЙ РЕКЛАМЕ

Миронова Наталья Изяславовна
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия
miroonnat@rambler.ru

WAYS OF GIVING CREDIBILITY TO INFORMATION IN NATIVE ADVERTISING

Nataliya Mironova
Lomonosov Moscow State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются способы придания достоверности информации в рекламных сообщениях из рубрики «Здоровье». Речь идет об анонсе и основной (целевой) части нативной рекламы, размещенной на следующей странице гипертекста. Основным приемом, используемым для имитации правдоподобия информации, является сочетание в тексте реальных и вымышленных фактов. Это проявляется в выборе формата интервью и использовании в нем имен реальных личностей, названий реально существующих организаций, медицинских препаратов, технических устройств, а также конкретных числовых показателей. Этой цели служит и эксплуатация стереотипных представлений целевой аудитории. Используются также приемы интимизации общения и эмоциональные высказывания. Сила воздействия информации, которую читатель оценивает как достоверную, значительно возрастает.

ABSTRACT

The article deals with the ways of credibility imitation in the advertising heading «Health». It's about announcement and main part of native (hidden) advertising placed on the next page of hypertext. The main method used to simulate the likelihood of information is the combination of real and imaginary facts. This is manifested in the choice of the interview format, using of proper names, names of real organizations, medical products, technical devices and specific numeric indicators. For this purpose the stereotypes of the target audience representatives were used. Intimidation of communication and emotional assessments were used also. Impact force of information estimated as reliable increases significantly.

Ключевые слова: рекламный дискурс, нативная реклама, скрытая реклама, достоверность информации, манипуляция, воздействие, гипертекст.

Keywords: advertising discourse, native advertising, hidden advertising, credibility of information, stereotype, manipulation, impact, hypertext.

Введение.

Аналізу манипулятивных приемов, используемых в рекламных сообщениях, посвящено много литературы, см., например, (Огилви 2013; Иванов 2016). Но с появлением новых форм рекламы, к которым можно отнести и нативную (скрытую) рекламу, список манипулятивных приемов расширяется, совершенствуются формы языковой манипуляции.

Под манипуляцией понимается «воздействие на человека (группу людей) с целью побуждения к действиям, противоречащим его (их) собственным интересам» (Цуладзе 2000: 11). При манипуляции происходит замена убеждения внушением (Копнина 2010: 26).

Важнейшую роль в процессе манипуляции сознанием адресата сообщения играет язык (речь). Языковую (речевую) манипуляцию Г.А. Копнина определяет как «разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» (Копнина 2010: 25). В рекламе манипуляция играет особую роль, поскольку функция воздействия, наряду с информативной функцией, является одной из основных функций рекламного дискурса. Реклама должна не только «назвать предмет, выделяя его среди прочих, передать информацию о качествах и месте реализации товара», но и оказать влияние «на поведение людей, их ценности и жизненные установки» (Современный медиатекст 2013: 326).

Достоверность рекламных сообщений в глазах потребителей рекламы существенно повышает ее манипулятивное воздействие.

Нативная (скрытая) реклама.

Объектом нашего внимания является нативная (скрытая) реклама из рубрики «Здоровье». Такая реклама состоит из двух частей: краткого анонса (лидер-абзаца), имеющего еще и функцию заголовка, и основной (целевой) части. Использование гипертекстовых технологий (Баранов 2001: 31-37) дает возможность фрагментировать рекламное сообщение, поместив на стартовой странице только лидер-абзац, а к целевой части рекламы можно перейти по ссылке «Подробнее...». Наш пример взят с сайта rus-news.net (дата обращения: 29.08.18). Во всех приведенных ниже примерах сохранены орфография и пунктуация оригинала.

[Фото А.Л. Мясникова]

[Анонс] *Не забудьте: если ноет тазобедренный сустав и колени, исключите из пищи...*

[Ссылка *Подробнее...*]

Реклама биокрема «Артидекс».

Лидер-абзац «замаскирован» под краткое информационное сообщение, оформленное в соответствии с контентом сайта, на котором оно размещено. При этом анонсы перемежаются с реальными новостными сообщениями, опубликованными на сайте (*Исследователи открыли в Австралии 50 новых видов пауков. Ученые нашли следы жизни на 10 км ниже уровня моря*). Различаются они только формой ссылки (в случае информационного сообщения это *Читать далее...*), а также количеством страниц гипертекста, которые открываются после перехода по ней. После рекламного анонса открывается только одна страница, т.к. трудно предположить, что читателя удастся «заманить» дальше, а в случае информационного сообщения последовательно открываются несколько страниц. На этом же сайте можно найти и рекламные объявления открытого характера:

[На фото – стройная девушка]

Миостимулятор укрепляет мышцы и сжигает лишний жир.

Только сегодня цена 990 р.

Структура рекламного сообщения в электронных СМИ в основном повторяет строение типичного новостного сообщения. А. Киклевич, анализируя роль фрагментации информационного сообщения за счет применения гипертекстовых технологий, указывает на две ее важнейшие функции: улучшение перцептивных характеристик текста и усиление его манипулятивного эффекта: «фрагментация текста <...> не только улучшает его визуальность и читабельность (за счет того, что читатель имеет дело с более короткими частями, которые обрабатываются с более высокой интенсивностью), но и способствуют более эффективному воздействию содержания на адресата» (Kiklewicz 2017: 190). Но функции фрагментации текста этим не ограничиваются: к упомянутым выше автор добавляет «пролонгацию коммуникативного контакта» и «идеологическое программирование / конструирование» (Там же: 203).

Лидер-абзац рекламного сообщения имеет свои особенности. Главная из них состоит в том, что он не имеет ничего общего с содержанием основной части рекламного текста (см. пример выше). Его задача – заинтересовать читателя, заинтриговать, а иногда и эпатировать его с тем, чтобы он перешел на следующую страницу гипертекста. Анонс играет роль так называемой «семантической провокации»: «ее эффект, с психологической точки зрения, касается возбуждения интереса и, главное, пролонгации коммуникативного контакта... » (Kiklewicz 2017: 194).

Анонс представляет собой креолизованный текст и всегда сопровождается изображением, не имеющим ничего общего с содержанием целевой части рекламы, а иногда и анонса.

Для того чтобы мотивировать читателя перейти по ссылке на следующую страницу гипертекста, к целевой части рекламы, в лидер-абзац не включается главная информация. Анализ содержательного фрейма рекламных анонсов (Миронова 2017) показал, что для рекламных сообщений из рубрики «Здоровье» это название средства, позволяющего излечить болезнь, или описание способа излечения. Самая важная информация помещена в целевой части сообщения, к которой можно перейти по ссылке «Подробнее...». В конце анонсов практически всех рекламных сообщений помещаются незаконченные предложения с многоточием (источник примера – сайт news.glavnoe.io (дата обращения: 12.07.18):

[Фото старого человека в очках с сильными толстыми линзами]

[Анонс] *127-летний академик поделился рецептом очищения сосудов дома: Натощак раскрошите в воду 10 грамм...*

0. Способы придания достоверности информации в рекламных сообщениях.

Информация, воспринимаемая читателем как достоверная, скорее сыграет роль манипулятивного средства, поэтому создатели рекламы используют самые разные средства для того, чтобы придать ей правдоподобный вид.

Сделать информацию правдоподобной можно только учитывая целевую аудиторию, на которую ориентирована реклама. Это в основном люди среднего и старшего возраста с невысоким уровнем образования, уже имеющие проблемы со здоровьем. Многие из них сейчас владеют элементарными навыками работы на компьютере и часто обращаются к информационным сайтам. Но и хорошо образованные люди попадают на эту «удочку». Так, ведущий программы «О самом главном» доктор А.Л. Мясников неоднократно рассказывал о том, что ему звонят образованные друзья и задают уточняющие вопросы по тем способам лечения, которые он якобы рекомендует как рекламный персонаж.

В нативной рекламе (как в лидер-абзаце, так и в целевой части сообщения) используются самые разные способы придания информации правдоподобного вида.

Формат рекламного текста.

Основной принцип придания достоверного вида рекламной информации – сочетание реальных и вымышленных фактов. Уже на этапе выбора формата рекламного сообщения используется принцип имитации. Анонс (лидер-абзац) «замаскирован» под новостное сообщение и размещается на новостных сайтах. А целевая часть эксплуатирует формат

проблемных статей из реально существующих рубрик (например, рубрики «Специальный корреспондент»), интервью (например, «интервью» В.А. Соловьева с участием Т.А. Голиковой и В.И. Скворцовой) или актуальных телевизионных ток-шоу (ток-шоу Д. Шепелева «На самом деле»).

В целевой части рекламного сообщения всегда переплетаются достоверные и вымышленные факты. В статьях и интервью с участием специалистов-медиков или просто авторитетных личностей сначала дается правдивая информация о реальной ситуации с определенным заболеванием в мире и у нас в стране. В наглядной форме (таблицы, графики и пр.) приводятся данные Всемирной организации здравоохранения и других авторитетных организаций. Обман состоит в том, что препарат, который представляется как новый и чудодейственный (а главное, доступный на рекламируемом сайте), на самом деле не обладает такими качествами. В лучшем случае он представляет собой «пустышку», а в худшем – вредный для здоровья продукт, прием которого может привести к тяжелым последствиям.

Не так давно на телевидении появилась новая программа – ток-шоу Дмитрия Шепелева, в которой используется полиграф – техническое средство, позволяющее определить достоверность сказанного на основе синхронной регистрации параметров дыхания, сердечно-сосудистой активности, электрического сопротивления кожи и других физиологических параметров (ru.wikipedia.org). Героям задают вопросы и проверяют, говорят они правду или лгут, используя полиграф. Создатели рекламы сразу же взяли этот формат на вооружение. И действительно, если не вникать в тонкости использования полиграфа, оценка высказываний участников шоу в плане правды / лжи вызывает определенное доверие публики.

Ток-шоу подобного формата помещается в целевую часть рекламного текста и используется для рекламы многих препаратов. Один из примеров – вымышленное «инсценированное» интервью, в котором принимают участие эксперты-медики (Л.А. Бокерия и И.Е. Чазова), ведущий (Дм. Шепелев), специалист по использованию полиграфа и зрители (Источник: https://medicine-news.net/trek/giperiumfreenew/?utm_medium=483&utm_campaign=20&utm_content=1453053&utm_source=2007&sid1=11477&vcode=kjc2iz1tjo0uj82s&lid=226&out_ids=3520&tr=bWVkaWNp bmUtbmV3cy5uZXQ%3D&ck=1 (дата обращения: 07.02.2018)).

При этом на сайт выложена не запись ток-шоу с указанием точного времени его выхода в эфир, а текст и несколько фотографий ведущего и участников. Можно увидеть и большое количество нарушений процедуры использования полиграфа, которые сводят на нет результат его применения.

При обсуждении проблемы создания и использования в России препарата «Гипериум» создается конфликт, есть положительный и отрицательный герои. Как и положено, конфликт разрешается в конце программы: добро побеждает зло. Участники интервью обращаются к истории создания препарата и рассказывают о том, что давно изобретенный прекрасный препарат для лечения гипертонии много лет не может попасть на рынок потому, что многие медики, даже признавая его качества, по приказу чиновников и из меркантильных соображений рекомендуют пациентам более дорогие, но гораздо менее эффективные препараты. Звучит и драматическая история о преследовании создателя «Гипериума» Виктора Качанова.

И Л.А. Бокерия, и И.Е. Чазова в студии высоко оценивают препарат и заверяют присутствующих в том, что рекомендуют его своим пациентам. Но проверка на полиграфе показывает, что правду говорит лишь Л.А. Бокерия (положительный герой), после чего «пристыженная» Чазова в спешке покидает студию. Затем уже убежденным в правдивости информации о препарате «зрителям» / читателям предлагается приобрести его на сайте, причем делает это лично Л.А. Бокерия. Интересно, что формат ток-шоу с использованием полиграфа используется и в рекламе других препаратов.

Реальные персонажи.

Еще одним средством, использование которого призвано заставить читателя поверить в правдивость информации, является использование имен реальных личностей. Убедительно выглядит рекламное сообщение, в котором упоминаются широко известные публике люди. Для сообщений на тему «Здоровье» это, в первую очередь, медики, особенно ставшие медийными личностями: Е. Малышева, В. Дикуль, доктор Бубновский, доктор Комаровский, И.Е. Чазова, Л.А. Бокерия, А.Л. Мясников, М. Королева и др. Могут использоваться имена и других медийных персонажей, например, ведущих популярных ток-шоу (В.А. Соловьев, В.В. Познер, Д. Шепелев и др.). Все эти люди позиционируются в самых разных амплуа: источник информации, автор анонса рекламного сообщения, автор статьи в основной части рекламного сообщения, участник / ведущий интервью или ток-шоу, эксперт и, наконец, человек, проверивший действие препарата / метода лечения на себе. Но надо помнить, что все они не имеют никакого отношения к рекламным сообщениям и часто даже не знают, что их имя фигурирует в конкретной рекламе: речь идет о фальсификации информации, об обмане, поскольку имена известных личностей используются необоснованно и без их согласия. Вместе с тем практика показывает, что если человек, имя которого используется без его ведома,

предпринимает меры юридического характера, реклама исчезает с сайта или блокируется (так произошло с некоторыми рекламными сообщениями, где использовалось имя В.В. Познера).

Еще один пример использования якобы «реальных персонажей» (на самом деле вымышленных) – это отзывы благодарных покупателей, обязательная составляющая основной части рекламного сообщения. Все они пишут о том, что уже использовали рекламируемый препарат и он помог им или их родственникам полностью избавиться от болезни. Проверить правдивость этих отзывов невозможно, поскольку они подписаны лишь именем или «ником», иногда с указанием города. Еще один тип отзывов – от людей, вдохновленных полученной информацией и уже сделавших или собирающихся сделать заказ на приобретение препарата.

Использование стереотипных представлений читателей.

Для придания информации правдоподобного характера создатели рекламы используют стереотипные представления читателей из целевой группы о некоторых категориях людей или объектов.

А. Ребер (Ребер 2001: 313) определяет стереотип как конструкт, используемый «для обозначения набора довольно устойчивого, упрощенного обобщения относительно группы или класса людей». Польский психолог Л. Войтасик понимает под стереотипом «распространенные с помощью языка или образа в определенных социальных группах устойчивые представления о фактах действительности, приводящие к весьма упрощенным и преувеличенным оценкам и суждениям со стороны индивидов» (Войтасик 1981: 119). С его точки зрения, стереотипы «выступают как условные «ярлыки», наклеиваемые на людей и явления. ... Стереотипы также участвуют в создании устойчивых взглядов, определяющих ложное отношение к некоторым идеям, людям и предметам», искажая реальность (Войтасик 1981: 120).

Стереотип представляет собой одну из разновидностей когнитивной схемы – конструкта, используемого в когнитивной науке для объяснения сложной организации знаний. Схема определяется как «структурированный кластер концептов», она «содержит общие (genetic) знания и может быть использована для представления событий, последовательностей событий, образов восприятия (percepts), ситуаций, отношений и даже объектов» (Eysenck, Keane 2003: 282). Хотя когнитивная схема может принимать разные формы для представления разных видов знаний, все когнитивные схемы имеют общие черты: они содержат информацию не об одной особой ситуации, а скорее, об особом типе ситуаций, служат основой интерпретации действительности и используются в процессе восприятия и понимания (Medin,

Ross 1997: 303-305; Баранов 2001: 14-19). Источником активации схемы могут стать объекты или ключевые слова, а также релевантный контекст (Medin, Ross 1997: 305).

Схема, представляя собой некоторое обобщение, всегда опирается на опыт конкретного человека, т.е. имеет индивидуальный характер. В виде когнитивной схемы можно представить определенную ситуацию или событие, характеристики определенной личности или объекта. Когнитивные схемы (стереотипы) представителей одной социальной группы, имеющих сходный социальный опыт, будут содержать общие черты.

Для создателей рекламы важно, что в фактах, содержащихся в схеме (стереотипной информации), уже не надо убеждать читателя, эти представления о действительности им уже «присвоены», он уже в них убежден. Известный психолог А. Цуладзе в связи с этим подчеркивал, что использование стереотипов, уже существующих в сознании читателя, является одним из путей «внедрения» сообщения в его сознание (Цуладзе 2000: 36-37). Поэтому использование стереотипов дает огромные возможности для манипуляции сознанием читателя: «наша умственная лень предрасполагает к шаблонному мышлению, создавая прекрасные возможности для опытных манипуляторов» (Цуладзе 2000: 51).

Стереотипные представления вступают в действие тогда, когда информация об объекте ограничена. Поэтому чем меньше потребителям рекламы известно об образе жизни людей, тем скорее они будут опираться на стереотипы. Этим принципом руководствуются создателями рекламы при выборе персонажей, выступающих в роли источника информации. Выбор источника информации важен для того, чтобы ее воспринимали как правдивую, это должен быть человек, словам которого люди будут доверять. В представлении читателей такая личность может обладать нетривиальной и ценной для них информацией. Поэтому в качестве источника информации в анонсах рекламных сообщений выбирают врачей или жителей экзотических стран, медицина которых отличается от европейской (*китайский профессор; главный ортопед Китая; хитрые китайцы*). Известно, что медицина в Китае уникальна, там применяются нетрадиционные с нашей точки зрения методы лечения, знания о которых недоступны европейцам. Эти стереотипные представления формируют у публики ожидание того, что в тексте (который люди не относят или не сразу относят к разряду рекламных) могут быть раскрыты некоторые секреты восточной медицины.

Есть и другие категории людей, об образе жизни которых нам мало известно. Так, существует расхожее мнение о том, что отшельник, церковный служитель или долгожительница могут хранить старинные медицинские рецепты, знания, которые уже утрачены. Поэтому среди номинаций источника информации можно встретить такие, как *матушка; отец Георгий; отшельница; сибирская отшельница; 95-летняя долгожительница;*

95-летний сибиряк, 95-летний травник. В пример можно привести анонс одного из рекламных анонсов: *Удалось заполучить секретный рецепт лечения суставов без уколов и операций от отшельницы Агафьи.*

Особыми знаниями в области медицины, с точки зрения среднего статистического представителя целевой группы, может обладать и человек, получивший специальную подготовку (*ВДВшник*). В программу его обучения могут быть включены специальные медицинские навыки, необходимые в экстремальных ситуациях. Такой персонаж также может быть указан как источник информации.

Использование лексики с положительной коннотацией.

Стереотипные представления потребителей рекламы используются и при описании рекламируемых объектов. С понятием стереотипа связывают прагматическую информацию, стоящую за словом (Кобозева 2000: 92), т.е. его коннотацию. Под коннотациями лексемы понимаются «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности», а также «отражают связанные со словом культурные традиции, господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи» (Апресян, цит. по Кобозева 2000: 92). Еще одно определение коннотации непосредственно оперирует понятием «стереотип»: «совокупность... закрепленных в культуре данного общества ассоциаций», образующих сопутствующие лексическому значению «содержательные элементы, логические и эмотивные, которые складываются в стереотип» (Bartmiński, цит. по Кобозева 2000: 92). Важно, что коннотации отсылают не к конкретному индивиду, а к языковому коллективу, чем отличаются от других видов прагматической информации.

Примером эксплуатации стереотипных представлений потребителей рекламы является использование лексических единиц, обладающих в определенном контексте положительной коннотацией. Так, в анонсах рекламных сообщений для характеристики средства, необходимого для лечения, часто используется прилагательное *советский*. Это прилагательное, как выяснилось в ходе опросов, обладает положительной коннотацией у целевой группы – людей среднего или старшего возраста, знакомых с жизнью в СССР. Оно ассоциируется с чем-то *качественным, изготовленным по ГОСТУ, безопасным, простым, натуральным, недорогим, местного производства, доступным, широко распространенным, традиционным* и т.д. Естественно, что средство с такой характеристикой привлечет внимание

читателей. Ср. с телевизионной рекламой: *«Хорошая традиция любить сырки «Советские традиции»!*

Положительной коннотацией в контексте описания средства или способа лечения болезни будут обладать и лексемы *простой, обычный, обыкновенный*.

«Интимизация» повествования.

Доверительное отношение к информации создает и «интимизация» повествования. Рассказы «от себя» представляют собой «такое использование языковых средств, в результате которого создается эффект доверительного общения автора с аудиторией» (Копнина 2010: 92). Этот стилистический прием реализуется в форме обращений, вопросно-ответных конструкций, риторических вопросов и пр. и способствует приданию информации более правдоподобного характера. Примеры:

*Чазова: «Умоляю, лечите гипертонию, не доводите до возможного инфаркта! Я рекомендую...»
Боли в суставах и спине? Врачи нашли эффективное средство...*

Этой же цели служит указание на эмоции, которые вызывает информация о средстве / способе лечения: *Скандал в медицине! Ортопеды ошарашены! Народ онемел! Кардиологи в ужасе! Москва в панике! У медиков шок! Урологи в потрясении!*

Использование визуальных образов.

Помимо изображения, сопровождающего анонс рекламы, обращает на себя внимание частое использование в тексте анонса чисел, что можно рассматривать как пример использования знаковых систем в манипулятивных целях (Кара-Мурза 2001: 45). В анонсе рекламы можно найти различные способы использования чисел, и все они способствуют формированию доверительного отношения к информации.

Это может быть указание на конкретные сроки полного излечения (*папилломы отсохнут за 9 дней; гипертония уйдет за 4 дня; печень можно восстановить за 14 дней; 5 дней пить отвар; головная боль, давление, гипертония уйдут за 6 дней; продукт, кладущий диабет на лопатки за 3 дня*) или полного решения проблемы (*даже глубокие морщины уйдут за 17 дней; бросить курить за 5 дней; избавиться от храпа за 5 дней; даже возрастной живот уйдет за 10-20 дней*).

В некоторых случаях приводится точное количество вещества, необходимого для лечения болезни (*возьмите 300 мг...; 200 грамм прохладенького...; раскрошите в воду 10*

грамм...; крошите в стакан воды 6 г. ...). При этом само вещество в анонсе никогда не называется (подробнее см. Миронова 2017).

Числовые показатели могут использоваться для оценки уровня серьезности проблемы путем ее количественной характеристики (*при давлении выше 130/90 срочно прочистите сосуды; весите 90 кг?*) и для оценки эффективности лечебного средства (*средство, усиливающее тестостерон в 50 раз; средство в 37 раз мощнее ботокса; зрение вернется на 98%*).

Числовые показатели во всех этих случаях призваны убедить читателя в том, что применение определенного метода лечения имеет длительную историю, позволившую точно определить время лечения, необходимое количество средства, степень эффективности препарата и т.д.

Показатель уровня квалификации специалиста или его возраст, подтверждающий его многолетний опыт работы (*диетолог № 1; врач № 1; 127-летний академик*) также может содержать числовой показатель.

В основной части рекламы часто указывается точная дата окончания акции (примечательно, что она всегда совпадает с датой обращения к сайту).

Заключение.

Мы показали, как в нативной рекламе действует основной принцип придания достоверного вида информации – «переплетение» в тексте реальных и вымышленных фактов. Особенно опасная ситуация складывается в медицинской сфере рекламы.

При* этом внимательный читатель всегда обнаружит в рекламных сообщениях указания на вымышленный характер информации. Так, на «фейковый» характер ток-шоу Дм. Шепелева с участием Л.А. Бокерии и И.Е. Чазовой указывает отсутствие записи передачи с указанием времени ее выхода в эфир, канала и прочей обязательной в этом случае информации. В «программе» нарушается процедура использования полиграфа, причем настолько, что получение верного ответа становится в принципе невозможным. И.Е. Чазова якобы по памяти точно воспроизводит полный перечень заболеваний, излечиться от которых поможет рекламируемый препарат, а Л.А. Бокерия лично предлагает приобрести препарат через определенный сайт.

Любую манипуляцию сознанием личности можно рассматривать как агрессию по отношению к ней. Тем более это касается тех случаев, когда в действие вступает обман, ложная информация выдается за правду, маскируется под нее.

Воздействие подобных публикаций на читателя психологи относят к «деструктивным формам общения», оказывающим влияние на представления человека о реальности. Подчеркивается, что подобный «негативный коммуникативный опыт» способен «причинить серьезный ущерб и ментальным механизмам, и продукту их деятельности – картине мира человека» (Ениколопов и др. 2014: 315). Рекламные тексты, содержание которых искажает действительность, оказывают влияние и на эмоциональную, и на когнитивную сферу личности и трактуются психологами как примеры ментальной агрессии.

Список литературы:

- Баранов А.Н. (2001): Введение в прикладную лингвистику. Москва: Эдиториал УРСС.
- Войтасик Л. (1981): Психология политической пропаганды. Москва: Прогресс.
- Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. (2014): Агрессия в обыденной жизни. Москва: Политическая энциклопедия.
- Иванов А. (2016): Реклама: игра на эмоциях. Москва: Альпина паблшер.
- Кара-Мурза С.Г. (2001): Манипуляция сознанием. Москва: Эксмо-Пресс.
- Кобозева И.М. (2000): Лингвистическая семантика. Москва: Эдиториал УРСС.
- Копнина Г.А. (2010): Речевое манипулирование. Москва: Флинта; Наука.
- Миронова Н.И. (2017): Особенности когнитивной схемы сетевого сообщения, содержащего скрытую рекламу. Когнитивные исследования языка, Материалы международного конгресса по когнитивной лингвистике, XXX. Москва-Тамбов-Белгород. 605-609.
- Нативная реклама (2016). Нативная реклама: Основные понятия, примеры, эффективность. FB.ru. URL: <http://fb.ru/article/225739/nativnaya-reklama-osnovnyie-ponyatiya-primeryi-effektivnost> (дата обращения: 03.05.17).
- Огилви Д. (2013): Огилви о рекламе. Москва: Манн, Иванов и Фебер; Эксмо.
- Ребер А. (2001): Большой толковый психологический словарь. Т. 2. Москва: Вече-Аст. 313-314.
- Современный медиатекст (2013): Москва: Флинта; Наука.
- Цуладзе А. (2000): Большая манипулятивная игра. Москва: Алгоритм.

References

- Eysenck M., Keane M. (2003): Cognitive psychology. Hove; N.Y.: Psychology Press.
- Kiklewicz A. (2017): Фрагментация текста как средство персуазивности в информационных интернет-сервисах, *Przegląd wschodnioeuropejski*, VIII/1, 185-205.
- Medin D., Ross B. (1997): Cognitive psychology. Orlando: Harcourt Brace College Publishers.

ГОВОРЯЩИЙ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА, ИЛИ РОЛЕВОЙ НАБОР УЧАСТНИКА КОММУНИКАЦИИ

Попова Татьяна Ивановна
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
tipopova13@gmail.com

SPEAKER YESTERDAY, TODAY, TOMORROW, OR ROLE SET OF SPEAKER

Popova Tatiana
Saint Petersburg State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В ходе повседневного общения каждый говорящий выбирает социальную роль из некоторого, присущего лично ему, ролевого набора (мать, жена, друг, коллега и т. п.), и в соответствии с этой ролью в конкретном коммуникативном акте выстраивает свое поведение, в том числе речевое. Можно предположить, что каждая социальная роль имеет определенный набор лингвистических (на всех языковых уровнях) коррелятов, или социолингвистических переменных. Выявление таких коррелятов социальных ролей, типичных для любого говорящего, и их многоуровневый анализ на материале корпуса «Один речевой день» позволят описать механизм использования языка в определенных ситуациях повседневного общения. Интересным представляется выявление и соотношение универсальных и индивидуальных характеристик говорящего в рассматриваемом отношении.

ABSTRACT

In the course of everyday communication, each speaker chooses a social role from a certain role set (mother, wife, friend etc.) and builds their behavior in accordance with this role in a particular communicative act, including speech behavior. It can be assumed that each social role has a set of linguistic (at all language levels) correlates, or sociolinguistic variables. The identification of such correlates and their multilevel analysis on the material of the corpus "One Day of Speech" will describe the mechanism of language use in certain situations of everyday communication.

Ключевые слова: разговорная речь, социолингвистика, социальная роль, лингвистические корреляты, ролевой набор.

Keywords: colloquial speech, sociolinguistics, social role, linguistic correlates, role set.

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-29-09175 «Диагностические признаки социолингвистической вариативности повседневной русской речи (на материале звукового корпуса)».

Введение.

Стремление исследователей получить точное представление об актуальных процессах и явлениях в языке привело к осознанию невозможности изучать язык в отрыве от его носителей. В процессе коммуникации речь видоизменяется, что зависит от многих факторов, и приобретает черты, нередко индивидуальные, но, как показывают исследования, и общие для определенных групп (гендерных, возрастных, профессиональных и проч.).

Работы У. Лабова (Labov 1970), Дж. Гамперца и Х. Хаймса (Gumperz, Hymes 1964) и некот. др. внесли неоценимый вклад в развитие методологии социолингвистических исследований, которые открывают все больше фактов об организации коммуникации в целом.

На современном этапе развития лингвистики подобного рода исследования стало возможным проводить на больших массивах данных, организованных в корпус. Важным моментом является в этом случае наличие обширной метатекстовой разметки (аннотации). Наиболее представительным для русского языка может считаться корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД), который разрабатывается в Санкт-Петербургском государственном университете (Звуковой корпус ...2015; Asinovski et al 2009).

Корпус «Один речевой день»

Звукозаписи повседневной речевой коммуникации на русском языке, собранные в корпусе ОРД, выполнены по методике непрерывного многочасового мониторинга устной речи. На сегодняшний день общий объем корпуса составляет 1 млн. словоупотреблений и 1250 часов записей от 128 информантов и около 1000 их коммуникантов.

При сборе данных об информантах фиксировались такие параметры, как их пол, возраст, родной язык, национальность, профессия, образование. С помощью этих данных были сформированы 10 основных профессиональных групп современного российского мегаполиса, каким является Санкт-Петербург (Русский язык ... 2016). Более того, от каждого информанта был получен «Дневник речевого дня», в котором он указывал время различных коммуникативных эпизодов в течение дня, место, информацию о собеседнике и виде деятельности во время разговора. В результате удалось получить подробную базу данных в которой используются система сокращений для различных параметров. Например, для типа коммуникативной ситуации, ее условий (NComType): Б – за решением повседневных бытовых дел; Ж – на фоне восприятия внешнего источника (просмотра телевизора и т. п.); Х – на ходу (в дороге, на прогулке, в транспорте); Г – решение организационных, бухгалтерских, паспортных, юридических и пр. дел; Д – деловой – профессиональная беседа; В – общение с

внешними организациями, разговор клиент-сервис (магазины, службы, поликлиника, библиотека и т.п.) и др. (см. рис. 1).

Informants-2016		Episodes-2016						
SCo	SFName	NComType	NSRole	NPlz	SFileWM/	Start	End	EPlace
S106	ordS106-05	УРМ	ПР	ДОМ	K0913_1356:	00:28,7	37:44,5	дом
S106	ordS106-06	УРМ	ПР	ДОМ	K0913_1356:	37:44,5	10:00,1	дом
S106	ordS106-07	БРХ	ДР	УЛ ТР	K0913_2155:	02:35,3	20:48,9	улица, метр
S106	ordS106-08	БРЖ	ДР ЗН КЛ	МАГ	K0913_2155:	42:11,4	58:58,2	публичное
S106	ordS106-09	БРЬ	ДР ЗН	ОМ	K0914_0118:	36:22,3	45:33,7	публичное
S106	ordS106-10	БРШ	ДР	ДОМ	K0914_0813:	00:33,1	46:00,6	дом
S107	ordS107-01	ДД/Б	КО	ОФ	KR09_0003	00:03,9	10:34,6	офис
S107	ordS107-02	ДД/БТ	КО ОТ	ОФ	KR09_0003	18:37,2	01:18,0	офис
S107	ordS107-03	БД/БК	КО	КАФ	KR09_0003	26:31,0	02:14,9	буфет на ра
S107	ordS107-04	ББТ	ОТ	ОФ	KR09_0003	10:37,2	12:28,5	офис
S107	ordS107-05	ВВ	КЛ	ПОЛ	KR09_0004	03:46,0	22:55,6	кабинет вре
S107	ordS107-06	БР	СА КО	ОФ	KR09_0005	0:00:00	0:01:57	офис
S107	ordS107-07	БРТЮЭМ	ОТ БР ЗН	ОФ	KR09_0008	0:00	14:30,5	офис
S107	ordS107-08	ДГТ	КЛ КО	ОФ	KR09_0008	14:30,5	33:48,0	офис
S107	ordS107-09	БРХ	КО	ТР	KR09_0008	0:33:48	37:13,2	машина
S107	ordS107-10	ДДМ	КО	ОФ	KR09_0012	12:00,0	55:35,1	офис
S107	ordS107-11	БРЮ	КО	ОФ	KR09_0012	57:36,2	21:37,4	офис

Рис. 1. Фрагмент базы данных ОРД

Система метатекстового аннотирования организована в ОРД таким образом, что получившаяся база данных содержит обширную информацию и позволяет балансировать материал по разным параметрам. Одним из малоизученных аспектов в корпусе ОРД является категория социальной роли говорящего (СР). Ниже представлен фрагмент классификации СР в ОРД и используемые для их обозначения в базе сокращения (см. рис. 2).

<p>Родственники:</p> <ul style="list-style-type: none"> • МУ – муж, • ЖЕ – жена • ОТ – Отец и пр. <p>Прочие родственники (без указания пола):</p> <ul style="list-style-type: none"> • СР – старшие родственники тетья, свекровь, теща, дядя и пр. • МР – младшие родственники – зять, невестка, и пр. <p>Друзья</p> <ul style="list-style-type: none"> • БД – близкий друг (бой-френд) • БП – близкая подруга (гёрл-френд) • ДР/ПО • АД – ассоциируемый друг (друг друзей, родственников) 	<p>Коллеги</p> <ul style="list-style-type: none"> • КО – коллега • КН – коллега-начальник, командир • КД – коллега-друг (подруга) <p>«Парные» отношения</p> <ul style="list-style-type: none"> • КЛ – клиент (в том числе – покупатель, в транспорте с водителем-кондуктором, на вахте, арендатор квартиры, пациент, родители пациента) • СС – сервис, сервисная служба – все кто оказывают услуги за деньги (продавец, фотограф, квартирная хозяйка, врач) • ССВ – врач • УЧ – ученик • ПР – преподаватель, учитель и пр. 	<p>Группы людей</p> <ul style="list-style-type: none"> • СТ – студент(курсант) • ПП – «попутчик», а также посетитель того же кафе, магазина, поликлиники и пр. общественных мест <p>Прочее</p> <ul style="list-style-type: none"> • ЗН – просто знакомый, не друг, не клиент, не обслуга, не «партнер» • ЧУ и пр.
--	--	---

Рис. 2. Общая классификация социальных ролей в корпусе ОРД

Понятие социальной роли

Сам процесс овладения языком тесно связан с усвоением правил (не только грамматических) его использования. Говорящий усваивает абстрактные образцы речевого поведения, реализация которых напрямую связана с понятием социальной роли говорящего.

Под социальной ролью будем понимать «нормативно одобренный обществом образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную социальную позицию» (Кон 1967: 23). Образцовый характер и стереотипность роли подтверждается тем, что она определяется с помощью уже существующих в языке обозначений: *муж, сын, клиент, пациент* и др. (Крысин 2004: 427).

Переключение с одних стереотипов на другие касается и речевого поведения, ср.: «ситуативная вариативность проявляется в использовании тех или иных языковых средств – отдельных единиц или целых систем/подсистем в зависимости от социальной ситуации» (Швейцер 2009: 79), которые называют социолингвистическими (ситуативными) переменными, в настоящем исследовании в этом значении будет использоваться термин *лингвистические корреляты*.

Исследователи отмечают, что «для социолингвистики релеванты не любые роли, а лишь те из них, которые имеют эксплицитно выраженные языковые или речевые корреляты» (там же: 82).

Цель настоящего исследования – определить ролевой набор участника коммуникации на основании записей его «речевого дня» и выявить статистические параметры частотного словаря, которые могут послужить потенциальными лингвистическими коррелятами.

Ролевой набор (статистические данные)

На основании корпусных данных удалось определить количество социальных ролей всех информантов на протяжении одного речевого дня (см. табл. 1).

Таблица 1. Социальные роли информантов ОРД (количественные данные)

Информант	СР	Информант	СР	Информант	СР	Информант	СР
S63	12	S140	7	S109	5	S29	4
S113	11	S7	7	S120	5	S31	4
S128	11	S72	7	S125	5	S32	4
S117	10	S77	7	S129	5	S42	4
S30	10	S78	7	S13	5	S43	4
S35	10	S86	7	S132	5	S44	4
S62	10	S89	7	S142	5	S65	4
S107	9	S93	7	S143	5	S69	4
S11	9	S95	7	S144	5	S71	4
S135	9	S1	6	S16	5	S76	4
S24	9	S101	6	S19	5	S8	4
S28	9	S102	6	S20	5	S90	4
S84	9	S103	6	S22	5	S96	4
S110	8	S108	6	S26	5	S119	3
S115	8	S111	6	S39	5	S121	3
S124	8	S123	6	S40	5	S15	3
S130	8	S131	6	S45	5	S17	3
S137	8	S133	6	S61	5	S2	3
S33	8	S134	6	S70	5	S41	3
S36	8	S139	6	S79	5	S66	3
S38	8	S14	6	S87	5	S67	3
S4	8	S18	6	S88	5	S73	3
S6	8	S27	6	S92	5	S100	2
S64	8	S5	6	S104	4	S114	2
S74	8	S60	6	S106	4	S23	2
S98	8	S83	6	S122	4	S37	2
S105	7	S85	6	S136	4	S118	1
S116	7	S9	6	S147	4	S3	1
S126	7	S91	6	S21	4	S80	1
S127	7	S10	5	S25	4		

Статистический анализ полученных данных показал следующее:

Мах – 12
 Мин – 1
 Mean – 6
 Размах – 11
 Медиана – 5
 Мода – 5
 Станд. откл. – 2
 Коэф. вариации – 0,33

Коэффициент вариации свидетельствует об однородном распределении, несмотря на значительную степень рассеивания данных (*размах* – разница между максимальным (12) и минимальным (1) количеством социальных ролей у одного говорящего в течение его «речевого дня»). Поскольку *медиана* практически совпадает со средним значением (*mean*), что возможно в случае нормального распределения показателей, а *стандартное отклонение* говорит о том, что каждое значение в выборке отклоняется от среднего только на 2, и *мода* – величина, которая указывает самое часто встречающееся значение, – равна 5, можно считать полученные данные вполне достоверными и говорить о том, что ролевой набор участника коммуникации в корпусе ОРД равен 5.

Рассмотрим соотношение наиболее часто встречающихся СР в корпусе (см. табл. 2).

Таблица 2. Соотношение социальных ролей говорящих в ОРД

	СР	Кол-во эпизодов	%
1.	КО (КН, КД, КП)	824	26
2.	СС	269	8,5
3.	МУ	170	5,3
4.	ДР	144	4,5
5.	МА	137	4,3
6.	КЛ	120	3,8
7.	ЖЕ	102	3,2
8.	ОТ	81	2,5
9.	ДО	71	2,2
10.	СЫ	62	2
11.	СА	55	1,7
12.	Полиролевые ситуации ¹	1147	36
	ВСЕГО	3182	100

Первые пять наиболее часто встречающихся ролей: коллега (КО), работник службы сервиса (СС), муж (МУ), друг (ДР), мать (МА) – можно отнести к типичному ролевому набору

¹ Ситуации, в которых говорящий исполняет одновременно несколько ролей.

говорящего. Стоит обратить внимание на то, что две из них принадлежат к группе родственников, то есть роли определяются как семейные. Трудно однозначно говорить без расширения материала, отражает ли это тенденцию русской разговорной речи в целом или это данные, которые актуальны только для данного корпуса.

Роль коллеги (КО) оказывается самой неоднозначной. Интересно, что в трех случаях, когда в ОРД у информанта только одна социальная роль, этой ролью оказывалась роль КО. Трудно оценить саму ситуацию общения между коллегами, так как невозможно исключить фактор межличностных отношений, которые разрушают предписываемую официальность общения.

Более того, в корпусе в ранжированном списке всех эпизодов максимальное время звукозаписи (93,6 часа или почти 42 %) относится к работе или учебе информанта. Эта категория более чем в 4 раза превосходит по объему следующую за ней группу эпизодов – домашние разговоры в вечернее время (9,92 %) (Русский язык ... 2016) (см. табл. 3).

Таблица 3. Фрагмент ранжированного ряда эпизодов ОРД (по суммарному времени) (данные 2007 г.)²

№	Эпизод	минуты	часы	%
1.	<i>работа/учеба</i>	5616	93,6	41,94
2.	<i>дом.разговоры/вечер</i>	1329	22,15	9,92
3.	<i>вечеринка в кафе/в гостях</i>	1312	21,87	9,80
4.	<i>дорога на работу/мероприятие</i>	1175	19,58	8,77
5.	<i>дом.разговоры/утро</i>	724	12,07	5,41
6.	<i>в гостях</i>	460	7,67	3,43
7.	<i>дорога домой</i>	453	7,55	3,38

Данные табл. 2 можно сгруппировать (см. табл. 4) по принципу парности социальных отношений.

Таблица 4. Парное соотношение социальных ролей

СР	Кол-во эпизодов	%
КО	842	26
СС-КЛ	389	12,3 %
МУ-ЖЕ	272	8,5%

² Таким образом, проанализированное распределение эпизодов оказалось крайне неоднородным: первые пять категорий покрывают 75 % всего «речевого дня», а первые 10 – уже 90 %. Полученное значение коэффициента вариации почти в 6 раз превышает показатель, характерный для нормального распределения (*Baker, Hardie, McEnergy* 2006: 123), что подтверждает нашу гипотезу о ярко выраженной неоднородности этого распределения. Следовательно, в структуре «речевого дня» категория «работа/учеба» должна рассматриваться независимо от всех прочих видов деятельности (Русский язык ... 2016).

Видим, что на первые позиции поднимаются роли, которые в теории социолингвистики уже между собой противопоставлены по принципу ассиметричности/симметричности отношений (Беликов, Крысин 2001: 201-202).

Для дальнейшего анализа были отобраны «речевые дни» двух информантов (ИЗ8 – муж., 53 года и И115 – муж., 58 лет), ролевой набор которых равен 8, и у каждого есть эпизоды, в которых информанты выступают в роли как МУ так и СС. Принцип противопоставленности двух ролей должен способствовать выявлению значимых языковых явлений, то есть искомым лингвистических коррелятов СР. Данные о материале см. в табл. 5.

Таблица 5. Материал исследования

	Объем подкорпуса (токены ³)	МУ	СС
ИЗ8	2868	1 533	1 335
И115	6397	2878	3519

Ср., например, употребление единицы *ну* одним информантом в разных социальных ролях:

МУ

- (1) Ж1: *ездят на своей четвёрке и ездят //*
 ИЗ8: *ну да //*
- (2) Ж1: *тот парень какой-то до него в итоге дозвонился ?*
 ИЗ8: *ну какой-то дозвонился //*

СС

- (3) ИЗ8: *это же ... ну это (...) е... это кстати берут все подряд //*
- (4) ИЗ8: *ну (...) ну я говорю мы такие () шили года три назад //*
- (5) ИЗ8: *слушай ну () в самом деле я хочу тебе сказать что лартек по () сегодняшним рыночным ценам / настоящий / он безумно дешёвый просто //*

В примерах (3)-(5) *ну* употребляется перед паузами хезитации, что позволяет предположить хезитативный характер самой этой единицы. Она, скорее всего, отражает трудности речепорождения в ситуации общения в формальной обстановке.

³ В корпусной лингвистике принято называть единицы корпуса – минимальные фрагменты для анализа *токенами*, хотя чаще всего они совпадают со словоформами (Baker, Hardie, McEney 2006: 159).

Однако на первом этапе исследования, прежде чем обращаться к языковым уровням, интересно рассмотреть количественные показатели подкорпусов выбранных двух информантов.

Статистические параметры частотного словаря информантов

Существует ряд параметров, которые применяют при анализе частотных словарей. Эти данные позволяют качественно оценить содержание материала (См. об этом подробнее: Алексеев 2001).

Так, например, показатель количества уникальных слов (*hapaх*), тех, что были произнесены только один раз, характеризует не только лексическое богатство речи информанта, но позволяет также обнаружить специфичные черты языковой личности (особенности идиолекта). Если анализ выявит зависимость *hapaх* от социальной роли говорящего, то исследуемый параметр можно отнести к потенциальным лингвистическим коррелятам. В таком случае он может быть использован, например, в практике судебной лингвистики, особенно при установке авторства, атрибуции текста или в случаях предполагаемого плагиата.

Поскольку у И115 подкорпус значительно больше, то сравнивать показатели *hapaх* нужно для каждого информанта отдельно. Заметно преобладание уникальных слов у И38 в роли МУ (см. табл. 6).

Таблица 6. Параметры частотного словаря

Параметры	И38		И115	
	МУ	СС	МУ	СС
леммы	451	340	606	641
<i>hapaх</i>	375	281	528	530
кол-во полнзначных слов	389	295	550	577
TTR/ TTR (st)	0,3 / 0,4	0,3/ 0,3	0,3 / 0,4	0,2/ 0,4
лексическая плотность	25 %	21 %	20 %	14 %
индекс исключительности	0,7	0,8	0,7	0,65

Лексическая плотность – это доля полнзначных слов в корпусе. Заметно более низкий показатель у информанта И115 в роли СС, как и индекс исключительности – доля однократных употреблений в корпусе, что также может претендовать на статус лингвистического коррелята социальной роли.

Однако важно учитывать *индекс разнообразия* (TTR – token/type relation (ratio) – отношение количества разных словоформ или лексем к объему текста, которое выводится по

формуле L/N (L – лексемы, N – объем текста). При стандартизованном $TTR(st)$ используются выборки одинакового размера. Как видно из таблицы 6, показатели равны для обоих информантов в роли МУ, а вот роль СС и здесь оказалась хоть незначительно, но все же маркирована у И38, что может свидетельствовать о необходимости детального рассмотрения этого аспекта.

Дж. Юр показал что письменные тексты имеют лексическую плотность более 40 %, в то время как устные тексты, как правило, меньше. Разговорные тексты предсказуемы, потому что они обычно тесно связаны с «физической средой» человека и поэтому содержат больше повторений (Ure 1971).

Эту мысль можно развивать на полученных в настоящем исследовании показателях: лексическая плотность в обеих ролях сигнализирует о «разговорности», даже в случаях асимметричных отношений. Однако если разговорная речь предсказуема (от того, что реализуются коммуникативные сценарии в определенных ситуациях?), то можно предположить, что случаи формального общения в рамках повседневной коммуникации могут быть еще более стандартизованы. Эту гипотезу могут подтвердить случаи маркированности некоторых параметров частотного словаря у обоих информантов в роли СС.

Выводы.

В результате проведенного исследования на корпусном материале русского языка повседневного общения был выявлен показатель среднего ролевого набора говорящего. Из 5 наиболее типичных социальных ролей говорящих две противопоставлены друг другу по принципу асимметричности/симметричности отношений, что обусловило выбор материала исследования.

Поиск лингвистических коррелятов СР с помощью применения статистических параметров частотного словаря информантов позволил обнаружить показатели, которые маркируют роль СС у обоих информантов. Дальнейший анализ материала на разных языковых уровнях сделает возможным получение классификации характерных особенностей, которые отличают речь одного языкового регистра от другого. Такие данные могут быть использованы для решения текущих проблем в речевых технологиях, для синтеза речи и систем распознавания, в судебно-лингвистической и судебной фонетике.

Список литературы

- Алексеев П. М. (2001): Частотные словари : Учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 153 с.
Беликов В. И., Крысин Л. П. (2001): Социолингвистика. М.: Рос. гос. гум. ун-т, 315 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Ч. 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2015. – 364 с.

Кон И. С. (1967): Социология личности. Москва: Политиздат, 383 с.

Крысин Л. П. (2004): Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому и социолингвистике. Москва: Языки славянской культуры, 888 с.

(2016): Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография, Н. В. Богданова-Бегларян (отв. ред.). Санкт-Петербург: ЛАЙКА, 244 с.

Швейцер А. Д. (2009): Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. Изд. 2-е. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 176 с.

References

Asinovsky, A., Bogdanova, N., Rusakova, M., Ryko, A., Stepanova, S., Sherstinova, T. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker`s Day»: Creation Principles and Annotation //Matoušek, V., Mautner, P. (eds.) TSD 2009. LNAI, vol.5729, 2009. – Springer, Berlin-Heidelberg. – Pp.250-257.

Baker, P, Hardie, A and McEnery, T (2006): A Glossary of Corpus Linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press. Journal articles – 123 p.

Gumperz, J. J., Hymes, D. (1964): The Ethnography of Communication. Special issue of American Anthropologist, Vol. 66, № 6, part 2, 137-54.

Labov, W. (1970): The Study of Language in its Social Context, Studium Generale, 23, 30-87.

Ure, J. (1971): Lexical Density and Register Differentiation, Applications of Linguistics, G. Perren and J. L. M. Trim (eds.), London: Cambridge University Press, 443–452.

**КОНЦЕПЦИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
БУДУЩИМ СПЕЦИАЛИСТАМ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
СЛУЖБ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
(УРОВЕНЬ МАГИСТРАТУРЫ)**

Поршнева Елена Рафаэлевна

*Нижегородский государственный лингвистический университет, Россия
eporshneva@gmail.com*

Макшанцева Наталия Вениаминовна

*Нижегородский государственный лингвистический университет, Россия
makshan@lunn.ru*

**CONCEPT OF TEACHING RUSSIAN TO THE SPECIALISTS OF
LINGUISTICS INTERNATIONAL ORGANIZATIONS
(MASTER`S DEGREE)**

Elena Porshneva

Nizhny Novgorod State Linguistics University, Russia

Natalia Makshantseva

Nizhny Novgorod State Linguistics University, Russia

АННОТАЦИЯ

В настоящее время в международных организациях расширяется спектр деятельности лингвистических служб, усиливается значимость таких переводческих специализаций, как переводчик-терминолог, переводчик-документалист, переводчик-референт и др., охватывающих сферы устного и письменного перевода. В подготовке будущих специалистов особую роль играет профессиональное владение родным языком. Представлена магистерская программа «Русистика и перевод: подготовка специалистов для лингвистических служб международных организаций», в которой русский язык занимает приоритетные позиции, являясь основой формирования профессиональной языковой личности. Программу отличают междисциплинарный характер, комплексный подход к обучению (контекстно-компетентностный, когнитивно-дискурсивный, когнитивно-коммуникативный, межкультурный). Для изучения предлагаются дисциплины, нацеленные на совершенное владение родным языком в контексте стратегии переводческой деятельности, направленных на формирование профессионально значимых компетенций.

ABSTRACT

Currently the range of activities of language services in international organizations is increasing. Specialization such as translator-terminologists, documentalist, interpreter, abstracter are becoming widespread. In the training of the specialists, proficiency of the native language is important. The authors developed the master's program "Russian Studies and translation: training of specialists for linguistics services of international organizations", in which the Russian occupies a priority position, as the basis for the formation of a professional language personality. The program is characterized by an interdisciplinary nature, an integrated approach (context-competence, cognitive-discourse, cognitive-communicative, intercultural). Offered subjects are aimed at perfect knowledge of the native language in the context of the strategy of translation activities, as a result the formation of professionally significant competencies is provided.

Ключевые слова: профессиональное владение языком, профессиональная контекстуализация, межкультурная русистика, межкультурный подход.

Keywords: professional proficiency, professional contextualization, intercultural Russian studies, intercultural approach.

Одна из ключевых идей современной языковой политики России – обсуждение возможностей создания безбарьерной межкультурной коммуникации, в основе которой лежит русский язык и его эффективное использование в международном пространстве. Проблема продвижения русского языка как лидирующего в современном мире, а также укрепление его позиций как стратегического национального приоритета РФ, как официального и рабочего языка многочисленных международных организаций не может быть решена без осознания нового подхода к обучению родному (русскому) языку в системе подготовки специалистов межкультурного взаимодействия, которые должны профессионально владеть не только иностранным, но и родным языком.

В настоящее время в интернациональных организациях расширяется спектр деятельности лингвистических служб, охватывающих сферы устного и письменного перевода. Штатный лингвистический персонал в подобных организациях составляют такие специалисты, как переводчик-терминолог, переводчик-стилист, переводчик-референт, переводчик-документалист, протоколист, специалист аудиовизуального перевода, составители стенографических отчетов, референты справочных служб, корректоры, выпускающие редакторы и др. Успешность их работы обусловлена профессиональным владением родным языком. К сожалению, как отмечают руководители международных лингвистических служб, найти выпускников лингвистических факультетов, которые отвечали бы данному требованию, очень сложно. Если судить по результатам отборочного экзамена в ООН, то подавляющая часть кандидатов, окончивших переводческие факультеты, не имеют требуемых навыков и испытывают самые большие трудности при редактировании текста своего перевода на русском языке, т.к. не владеют родным языком как инструментом

профессиональной деятельности. К большому сожалению, преподавание русского (родного) языка в лингвистическом вузе до сих пор остается нацеленным на овладение теоретическими знаниями вне реального функционирования языка в межкультурном аспекте. К тому же в учебных планах бакалавриата по направлению подготовки «Лингвистика» русскому языку отводится всего 6 зачетных единиц. Этого явно недостаточно, чтобы восполнить пробелы школьного образования и построить базу языковой культуры, без которой немыслимо ни становление профессиональной языковой личности, ни формирование элитарного типа речевой культуры специалиста.

Подготовка к профессии, внутри которой сталкиваются различные цивилизационные культуры, традиции, разные уровни развития народов и этносов, разные эпохи, разные типы мышления, разные картины мира, разные личности, требует создания особых условий преподавания родного (русского) языка. Требуется иная методическая организация учебного процесса, опирающаяся на модель переводческой деятельности как образовательного контекста.

В своем исследовании, посвященном анализу деятельностного и культурологического подходов в преподавании иностранных языков, Кр. Пюрэн отмечает, что методы, разработанные начиная с 60х годов прошлого столетия, сделали неоценимый вклад в развитие лингводидактики, поскольку новые подходы были нацелены на удовлетворение социального запроса и дополняли существующую методику обучения своими достижениями. (Puren, 2002). Так революционность коммуникативного подхода проявилась в пересмотре задач обучения иностранному языку, выдвигая на первый план овладение операциональными знаниями и умениями и обогащение коммуникативного опыта.

К важным достижениям современной лингводидактики относится признание необходимости конкретизации условий и контекста, в которых и для которых изучается иностранный язык. Не менее важно, на наш взгляд, и осознание этой необходимости при обучении родному языку. Признание определяющей роли языков в развитии профессиональных и интеллектуальных качеств человека и воплощение этой идеи стало одной из первостепенных задач современной лингвообразовательной парадигмы. Концепция Л.С. Выготского, психологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева, компетентностная теория содержания обучения И.А. Зимней легли в основу контекстно-компетентностного подхода, заключающегося в профессионализации высшего образования вообще и лингвистического в частности (Вербицкий 2010).

Необходимость разработки новой концепции обучения будущих специалистов лингвистических служб русскому языку продиктована не только динамично меняющимися

социально-экономическими условиями развития современного общества. Очевидны и недостатки сложившейся системы профессиональной подготовки переводческих кадров, не отвечающей требованиям формирующейся межкультурной образовательной парадигмы XXI века, которая, по определению Н.Д. Гальсковой и Е.Г. Таревой характеризуется усилением проблемности, ситуативности, контекстности в обучении и переходом от «текстовой образовательной парадигмы» к дискурсивной» (Гальскова, Тарева 2013). Методологической базой новой образовательной парадигмы в сфере лингвистического образования становится интеграция современных методических подходов, развившихся на основе теории деятельности, сопоставительной и когнитивной лингвистики, психолингвистики, теорий дискурса и межкультурной коммуникации. На первый план выходит работа со смыслами, усиливается значимость социальных практик сотрудничества, востребованных для организации межкультурного взаимодействия.

Идея интегрирования культуры страны изучаемого языка в теорию и практику преподавания, которая присутствовала в методике уже в 70-80 гг. прошлого века, обрела новую перспективу, которую нужно учитывать в течение всего процесса лингвистического образования. Суть межкультурного образования состоит в обучении пониманию чужого в контексте диалога культур, диалога ментальностей. В процессе диалога в результате рефлексии происходит «расшатывание» монокультурного сознания языковой личности, система восприятия, поведения, действий включается в свое культурное смысловое поле. Соединяются и взаимопроникают диалог культур и диалог в сознании. Это сочетание ведет к рождению «диалогового человека» и формирует основу межкультурной компетенции. Соизучение языка и культуры осуществляется не столько ради самой коммуникации, сколько ради профессионального взаимодействия в различных областях деятельности с представителями иного социума, иной страны.

Внедрение в практику преподавания родного (русского) языка межкультурного подхода носит инновационный характер. Межкультурный подход восходит к концепции межкультурной герменевтики, которая рассматривала проблему межкультурного понимания, значительную роль отводит отношению к собственному и чужому миру, рефлексии ценностей, поведенческих тактик и т.д. (Макшанцева 2011). Межкультурное преподавание предполагает вовлечение студентов в альтернативную интерпретацию мира посредством родного языка и знакомства с феноменами, которые они могут сравнить со своей собственной культурой.

Чтобы соответствовать современной образовательной парадигме, концепция преподавания русского языка как родного должна быть выстроена на основе интеграции взаимодополняющих методических подходов: контекстно-компетентностного, когнитивно-

коммуникативного и межкультурного. Программа обучения, в которой русский язык становится основой формирования профессиональной языковой личности, должна носить междисциплинарный характер и разрабатываться на стыке межкультурной русистики, современного переводоведения, дидактики переводческой деятельности, лингводидактики, теории дискурса и межкультурной коммуникации.

Достижение поставленных целей обеспечивается включением в учебный план таких дисциплин как: «межкультурная русистика», «практикум по риторике и внутриязыковому переводу на РЯ», «сопоставительное терминоведение», «актуальная лексикология в межкультурном аспекте», «коммуникативная грамматика РЯ в аспекте перевода», «РЯ в мировом контексте и международных организациях» и др.

Раскрытие и реализация новых аспектов традиционных дисциплин, изучаемых в русле разработанной концепции, способствует формированию у будущего специалиста компетенций, востребованных лингвистическими службами современных международных организаций, отвечая насущным задачам межкультурного взаимодействия представителей разных лингвосоциумов в поликультурном пространстве. При выстраивании языковой подготовки будущих переводчиков особенно важны осознание и координирование уровней владения речевыми функциями на родном и иностранных языках, поскольку «недоразвитие определенных функций на родном языке может системно отразиться на развитии аналогичных функций на втором языке» (Котик-Фридгут 2002:73). Л.С. Выготский подчеркивал, что при овладении иностранным языком существует разная динамика в развитии отдельных речевых функций (Выготский, 1983:334). Поэтому выстраивание сбалансированной системы преподавания родного и иностранного языков представляет не менее серьезную проблему. Необходимо иметь четкое представление о том, как сосуществуют разные языковые системы в языковом сознании будущего переводчика, какая форма их взаимодействия способствует формированию переводческого мышления. В связи с этим, требуется не только пересмотр приоритетов в языковом образовании, но и иная организация учебного материала, а главное - четкое координирование целей и задач языкового и переводческого этапов обучения. Перифразируя слова Ю.Н. Караулова, можно сказать, что сквозной идеей, позволяющей разрушить границы между отдельными дисциплинами и этапами обучения, может стать лишь идея *формирования профессиональной языковой личности*, отражающей накопление жизненного и речевого опыта, усвоение научных знаний о мире, развитие профессионального мышления и выстраивание языковой картины мира в соответствии с национальной спецификой. Важно осознавать необходимость определенного «запаздывания» иностранного учебного компонента по сравнению с родным. В задачи разрабатываемого курса родного

языка (Риторика и внутриязыковой перевод на русском языке) входит не только закрепление норм русского языка, но и ознакомление со стратегиями будущей профессиональной деятельности, осмысление профессионально значимых компетенций, которые нужно активизировать на родном языке для ее успешной реализации. Для этого требуются упражнения на варьирование передачи смысла, расширение и свертывание информации, составление дефиниций и объяснений специфики культурологических реалий.

Идея профессиональной контекстуализации обучения, представления языка как инструмента профессиональной деятельности была поддержана и реализована на переводческом факультете НГЛУ (Поршнева, Зиновьева, 2013). Наш опыт пока-зывает, что контекстно-компетентный подход способствует осмыслению характерных свойств родного языка и его активизации как средства профессионального освоения переводческой деятельности и межкультурного взаимодействия. Не менее важна его роль в оптимизации процесса овладения иностранным языком, поскольку созданная образовательная среда дает обучающимся возможность прочувствовать специфику профессионального мышления и общения, использовать свой личностный потенциал в профессиональных целях. Профессионально контекстуализированная образовательная среда ориентирует студентов не только на развитие профессионально значимых компетенций, но и способствует формированию психологической готовности к осуществлению профессиональной переводческой деятельности.

Становится очевидным, что в подготовке специалистов межкультурного взаимодействия особую значимость приобретают интегративные качества, умения и способности, развитию которых необходимо уделять внимание в процессе профессионального овладения родным языком. Это, прежде всего, такие качества как:

способность к концентрации и распределению внимания; способность к смысловому и лингвистическому обобщению; значительный объем семантической памяти; высокая скорость вербальной оперативной памяти; мобильность информационного запаса знаний (лингвистических, экстралингвистических знаний, индивидуального опыта); высокий уровень культурологических, лингвострановедческих знаний; социально-перцептивная активность; способность принимать субъективные речевые решения и брать за них ответственность; способность к свертыванию во внутренней речи и развертыванию во внешней речи смыслового содержания высказывания и многое другое.

Важнейшей частью процесса обучения становится обучение профессиональному «активному» чтению и слушанию на родном языке (нацеленному на передачу полученной информации третьему лицу). При этом, обучение ознакомительной, реферативной,

аналитической, интерпретативной, обзорной стратегиям чтения и слушания направлено на развитие профессиональных когнитивно-дискурсивных умений: точное восприятие исходного текста/высказывания, стилистическое редактирование текста перевода, интерпретация и порождение связанных монологических высказываний в письменной форме, владение особенностями официального, нейтрального и неофициального регистров общения, владение различными видами передачи информации (полный, реферативный, аннотированный).

Значительное место должны занимать упражнения на концентрацию внимания и извлечение информации, важной в смысловом отношении (умение различать главную и второстепенную информацию, ключевые и второстепенные детали), употребление текстовых организаторов, позволяющих восстановить логическую последовательность фрагментов текста, устанавливать причинно-следственную связь между последними. Вместе с тем работа с предлагаемыми текстами должна включать задания и упражнения, направленные на обучение специальным приемам преобразования текста: переформулированию смысла, грамматическому перефразированию, компрессии текста, реферированию, комментарию, объяснению, прагматической адаптации и т.п. Особое место занимают упражнения на запоминание и воспроизведение прецизионной лексики, на выявление прецедентных текстов, бродячих сюжетов, осознание роли фоновых знаний.

Мы много слышим о профессиональном владении языками. В основном авторы имеют в виду формирование иноязычной коммуникативной компетенции в контексте будущей профессиональной деятельности. В нашем случае, мы будем говорить о преподавании русского (родного) языка как основы общелингвистической и общегуманитарной переводческой подготовки. И в этом нам помогут высказывания наших крупнейших психологов и лингвистов. М.М. Бахтин подчеркивал, что владение языком – это, прежде всего, владение контекстуальными смыслами, умение реализовать личностные смыслы, производить и воспроизводить всю гамму типовых текстов, осознание многообразия оттенков и значений слова в разных ситуациях, осознание постоянного обновления смысла в разных контекстах (Бахтин 2000). Эти умения развиваются, по словам Б.Гаспарова, благодаря накоплению в памяти говорящего достаточно обширного арсенала коммуникативных фрагментов и достаточно развитой сети аналогий, контаминаций, ассоциативных ходов, придающих каждому фрагменту аллюзионную пластичность и неопределенность очертаний». Коммуникативный фрагмент в его понимании — это «кусочек языкового опыта каждой личности» (Гаспаров 1996: 129). Важнейшим показателем профессионального владения языками становится *осознание* того, что само слово только указывает на предмет или явление,

а смысл появляется лишь в определенной ситуации и контексте, что слово всегда остается в плену у ситуации в контексте действия (Обухова 1981: 178). Так мы приходим к пониманию главной характеристики владения языком, которая заключается во *владении смыслами*. По определению И.А. Мельчука «владение смыслом проявляется у говорящего в способности по-разному выразить одну и ту же мысль, а у слушающего – в понимании смыслового тождества или сходства внешне различных высказываний» (Мельчук 1999: 11). В связи с этим, на первый план выходит *процесс понимания* высказывания (*герменевтический аспект*), толкуемый А.А. Леонтьевым как «*процесс перевода смысла текста в любую другую форму его закрепления*. Это может быть процесс перифразы, пересказа той же мысли другими словами, если, конечно, пересказывается мысль, а не слова; процесс перевода на другой язык; процесс смысловой компрессии, в результате которого образуется мини-текст, воплощающий в себе основное содержание исходного текста в виде реферата, аннотации, резюме и т.д. ... *Понятно, в самом широком смысле, то, что может быть иначе выражено*» (Леонтьев 2001:249). Переводческая речевая деятельность, а перевод «есть разновидность речевого действия» и «факторы, им управляющие, те же, что и у любого речевого действия» (Леонтьев 1970:71), требует овладения фундаментальными механизмами, общими для понимания, воспроизведения и порождения речи на родном и иностранном языках. Как подчеркивает И.А. Мельчук "владение смыслом проявляется у говорящего в способности по-разному выразить одну и ту же мысль, а у слушающего – в понимании смыслового тождества или сходства внешне различных высказываний. Тем самым для нас смысл неотделим от синонимического преобразования, в частности – от перевода, который есть просто межъязыковое перифразирование" (Мельчук 1999: 11).

Подчеркнем, что на этапе языковой подготовки по родному и иностранному языкам студентам необходимо овладеть умениями и опытом осуществления *внутриязыковой* переводческой деятельности на методологическом уровне. А это значит - научиться извлекать и переформулировать смысл, реферировать и развертывать текст, объяснять и определять различные понятия.

На *внутриязыковом* уровне профессионально ориентированными становятся упражнения, развивающие вербальную лабильность обучающихся на уровне словосочетаний: лексико-синтаксические трансформации (изменение частей речи, замена предложенных слов словосочетаниями, инфинитивных оборотов придаточными предложениями и т.п.); лексико-семантические трансформации (поиск контекстуальных эквивалентов), включающие как синонимические, антонимические, так и фразеологические замены, комбинирование гиперонимических и гипонимических отношений; синтаксические трансформации

(изменение синтаксической структуры высказывания); составление дефиниции; выявление разных способов обозначения окружающих предметов или явлений.

На текстовом уровне: схематизация текста для его последующего пересказа; передача содержания высказывания другими словами, развертывание сокращенного текста, переход от устной к письменной форме и наоборот (передать письменно информацию прослушанного разговора, или монологического высказывания), переход от диалога к монологу, от повествования к информационной заметке и т.п.; перевод диалогического текста в другой стилистический регистр (перевод бытового диалога в официально-деловой и т.п.); преобразование, адаптация текста, например: пересказ сообщения для человека незнакомого с предметной областью текста.

Еще одно упражнение, обычно рекомендуемое при обучении переводу, целесообразно использовать при языковой подготовке. Оно заключается в самопереформулировании, то есть в переформулирование речи самого говорящего, и заключается в поиске наиболее лаконичного и точного словесного выражения высказывания при сохранении его смыслового содержания. При выполнении данного упражнения развивается способность выразить смысл разными грамматическими структурами и лексическими средствами.

При работе с текстами большое значение приобретают творческие упражнения на глубинные трансформации: перепланирование текста, описание ситуации с помощью иных деталей; представление ситуации как описание действия, предполагаемого, совершаемого, или завершенного; представление ситуации как результата действия; представление ситуации через восприятие другого лица, участвовавшего в действиях, участника события; представление ситуации со слов участников события (передача информации, услышанной, прочитанной, рассказанной и т.п.).

Подобные творческие упражнения позволяют развивать умения по-разному представлять ситуацию, решать задачи по отбору важных и второстепенных деталей, выявлять существенные элементы и признаки в зависимости от цели высказывания, адресата и условий представления (по радио, на телевидении, одному слушателю, публично, в знакомой или незнакомой обстановке). При этом используются такие приемы как конкретизация, генерализация /обобщение/, сжатие и расширение высказывания, де/идиоматизация, требующие применения всех видов поверхностных трансформаций.

Среди данных упражнений особое место занимает упражнение на компрессию текста или микрореферирование (передача ключевой информации) и реферативный обзор нескольких текстов, которые обычно вызывают большую трудность у студентов, поскольку

они не умеют это делать на родном языке. Причем эти упражнения необходимо предлагать как при чтении, так и при аудировании текстов.

При обучении родному языку немаловажное значение имеют упражнения, нацеленные на совершенствование когнитивно-дискурсивных стратегий, поскольку студенты часто испытывают затруднения при выполнении заданий типа *сгруппируйте, определите значения, определите степень обобщения, выражаемую словами, составьте классификацию, схему, дефиницию и т.п.*, что обусловлено недостаточным владением такими когнитивными стратегиями, как *идентификация, сопоставление, классификация, дедукция, индукция, систематизация, детализация*, что в свою очередь объясняется тем, что когнитивные стратегии не являются объектом овладения в школе, в частности, на уроках грамматики.

Необходимы и упражнения, нацеленные на выработку интеракционных стратегий, способствующих осмыслению характерных свойств родного языка как средства межкультурного взаимодействия.

В связи с вышесказанным, основной целью профессионального изучения родного языка становится осмысление модели переводческой деятельности, овладение текстовой деятельностью, совершенствование речевой культуры, овладение языковыми ресурсами всех уровней. Поскольку целью переводческой деятельности является осмысление (понимание) содержания устного или письменного текста и передача его аудитории, говорящей на другом языке и представляющей другую культуру, то *процесс понимания (герменевтический аспект)* высказывания становится важнейшим профессионально значимым компонентом. Благодаря современным образовательным герменевтическим практикам, опирающимся на интерактивные, информационные, проектные, рефлексивные, тренинговые технологии, курс родного языка становится практическим, ориентированным на обогащение речевого и коммуникативного опыта, овладение типами и видами дискурса в контексте переводческой деятельности. При таком обучении совершенствуются знания и углубляется понимание основных характерных свойств родного языка как средства межкультурного общения и передачи информации, раскрывается коммуникативный, познавательный и эстетический потенциал *родного языка и культуры*, расширяется лингвокультурологический кругозор.

Раскрытие и реализация новых аспектов традиционных дисциплин, изучаемых в русле разработанной концепции, способствует формированию у будущего специалиста компетенций, востребованных лингвистическими службами современных международных организаций, отвечая насущным задачам межкультурного взаимодействия представителей разных лингвосоциумов в поликультурном пространстве.

Список литературы

- Бахтин М.М. (2000): Проблема речевых жанров, Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 270-298
- Вербицкий А.А. (2010): Контекстно-компетентностный подход к модернизации образования, Высшее образование в России, 5, 32-38.
- Выготский Л.С. (1983): К вопросу о многоязычии в детском возрасте, Собр. соч. Т.3. Москва: Педагогика.
- Гальскова Н.Д., Тарева Е.Г. (2013): Инновации в обучении языку и культуре: pro et contra, Иностранные языки в школе, 10, 2-8.
- Гаспаров Б.М.(1996): Язык, память, образ, Лингвистика языкового существования, Москва: Новое литературное обозрение.
- Котик-Фридгут Б.С. (2002): Системно-динамическая концепция А.Р. Лурия и нейропсихология сегодня, Вопросы психологии, 4, 68-77.
- Леонтьев А.А. (1970): Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному. Москва: МГУ.
- Леонтьев А.А. (2001): Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии, Избранные психологические труды. Москва – Воронеж.
- Макшанцева Н.В. (2011): Профессиональная подготовка будущих специалистов по направлению «Лингвистика и межкультурная коммуникация» в вузе: дис... доктор пед. наук: 13.00.08.
- Мельчук И.А. (1999): Опыт теории лингвистических моделей "Смысл↔Текст", Семантика, синтаксис. Москва: Школа "Языки русской культуры".
- Обухова Л.Ф. (1981): Концепция Жана Пиаже: за и против, Москва: издательство МГУ.
- Поршнева Е.Р., Зиновьева И.Ю. (2011): Подготовка профессиональных переводчиков в свете нового государственного стандарта, Высшее образование в России, 3, 63-69.

References

- Christian PUREN (2002): Perspectives actionnelles et perspectives culturelles endidactique des langues-cultures : vers une perspective co-actionnelle co-culturelle, Langues modernes, 3, Paris: APLV, 55-71.

АНАЛИЗ «ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ» В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ РОССИЙСКИХ МЕДИАТЕКСТОВ

Радбиль Тимур Беньюминович

*Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия
timur@radbil.ru*

Юматов Василий Алексеевич

*Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия
yumatovva@yandex.ru*

Гранева Ирина Юрьевна

*Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия
irina.graneva@mail.ru*

Наговицына Наталья Валерьевна

*Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия
nagov@list.ru*

THE ANALYSIS OF “PRECEDENT PHENOMENA” IN LINGUISTIC EXPERTISE OF RUSSIAN MEDIA-TEXTS

Radbil Timur Benyuminovich

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

Yumatov Vasiliy Alekseevich

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

Graneva Irina Yuryevna

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

Nagovitsyna Natalya Valeryevna

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

АННОТАЦИЯ

Важнейшим аспектом прикладного применения идей современной русистики является теория и практика производства лингвистических экспертиз. Исследование посвящено описанию комплексной методики выявления и экспертной квалификации диагностических лингвистических признаков негативной информации при использовании «прецедентных феноменов» как единиц «языка культуры» в текстах российских СМИ, которая включает

элементы герменевтического, контекстуального и референциального анализа. Были проанализированы интертекстуальные вхождения в медиатексты, принадлежащие разным культурным пластам: цитаты, аллюзии и «прецедентные имена» из авторских текстов или фильмов, трансформированные фразеологизмы, содержащие имплицитную негативную информацию. По итогам анализа были выработаны предложения и рекомендации для оптимизации лингвистической экспертизы медийных текстов российских СМИ по разным категориям дел.

ABSTRACT

The most significant aspect of applied usage of ideas of the modern Russian language studies is the theory and practice of processing of linguistic expertise. The work is devoted to description of complex methods of revealing and expert qualification of diagnostic linguistics marks of negative information, when using “precedent phenomena” as units of “culture language” in Russian media-texts, which includes elements of hermeneutic, contextual and referential analysis. Some inter-textual entries in media-texts belonged to various cultural strata: quotes, allusions and “precedent names” from authorial texts or films, transformed idioms containing implicit negative information are analyzed. Following the results of research the proposals and recommendations for optimization of linguistic expertise of Russian media-texts in different categories of criminal cases are elaborated.

Ключевые слова: «прецедентные феномены», лингвистическая экспертиза, негативная информация, медиатексты, русский язык

Keywords: “precedent phenomena”, linguistic expertise, negative information, media-texts, Russian language

1. Введение.

Работа представляет коллективный проект ученых Института филологии и журналистики и юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, посвященный прикладному применению современных идей русистики в практике производства лингвистических экспертиз медиатекстов. В основе проекта лежат идеи, высказанные в исследованиях (Радбиль, Юматов 2013; Радбиль, Юматов 2014; Радбиль, Юматов 2015).

1.1. Цель исследования

— описать методику выявления и экспертной квалификации диагностических лингвистических признаков негативной информации при использовании «прецедентных феноменов» в текстах российских СМИ.

1.2. Методы и материалы исследования

Именно специальные знания лингвиста имеют решающее значение для выявления языковых признаков негативной информации в текстах российских СМИ как доказательной базы в делах по унижению чести и достоинства, оскорблению, экстремизму или

противоречащей общественным интересам рекламе в случаях непрямого, «игрового» или маскировочного, т.е. манипулятивного использования возможностей языка и речи в конфликтогенных высказываниях. Особую трудность представляет экспертная квалификация контекстной семантики «прецедентных феноменов» как элементов «языка культуры» в современной речевой практике, которые используются журналистами для отрицательной образно-метафорической и экспрессивно-оценочной характеристики героев медиатекста. Для решения этих задач предлагается **комплексная методика**, включающая элементы герменевтического, контекстуального и референциального анализа. **Теоретической основой** исследования выступают принципы анализа «языка культуры», разработанные в монографии одного из авторов (Радбиль 2017). **Материалом** для исследования послужили тексты реальных экспертных заключений по статьям в нижегородских СМИ, произведенных авторами по разным категориям дел.

1.3. Практическая значимость исследования

Результаты исследования могут быть использованы в качестве методических рекомендаций по выявлению и квалификации негативной интертекстуальной информации в текстах российских СМИ при производстве лингвистических экспертиз по разным категориям дел.

2. Результаты исследования

Для установления диагностических лингвистических признаков «законодательно запрещенной» вербальной информации в этих случаях недостаточно стандартных методик анализа семантики слов по данным словарей, грамматических форм, синтаксических моделей и конструкций по данным авторитетных грамматик: необходим выход эксперта-лингвиста в сферу экстралингвистического (внеязыкового), культурно-ориентированного («фонового») содержания и ассоциативно-оценочной сферы указанных единиц.

Как указывают Ю.А. Бельчиков, М.В. Горбаневский и И.В. Жарков, это требует от эксперта повышенной тщательности, филологической, культурно-исторической и общекультурной выверенности анализа содержания, композиционно-речевой структуры и языковых средств рассматриваемого текста на фоне исследования его коммуникативно-прагматического характера. При этом необходим максимальный учет: (а) культурно-исторического и социокультурного контекста эпохи (в целом и вплоть до частных деталей), «узких» идеологических смыслов, разного рода ассоциаций, аллюзий, актуальных для соответствующего исторического времени; (б) особенностей менталитета, фоновых знаний,

актуальных для носителей языка (создателей изучаемого текста), этнокультурного своеобразия (или лингвистической картины мира) данного языка (прежде всего — его лексико-фразеологического состава) (Бельчиков, Горбаневский, Жарков 2010: 160–189).

В наши дни интертекстуальность является важнейшим средством выражения авторской позиции в тексте, его выразительности и воздейственного эффекта (Денисова 2003). Применительно к целям нашего исследования укажем, что использование интертекста является, на наш взгляд, одним из самых действенных приемов формирования негативного имиджа физических и / или юридических лиц, о которых идет речь в медийных материалах, потому что задействует фоновые знания читателя, эксплуатирует его культурную компетенцию. При этом интертекстовая подача информации часто является и своего рода средством маскировки, вуалирования журналистом прямой негативной оценки, за что могут последовать правовые санкции, потому что с трудом поддается однозначной экспертной квалификации.

В работе проанализированы интертекстуальные вхождения в медиатексты, принадлежащие разным культурным пластам: цитаты, аллюзии и «прецедентные имена» из авторских текстов или фильмов, трансформированные фразеологизмы, а также расхожие выражения, пословицы и поговорки, которые были использованы авторами СМИ в целях дискредитации героев своих материалов.

Напомним, что юридизированная, т.е. имеющая правоприменительное значение негативная информация может быть порождена в адрес физических и / или юридических лиц и бывает следующих типов:

- обобщающая негативная характеристика лица в целом;
- негативная характеристика отдельных свойств и / или качеств лица;
- негативная характеристика отдельных действий, поступков лица или его деятельности какого-либо рода в целом (профессиональной чаще всего)

2.1. Авторские «прецедентные феномены»

В литературе отмечают разные способы ввода в дискурс «прецедентных феноменов»: это использование прецедентных цитат, использование прецедентных имен (автора или героя исходного пратекста), использование прецедентных названий пратекста, а также косвенные приемы ввода — аллюзии и реминисценции. Все эти способы так или иначе могут быть использованы авторами СМИ для создания негативного образа героев своих произведений.

Прецедентные цитаты. Так, в одной из нижегородских газет для непрямой негативной характеристики представителя администрации Х. задействована аллюзия на систему образов

и текст произведений И. Ильфа и Е. Петрова: в подзаголовке в кавычках использовано словосочетание «*кипучий лентяй*» (характеристика бездельника и приживала Полесова из «Двенадцати стульев»). Автор статьи имел в виду, что его герой только имитирует деятельность на высоком посту, а на самом деле не исполняет своих обязанностей.

В другой статье, критикующей Л., директора градообразующего предприятия районного города А., который попал в Законодательное Собрание с помощью незаконных и нечестных, по мнению автора, средств, использовано выражение «*Сбылась мечта идиота*» (напомним, что эта фраза говорит в «Златом теленке» Остап Бендер, когда получает вождельенный миллион).

Статья, посвященная дискредитации деятельности Ф. — директора одного из знаковых культурных учреждений города, обыгрывает в заголовке статьи фразу из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова: «*Антракт, негодяи!*» (фраза из сна Никанора Ивановича, которая звучит на фантазмагорическом театральном зрелище, посвященном сдаче незаконно нажитой валюты). Автор данного материала имел в виду экспрессивный призыв к директору и его коллегам прекратить выпады против газеты в затянувшемся конфликте. Данная фраза, вынесенная в сильную позицию заглавия, формирует общую негативную тональность всего материала.

Негативная информация о сомнительных бизнес-схемах крупной энергетической компании, согласно которым доходы выводятся из оборота и обналичиваются за счет выдачи невозвратных кредитов подставным фирмам-однодневкам, выражена путем актуализации фоновых знаний читателей за счет употребления «прецедентного высказывания» из известного фильма «Большая перемена» — «*аттракцион невиданной щедрости*»: «*В итоге общая сумма займов составила свыше 3 миллиардов целковых. Просто какой-то аттракцион невиданной щедрости. Как в дальнейшем тратятся эти средства – тайна за семью печатями*».

Прецедентные имена. Другой способ ввода в дискурс прецедентных феноменов — апелляция к прецедентным именам.

Это что, социально ответственный человек или обыкновенный шалопай, сидящий в соцсетях и развлекающийся вбросами? (Очень наглядно такого рода личности обозначены в сериале «Даешь молодежь» – Кекс и Укроп.)

Мы видим негативно-снижающее, обидное сравнение действий известного политика с дебиловатыми героями молодежного сериала **Кексом и Укропом**. Перед нами — стандартный коммуникативный механизм дискредитации, когда из одного конкретного факта делается неоправданный обобщающий негативный вывод о личности человека в целом. Подобные

явления трактуются как **несправедливые преувеличения** — они обычно направлены на умаление достоинства личности.

Прецедентные имена могут быть использованы в сложной метафорической фигуре, в целом предлагающей непрямую **аллюзию** на весь смысл исходного пратекста в культурном сознании читателя.

Негативно-оценочный культурный фон для создания негативного впечатления у читателей эксплуатирует в статье об инициаторе незаконной застройки на одной из улиц города — чиновнике Г., аллюзия на образы всем известного детского романа А.Н. Толстого про Буратино: В фрагменте: «*Вся эта шатия и устроила в городе театр марионеток имени **Карабаса Барабаса***», — которая, с опорой на фоновые культурные знания читательской аудитории, трактует указанные события как управляемые чьей-то недоброй волей, а самих участников представляет как безвольных «марионеток» в чужих руках.

Прецедентные названия. Иногда для правильной атрибуции источника интертекстуального включения необходимо хорошо ориентироваться в культурных событиях и реалиях современной жизни. Так, например, негативно-сниженная метафора «**Бедный, бедный театр!**», вынесенная в подзаголовок материала об уже упомянутом выше директоре культурного учреждения, отрицательно характеризует результаты сотрудничества данного учреждения с академическим театром оперы и балета. Ее источником является «прецедентное название» знакового в свое время фильма «*Бедный, бедный Павел*» (2003) по пьесе Дмитрия Мережковского «Павел I» (повествующего о трагической судьбе императора). Более далекие культурные ассоциации, связанные с анализируемой фразой, отсылают нас к негативному фону, задаваемому знаменитым шекспировским «*Бедный Йорик!*» из «Гамлета».

Разновидностью этого типа ввода «прецедентных феноменов» в дискурс является обыгрывание популярного рекламного слогана.

В статье, направленной против высшего звена крупной энергокомпании, неоправданно завышающей тарифы на электроэнергию, пародируется рекламный слоган «*сладкая парочка*», уже давно ставший «народным выражением»: «**Сладкая парочка. Повышение тарифов на электроэнергию**». — Данное выражение использует образ, основанный на прецедентном тексте из известной рекламы сладких шоколадных батончиков «Твикс», которые действительно представляют собой два компонента в одной упаковке. В данном случае автор статьи употребляет выражение *сладкая парочка* в переносном значении в ироническом плане с целью выразить негативное отношение к лицам, названным подобным образом. Его примерное иронически-сниженное значение, легко восстанавливаемое из предшествующего

контекста: 'Два известных и богатых лица, занимающих высокие посты и находящихся в сговоре с целью получения незаконного обогащения'.

2.2. Трансформированные фразеологизмы

Трансформация фразеологизмов считается одним из самых эффективных средств актуализации культурно-значимой информации (Кронгауз 1998). Особенную экспрессивность трансформированный фразеологизм приобретает в стилистическом приеме **амплификации** – нагнетании негативно-образных средств с целью формирования отрицательного имиджа героя.

Так, в цикле статей, дискредитирующих уже упомянутого директора градообразующего предприятия Л., используется массив трансформированных фразеологизмов снижено-оценочной окрашенности:

(1) **«зайти во власть с черного хода»:**

«Очевидно и другое: Л. и М. пытаются зайти во власть «с черного хода». Не получив одобрения ни губернатора, ни правительства».

Речь идет о том, что Л., для того чтобы занять высокий политический пост, использовал разные закулисные махинации;

(2) **«поведение слона в посудной лавке»**

*«Эта история стала во многом показательной. Она наглядно продемонстрировала, кто занимается делом, а кто набирает политический вес за счет интриг. ... Впрочем, **поведение слона в посудной лавке** всегда свойственно депутатам-дилетантам первого срока».*

Речь идет о том, что герой статьи в целях карьерного успеха предпринял ряд мер, вызвавших кризисную ситуацию в политической и экономической жизни районного города.

(3) **в уши дуть:**

«Итог выборов: Л. по результатам политического сезона 2015 года потерпел сокрушительное поражение..... А ведь не так давно он считался самым перспективным политиком А. Сгубили наивность и дилетантизм. Кто-то ему постоянно «в уши дул»...

Речь идет о том, что герой статьи, на основе непроверенных слухов и льстивых заверений своих приближенных, сформировал не соответствующее реальности и преувеличенное представление о своей политической значимости и профессиональных качествах как политика

(4) **слухи распускать:**

Но одно дело, когда слухи распускают недобросовестные журналисты, и совсем другое, когда это делает руководитель крупного оборонного предприятия – градообразующего завода А.!

Здесь единичный случай непроверенного сообщения подвергается неоправданному обобщению — вообще всегда или обычно «распускают слухи», причем во множественном числе (получается, что это — обычное, привычное занятие для Л.). Но удивительно, что далее идет совершенно не вытекающая из сути описываемого конкретного события уничижительная обобщающая характеристика Л. как личности — *«обыкновенный шалопай, сидящий в соцсетях и развлекающийся вбросами»*. Перед нами — опять-таки стандартный коммуникативный механизм дискредитации, когда из одного конкретного факта делается неоправданный обобщающий негативный вывод о личности человека в целом.

(5) Негативная роль уже упомянутого выше Ф., директора одного из знаковых культурных учреждений города, в разного рода финансовых нарушениях и сомнительных управленческих решениях, которые, по мнению автора статьи, привели к закономерному спаду в деятельности учреждения, репрезентирована в тексте статьи посредством использования в подзаголовке трансформированного фразеологизма *«“авгиевы конюшни” культуры»*, который предваряет следующий текст: *«Вообще, данная тема годами замалчивалась и была известна только узкому кругу лиц. Мы первыми из СМИ приоткрыли над ней завесу тайны. В связи с этим и разразился такой шум. Кому-то совсем не хочется, чтобы посторонние люди совали нос в финансовую составляющую культуры. Но повторимся: речь идет о бюджетных средствах. Наши читатели-нижегородцы вправе знать, как и насколько эффективно таковые расходуются. Поэтому, даже несмотря на возникшее мощное противостояние, мы продолжим развивать тему»*. — Нетрудно видеть, что именно подзаголовок формирует соответствующий негативный фон восприятия для всего, сказанного ниже.

(6) В статье, посвященной «виновникам» неоправданного завышения цен на электроэнергию, обыгрывается негативно-сниженный оттенок расхожего выражения *«заказывать музыку»*: *«Получается, что именно «XXX» заказывает «музыку ценообразования» в энергетической отрасли»*.

(7) В уже упомянутом цикле статей о директоре градообразующего предприятия Л., ставшего крупным политиком, обыгрывается расхожее «крылатое выражение» *«Кто раскачивает лодку?»*, — которое употребляется для негативной характеристики действий Л., приведших, по мнению автора статьи, к дестабилизации обстановки в районном городе.

2.3. Проблема экспертной квалификации непрямо (косвенно) выраженной культурной информации

В основном имеется две категории дел, по которым в экспертной практике становится необходимым подобного рода анализ. Это гражданские дела по унижению чести и достоинства и уголовные дела по экстремизму. В разных категориях дел возникают разные типы проблем.

В уголовных делах по экстремизму достаточно выявить негативный характер данной информации, что не составляет труда, и определить ее адресный характер, т.е. обращена ли она к лицу как к представителю данной группы или к всем представителям данной группы по признакам, определенным в законодательстве

Гораздо серьезнее данная проблема видится в проведении экспертизы по гражданским делам об унижении чести и достоинства, деловой репутации. Помимо установления референции, т.е. кто имеется в виду в данном высказывании, что легко делается из контекста, необходимо дополнительно квалифицировать языковую форму высказывания (утверждение, мнение (предположение), оценочное суждение). Дело в том, что в соответствии с границами компетенции лингвиста, лингвист не устанавливает соответствие / несоответствие действительности той негативной информации о фактах в адрес лица, которая изложена предположительно в тексте. Он устанавливает только тип (форму) подачи информации, которая впоследствии может быть верифицирована. А это только – утверждение. Т.е. мнение не подлежит правоприменительной оценке. Также и оценочное суждение, в силу его принципиальной неверифицируемости, строго говоря, выводится из зоны правоприменения. А большинство наших примеров как раз не подпадают под языковые признаки утверждения о фактах, так как содержат явным образом оценку (для этого и создавались, собственно). В таких случаях получается, что непосредственно негативные оценки, выраженные в высказывании, вообще не могут быть инкриминируемы данному лицу в силу как раз их неверифицируемости (как можно проверить на соответствие действительности пропозицию, являются ли X и Y сладкой парочкой в реальности или нет?).

В таких случаях в нашей экспертной практике мы обычно пользуемся правом на экспертную инициативу.

В порядке экспертной инициативы мы также хотели бы отметить, что негативные сведения, выраженные в языковой форме негативно-оценочных суждений, сами по себе способны наносить репутационный вред и умалять честь и достоинство, деловую репутацию физических и / или юридических лиц **уже самой языковой формой выражения** — наличием негативной оценочности в словах и словосочетаниях, и потому не нуждаются в установлении соответствия или несоответствия данных сведений действительности (т.е. наличие такого рода негативных сведений устанавливается исключительно лингвистическими методами).

Поэтому считаем необходимым включить в ответ на вопрос установленные нами при лингвистическом анализе фрагментов таких-то негативные сведения о X, выраженные в языковой форме неverifiedируемых **оценочных суждений**, как в прямой, так и в косвенной форме.

3. Выводы.

По итогам анализа были выработаны предложения для оптимизации лингвистической экспертизы медийных текстов российских СМИ. В этих случаях эксперт должен, обратившись к затекстовой информации, не только верно атрибутировать источник интертекстуального вкрапления, но и выявить характер апелляции к культурному фонду адресата, способ взаимодействия семантики претекста и нового текста, коммуникативную направленность высказывания с «прецедентным феноменом», а также с максимальной достоверностью установить область референции спорного высказывания, т.е. определить, имеются ли в виду конкретное лицо / лица (в практике производства речеведческих экспертиз это — несколько нетерминологично — называется «адресный характер высказывания»). Кроме этого, в ряде гражданских дел по унижению чести и достоинства необходимо дополнительно устанавливать языковую форму высказывания, в котором содержится негативная информация — утверждение, мнение (предположение) или оценочное суждение.

Список литературы

- Бельчиков Ю. А., Горбаневский М. В., Жарков И. В. (2010). Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: Сборник материалов. Москва.: ИПК «Информкнига». 208 с.
- Денисова Г. В. (2003). В мире интертекста: язык, память, перевод. Пред. С. Гардзолио; Пред. Ю.Н. Караулова. Москва: Азбуковник. 298 с.
- Кронгауз М. А. (1998). Энергия клишированных форм, Лики языка: Сб. ст. к 45-летию научной деятельности Е.А. Земской; отв. ред. М.Я. Гловинская. Москва: Наследие, 185-195.
- Радбиль Т. Б. (2007). Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. Москва: Издательский дом ЯСК. 592 с. (Язык. Семиотика. Культура.)
- Радбиль Т. Б., Юматов В. А. (2013) Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе, Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 1–1, 286–290.

Радбиль Т. Б., Юматов В. А. (2014) Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе, Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 3-2, 18-21.

Радбиль Т. Б., Юматов В. А. (2015) Язык и метод в современной судебной экспертизе: монография. Под ред. докт. юрид. наук, проф. каф. суд. экспертизы ННГУ им. Н.И. Лобачевского А.Ю. Арефьева. Москва: Юрлитинформ. 216 с.

РУССКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И НАРЕЧИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ (НА КОРПУСНОМ МАТЕРИАЛЕ)

Рудык Анна
Жешувский университет, Польша
annarudyk@yandex.ru

RUSSIAN ADJECTIVES AND ADVERBS WITH THE MEANING OF POSITIVE EMOTIONS (ON THE CORPUS MATERIAL)

Anna Rudyk
University of Rzeszów, Poland

АННОТАЦИЯ

Предметом настоящей статьи являются слова *рад*, *счастливый*, *радостно* и *весело*, т.е. имена прилагательные и наречия, представляющие собой лексические показатели положительных эмоций. Источником фактического материала является *Национальный корпус русского языка*. Главная задача исследования – анализ синтаксических функций, выполняемых данными словами. В статье анализируются также способы выражения семантического субъекта в предложениях, в которых отобранные лексические единицы выполняют роль предикатов. В собранном материале выделяются как примеры с субъектом, выраженным прямо именной частью речи в именительном падеже, так и предложения, субъект которых обусловлен контекстуально или устранен.

ABSTRACT

The subject of this article are words *рад*, *счастливый*, *радостно* и *весело*, that is adjectives and adverbs, which are lexical exponents of positive emotional states. The source of the factual material is *Национальный корпус русского языка*. The main task of the study is to analyze syntactic functions performed by selected words. The analysis also included ways of expressing the semantic subject in sentences in which selected units perform the predicative function. There are separate examples with the subject expressed directly in the nominative form, as well as sentences whose subject is contextually conditioned or left.

Ключевые слова: положительные эмоции; семантический субъект; синтаксические функции.

Keywords: positive emotions; semantic subject; syntactic functions.

Эмоции и чувства, как интересный и актуальный предмет анализа, все чаще привлекают внимание лингвистов. Их работы, касающиеся человеческих переживаний и их отражения в языке, можно разделить на две группы: исследования, посвященные называнию чувств, способам говорения о них, и такие, в которых описываются средства выражения эмоций (Data

2000: 245). Предметом настоящей статьи являются слова *рад, счастливый, радостно* и *весело*, т.е. имена прилагательные и наречия, представляющие собой лексические показатели радости, счастья и веселья. Суть каждого из этих приятных переживаний дается определить некоторыми общими положениями. Итак, радостью называется «чувство удовольствия, ощущение большого душевного удовлетворения», но также то, что (того, кто) дает счастье, доставляет удовольствие. Бывает, что данное слово употребляется в качестве ласкового обращения (ср.: *Радость ты моя!*) (Кузнецов 2014). Как утверждает К. Изард, «радость – это нечто большее, чем положительная установка на себя и на мир; это особого рода звено; это острое чувство торжества» (Изард 1980: 238). Интересной и учачной является экспликация, предложенная А. Вежбицкой, которая пишет, что радость, это чувство, которое мы испытываем, когда узнаем, что происходит то, что мы жаждем, чтобы происходило (Wierzbicka 1971: 62). Эмоция радости по своей природе самая позитивная, всем приятно ее испытывать (Гусейнова 2011: 97). Счастье, в свою очередь, толкуется как чувство и состояние полного, высшего удовлетворения (Ильин 2001: 478). По мнению Малгожаты Борек, это чувство часто отождествляется с радостью и довольством, отличается от них лишь интенсивностью (Borek 2012: 186). Несмотря на то, что философами предлагаются различные концепции счастья, Вежбицка предлагает одну общую дефиницию: счастье – это то, чего мы все жаждем (Wierzbicka 1971: 228). Последнее из приятных переживаний, лексический показатель которого рассматривается в этой статье, т.е. веселье, можно представить, как радостное оживление, веселое времяпрепровождение или беззаботно-радостное настроение (Кузнецов 2014).

Главной задачей настоящего исследования является анализ синтаксических функций, выполняемых отобранными словами, называющими положительные эмоции. Особенно интересным вопросом показались нам также способы реализации семантического субъекта в предложениях, в которых лексические показатели положительных чувств выступают в роли предиката. Термин *субъект* служит для обозначения компонента, организующего семантическую структуру предложения, выраженного именной словоформой, которая через указание на определенный элемент действительности становится релевантной. Субъект предложения чаще всего выражается именем существительным или личным местоимением в именительном падеже (именно поэтому субъект часто отождествляется с подлежащим). Однако в случае, когда структура предложения не допускает наличия номинатива или присутствующей в предложении словоформе в именительном падеже не свойственно предметное значение, требуются другие формы реализации субъекта – обязательного компонента предложения (Rudyk 2013: 156).

Материал для анализа составляют предложения, отобранные из *Национального корпуса русского языка*, в которых заключаются вышеуказанные лексемы, называющие положительные ощущения. Мы взяли 30 первых результатов для каждого из приведенных слов и, принимая во внимание то, в какие сочетания они вошли, мы выделили в этой группе употребления в качестве лексических показателей эмоций. Количественная характеристика собранного материала содержится в нижеприведенной таблице.

Таблица 1. Количество отобранных слов, называющих положительные эмоции

	Предложения с прилагательным <i>рад</i>	Предложения с прилагательным <i>счастливый</i>	Предложения с наречием <i>весело</i>	Предложения с наречием <i>радостно</i>	Всего
количество предложений, отобранных из корпуса	30	30	30	30	120
количество примеров, в которых избранные слова относятся к лицам или их действиям	30	20	26	27	103

Оказывается, что показателями эмоций нельзя считать лексемы *счастливый*, *весело* и *радостно* во всех отобранных примерах, потому что в некоторых случаях невозможно соотнести их ни с какими лицами, способными переживать положительные ощущения, ни с действиями, которые они могут совершать, испытывая какую-то эмоцию. Итак, в фактический материал не включились, м.пр. следующие словосочетания и предложения: *счастливая развязка, по счастливому совпадению, счастливое переплетение, деревья [...] весело зеленели, водичка весело булькала, палочки [...] весело продавались, звонок звучал [...] радостно*.

Готовый материал для анализа составляют 103 предложения, его характеристику представляет следующая схема:

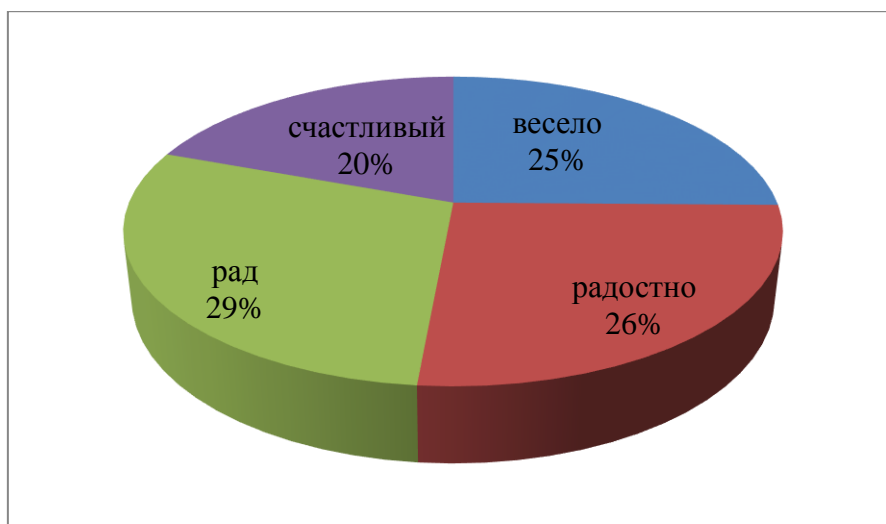

Рисунок 1. Количественная характеристика собранного материала

Мы решили начать анализ с примеров, заключающих прилагательное *рад*, которое имеет лишь краткую форму и применяется в предикативной функции. В конституируемых им предложениях семантический субъект чаще всего совпадает с подлежащим и выражается:

- личным местоимением, напр.:

*А пока, я просто рада, что ты получил заряд положительных эмоций.
Мы очень рады Вас видеть.*

- именами собственными людей, напр.:

*Ольга очень рада.
Думается, что Даниил Борисович был бы рад услышать, что [...].*

- другими наименованиями лиц, напр.:

Правда, подержанный, но сын был рад ему так, будто это был самый лучший и самый новый компьютер на свете.

В нескольких предложениях с предикативом *рад* субъект обусловлен контекстуально, напр.:

*Очень рада тебя видеть, завидую тебе белой завистью, что ты сходил в цирк [...].
— Рад видеть вас, чертей — сказал Мюллер, — снова затеиваете какое-нибудь очередное коварство?*

Что касается первого из вышеприведенных примеров, однозначное указание на того, кто рад, имеется в последующем тексте в форме первого лица единственного числа глагола (*завидую*) – субъектом является говорящий. В следующем фрагменте показателем субъекта реплики является личное имя, употребленное в повествовании (*Мюллер*).

Анализ небольшой группы (30) примеров обнаруживает широкую сочетаемость прилагательного *рад*. Рассмотрим следующую таблицу:

Таблица 2. Синтаксическая сочетаемость предиката *рад* (на основе собранного материала)

Сочетаемость	Количество примеров	Примеры
-	4	<i>Он бедный и рад! Просто так рады. Ольга очень рада.</i>
, что	9	<i>Рад, что саундтрек и драки все такие забойные. Рада, что и ты это увидел! Я рад, что эта грязная история принесет пользу хоть кому-нибудь.</i>
+ дательный падеж	6	<i>Я вот был рад присутствию Бил. [...] рады гостю [...]. Но мы рады Вашим успехам [...]</i>
за + винительный падеж	1	<i>Очень рада за тебя [...].</i>
+ инфинитив	10	<i>[...] я рад был увидеть замечательного старикана [...]; [...] был бы рад снова учиться в школе и ни о чем не заботиться</i>

Как показывает таблица, каузатор положительной эмоции в предложениях адъективной модели с прилагательным *рад* очень часто выражается инфинитивом или в придаточной части с союзом *что*.

Значение прилагательного *рад* усиливается за счет лексических интенсификаторов. Рассмотрим следующие примеры:

*Так что мы очень рады Вашему приезду [...].
Просто так рады. Без причины..., не за заслуги, не за достоинства, а вот... рады гостю, то есть – тебе.
Я рад, честно рад, что здесь мы солидарны.*

В то время как наречие меры и степени *очень* доставляет информацию о высокой степени испытываемой радости, наречия *просто* и *честно*, в первичном смысле качественные, подтверждают истинность переживания. В двух последних примерах наблюдается также синтаксический интенсификатор в виде повтора (*Просто так рады [...] рады гостю [...]; Я рад, честно рад [...]*). Другим способом усиления значения являются восклицательные предложения, в которых выражаются эмоции. Сравним:

Рада, что и ты увидел!

Еще иной прием увеличения испытываемого субъектом чувства заключается в применении сравнительной конструкции. Рассмотрим следующую экземплификацию:

*Правда, подержанный, но сын был **рад** ему так, будто это был самый лучший и самый новый компьютер на свете.*

Противопоставление определений *подержанный* \neq *самый лучший, самый новый* подчеркивает, что радость от полученного сыном компьютера была действительно огромной.

Следующее прилагательное, *счастливый*, употребляется как в предикативной, так в определительной функции, но в исследуемый нами материал можно включить всего 20 из 30 отобранных примеров употребления. В остальных случаях данное прилагательное относится прежде всего к отвлеченным существительным (напр.: *счастливая жизнь, развязка, детство*), поэтому нельзя рассматривать его в качестве показателя чувства. Такая ситуация вполне соответствует словарному толкованию, сравним: '1. чем, с инф., с придат. дополнит. Такой, который испытывает счастье, радость. [...] 2. Приносящий счастье, радость, благополучие, удачу; полный счастья, радости; исключительно благополучный. [...] 3. Такой, которому благоприятствуют счастье, удача, успех. [...] 4. Благоприятный, удачный, хороший. [...]' (Кузнецов 2014). Как выразитель эмоции, прилагательное *счастливый* употребляется, конечно, в первом из вышеприведенных значений. Отметим еще, что предлагаемая в словаре сочетаемость вполне отражается в собранном материале, сравним:

[...] он был не очень **счастлив** женой [...]. → ЧЕМ

Я была **счастлива** [...] работать. → С ИНФ.

Я был **счастлив**, что его предложили мне. → С ПРИДАТ. ДОПОЛНИТ.

Анализ фактического материала мы начнем с примеров, в которых это слово употребляется в самой типичной для прилагательного синтаксической функции определения. Рассмотрим следующие экземплификации:

Самые счастливые люди на земле – те, которые могут обращаться со временем, ничуть не опасаясь за последствия.

В тихом приморском городе жила счастливая семья.

Не все же смотрят сериалы про счастливые и богатые семьи...

В первом из вышеприведенных примеров прилагательное в форме превосходной степени является определением одушевленного существительного *люди*. В остальных предложениях

определяемое существительное, правда, относится к неодушевленным, но ведь слово *семья* обозначает группу лиц, поэтому, по нашему мнению, определение в таких словосочетаниях можно признать показателем положительного переживания.

Выполняя предикативную функцию, прилагательное *счастливый* входит в состав сказуемых разных типов. Сравним:

- составное именное сказуемое с нулевой связкой, напр.:

Все живы, здоровы и счастливы!
Решение принято, награды вручены, победители счастливы.

В первом из вышеприведенных примеров присвязочный член оказывается в ряду однородных. Второй пример – это бессоюзное сложное предложение, сказуемые во всех его частях выражаются краткой формой, причем только последнее из компонентных предложений представляет собой адъективную модель (два первых являются предложениями причастной модели).

- составное именное сказуемое с отвлеченной связкой, напр.:

Я был счастлив, что это предложили мне.
Я была счастлива с ними работать.

В собранном материале связка *быть* всегда употребляется в форме прошедшего времени.

- смешанное сказуемое, напр.:

[...] а если кто-то не захочет быть счастливым?
Они [...] хотели быть счастливыми.
Семья без ребенка счастливой быть не может.
Все семьи должны быть счастливы.

Уместно отметить, что в составе смешанного сказуемого данное прилагательное выступает как в краткой, так и в полной форме.

Что касается способов выражения субъекта в предложениях с прилагательным *счастливый* в предикативной функции, в собранном материале две возможности: совпадение с подлежащим и контекстуальная обусловленность. Субъект выражается прямо:

- личным местоимением, напр.:

Я была счастлива с ними работать.
[...] он был не очень счастлив.

- другим местоимением, напр.:

[...] *а если кто-то не захочет жить **счастливым**?
Все живы, здоровы и счастливы!*

Неопределенное местоимение в первом из вышеприведенных примеров, правда, совпадает с подлежащим, но оно не соотносится с определенным лицом – представляет субъект как любое лицо, так что он имеет обобщенный характер. Определительное местоимение *все* тоже требует дополнительного контекста, чтобы однозначно раскрыть денотата. Поэтому эти примеры, по нашему мнению, особенно интересные – субъект наблюдается в поверхностной структуре предложения, однако, в связи с характером местоимений, некоторый контекст необходимый.

- именами существительными, называющими лиц (иногда вместе с местоимением-прилагательным), напр.:

[...] *победители **счастливы**.
Любой актёр был бы **счастлив** сняться в таком фильме, как "Вечное сияние
страсти".
[...] так хочется, чтобы наши дети были **счастливы**.*

- неодушевленным существительным, обозначающим группу лиц, напр.:

*Семья без ребенка **счастливой** быть не может!
[...] все семьи должны быть **счастливы**.*

Как было сказано раньше, субъект может вообще не выражаться эксплицитно в поверхностной структуре предложения и восстанавливаться на основе контекста, как в следующем примере:

*Да и **счастлива** очень. Мне многие говорят: не по годам ты своим созрела!*

В предложении с краткой формой прилагательного нет указания на субъект, но он дается легко восстановить, так как в дальнейшем тексте наблюдается личное местоимение в дательном падеже (*мне*), указывающее на то, что субъектом предложения адъективной модели является говорящий.

Исследуемые наречия чаще всего употребляются в обстоятельственной функции (*весело* 17 раз, *радостно* – 22). Рассмотрим следущ экземплификации:

- *Какая птица, мамаша...* – **весело** отозвался Олег. У него было хорошее настроение.
- *Что приготовить: голубцы или шурпу?* – **радостно** прокричала Ирина. Чтобы отвлечь меня от ноу-хау, Анна Мазотти **радостно** обсуждает со мной последнюю церемонию "Оскара".

Интересно, что можно выделить некоторые семантические группы предикатов, которые определяются анализируемыми наречиями. Они собраны в следующей таблице:

Таблица 3. Семантические группы глаголов, определяемых наречиями *радостно* и *весело* в собранном материале

Семантические группы глаголов	Глаголы, определяемые наречием <i>радостно</i>	Глаголы, определяемые наречием <i>весело</i>
глаголы, называющие речевые действия	говорю, кричал, начали звать, ответил, прокричала, сообщил,	отозвался, попеть
глаголы, называющие паралингвистическое проявление положительных эмоций	улыбаясь, улыбнулась, хохотала	-
глаголы, называющие физические действия, движения человеческого тела и отдельных его частей	выскочил, вскинули руки, дрожала, качнул [...] головой	гуляли, заиграют, катаются, компостиrowали, приплясывал, порхал, несут, уселись за стол, шагал
глаголы и выражения, называющие психическую/умственную деятельность субъекта, его поведение	обсуждает, отмечает, реагирует, встретил, приветствовал	вправить мозги, заключил, встретить, распоряжались, хозяйничали
глаголы слухового восприятия	загудят, мычит	-

Как вытекает из таблицы, положительными эмоциями – радостью и весельем – сопровождаются как физические, так и психические действия. Языковой материал показывает, что приятные ощущения возможны почти на каждом шагу и отражаются как в наших движениях, так в поведении и совершаемых действиях.

В собранном материале наречия часто выстраиваются в ряд однородных, как в нижеприведенных примерах:

- Всеми **весело** и шумно распоряжался трактирищик.
Наконец-то она встретила того, с кем можно найти общие темы для разговора, можно **весело** и непринужденно попеть, поиграть на пианино, нашла того, кто понимает ее.
А что, девочке, которая мечтала ухаживать за лошадьми, нельзя было **весело** и нежно вправить мозги, точнее раскрыть перед ней все возможности быть образованным, профессиональным конюхом.*

*Детская аудитория – самая благодарная и независимо от качества спектакля реагирует горячо и **радостно**. По окончании операции он **радостно** и компетентно сообщил, что все твари были неядовиты.*

Наличие других наречий образа действия, которые трудно объединить принадлежностью к какой-то общей семантической группе, показывает разнообразие реакций, сопровождаемых приятными ощущениями радости и веселья.

В остальных примерах наречия *весело* и *радостно* употребляются в предикативной функции (*весело* – 9, *радостно* – 5 раз), конституируя предложения, семантический субъект которых:

- выражен эксплицитно личным местоимением или существительным в дательном падеже, ср.:

*Но сейчас ей было **весело** [...].
Дети бежали рядом, им было **весело**..
Мне даже **радостно**, что от моего прощения ему станет немного легче.
[...] инопланетянам было **радостно** и хорошо.*

Как пишет З. Чапига, анализируя способы выражения радости в русском и польском предложениях, «в русском языке наречно-предикативная модель оказывается основным средством передачи психического состояния» (Czapiga 2012: 60). В приведенных конструкциях подчеркивается независимость состояния от воли субъекта. Конечно, это может показаться странным, ведь приятные ощущения, конечно, желательны, однако русские конструкции со словом на *-о* специализированы на выражении состояний, на которые их носитель не имеет влияния.

- обусловлен контекстуально, ср.:

*Я это поняла, когда уволилась: сначала было страшно и неудобно, а потом стало очень **радостно**.
С таким удовольствием фотографируешься, фотографируешься, или сам фотографируешь... **весело**.*

Несмотря на то, что субъект не выражается эксплицитно наряду с предикативным наречием, он дается легко восстановить на основе контекста. В первом из вышеприведенных примеров он назван заранее, в главной части сложного предложения личным местоимением (*я*). Предложение в целом кажется нам очень интересным, так как наблюдаются здесь показатели противоположных ощущений: отрицательные, выразителями которых являются слова *страшно и неудобно*, в конце концов заменяются приятным переживанием радости. Такой прием можно считать лексическим интенсификатором положительной эмоции,

которая на фоне слов, вызывающих неприятные ассоциации, становится более положительной. Субъект второго примера можно рассматривать по-разному. Отсутствие более широкого контекста дает разные возможности: во-первых, тем, кто испытывает радость, веселье, может быть собеседник, т.е. тот, на которого прямо указывают окончания второго лица единственного числа глаголов (*фотографируешься, фотографируешь*). Во-вторых, такая форма сказуемых может быть формальным показателем т.наз. обобщенно-личного предложения – в такой ситуации семантическим субъектом можно посчитать любого человека, получающего удовольствие от фотографирования и именно такой субъект имеет дальнейшая часть сложной конструкции, конституируемая предикативным наречием *весело*. В любом случае глагольную форму надо считать показателем субъекта, который может быть уточнен только на основе контекста.

- устраняется, ср.:

Чтобы было веселее, процедуру сопроводили лазерным шоу, песнями-танцами и под конец засыпали весь зал блестками.

Школа: легко, но скучно и однообразно. ВУЗ: сложно, но весело.

В поверхностной структуре вышеприведенных предложений нельзя выделить компоненты, указывающие на того, кто должен быть весел – внимание сосредоточено на обстоятельствах, которые могут вызвать такое переживание. Конечно, можно догадаться, что приятные ощущения должны испытывать зрители лазерного шоу и те, которые учатся в вузе, однако в данных примерах такая информация является второстепенной, просто устраняется в силу коммуникативной избыточности.

Подытоживая проведенное исследование, можно сказать следующее:

1. Избранные прилагательные и наречия, выражающие положительные чувства, могут употребляться как в предикативной функции, так и определять другие слова.

2. Прилагательное *рад* применяется только в краткой форме, являясь главным членом предложения, зато прилагательное *счастливый* в собранном фактическом материале чаще всего выполняет атрибутивную функцию, посредственно сообщая об эмоциональном состоянии субъекта (Чапига 2013: 128).

3. В анализируемом материале в предложениях, в которых предикативную функцию выполняют прилагательные *рад* и *счастливый*, субъект чаще всего выражается именной частью речи в именительном падеже, иногда восстанавливается на основе контекста.

4. В предложениях, конституируемых предикативными наречиями *весело* и *радостно* главным способом формальной реализации субъекта является его низведение в форме

дательного падежа. Мы отобрали также примеры, в которых можно восстановить его на основе контекста или, что не было отмечено в предложениях адъективной модели, субъект устраняется, если содержание сосредоточивается исключительно на обстоятельствах, которые могут вызвать приятное переживание.

5. Наречия *весело* и *радостно* реже употребляются в качестве предикатов, зато определяют большое количество глаголов, называющих как психические, так и физические действия человека, его поведение, речевую деятельность или паралингвистические способы проявления положительных эмоций.

Список литературы

- Гусейнова В. Р. (2011): Языковая репрезентация эмоции радости с помощью вербальных и невербальных средств, Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика», 2, 97–103.
- Изард К. Е. (1980): Эмоции человека, Москва: Издательство Московского университета.
- Ильин Е.П. (2001): Эмоции и чувства, Санкт-Петербург: Питер.
- Кузнецов С. А. (2014), Большой толковый словарь русского языка, <http://gramota.ru>.
- Чапига З. (2012): Выражение положительных эмоций в русском и польском предложении (на примере чувства радости), Коммуникативные параметры текста, Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 51-77.
- Чапига С. (2013): О лексических средствах выражения положительных эмоций (на материале русских художественных текстов и их перевода на польский язык), Семантика и прагматика языковых единиц, Тюмень: Издательский дом «Титул», с. 126–136.

References

- Borek M. (2012): Uczucia i emocje w rosyjskich i polskich metaforach, Katowice: Uniwersytet Śląski w Katowicach, Oficyna Wydawnicza Waclaw Walasek.
- Data K. (2000): W jaki sposób językoznawcy opisują emocje?, Język a Kultura. Tom 14. Uczucia w języku i tekście, Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 245-252.
- Rudyk A. (2013): Subiekt semantyczny w zdaniach z predykatywami modalnymi i wartościującymi. Konfrontacja polsko-rosyjska, Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego.
- Wierzbicka A. (1971): Kocha. Lubi. Szanuje. Medytacje semantyczne, Warszawa: Wiedza Powszechna.

ВОЗМОЖНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И ИССЛЕДОВАНИИ ТЕКСТА

Фролова Ольга Евгеньевна
МГУ имени М.В.Ломоносова, Россия
olga_frolova@list.ru

POSSIBILITIES OF THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS IN LINGUISTICULTUROLOGY AND RESEARCH OF THE TEXT

Frolova Olga Evgenievna
Lomonosov Moscow State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье описываются возможности использования Национального корпуса русского языка в лингвокультурологическом исследовании концептов русского языка, коннотаций и переносных значений лексики, мотивной структуры и интертекстуальной природы художественного текста. При выявлении коннотаций номинаций социального статуса единицей поиска целесообразно выбрать прилагательное. История формирования концепта строится при прослеживании функционирования одной и той же единицы по нескольким подкорпусам. Для концепта *Европа* в первой половине его семантика связана с образованностью. В исследовании мотивов текста подкорпус, равный одному тексту, дает возможность определить частотность близких по семантике единиц. Сопоставление подкорпуса, равного одному тексту, и подкорпуса, содержащего тексты одной эпохи, позволяет выявить интертекстуальные единицы.

ABSTRACT

The article describes the possibilities of using the Russian National Corpus in the linguocultural study of the Russian language concepts, connotations and figurative meanings of the vocabulary, the motivational structure and the intertextual nature of the literary text. When identifying the connotations of social status nominations, it is advisable to select the adjective by the search unit. The history of the formation of the concept is built by tracing the functioning of the same unit in several subcorps. For the concept of Europe in the first half of its semantics is related to education. In the study of the motifs of the text, the subcorpus, equal to one text, makes it possible to determine the frequency of units close in semantics. Comparison of a subcorpus equal to one text, and a subcorpus containing texts of one epoch, makes it possible to identify intertextual units.

Ключевые слова: единица поиска, подкорпус, социальный статус, концепт, норма, интертекстуальность.

Keywords: unit of search, subcorpus, social status, concept, norm, intertextuality.

Появление русскоязычного корпуса одновременно сформировало и по-новому организованный материал, и новые методы, и тем самым создало новую отрасль знания —

корпусную лингвистику (Баранов 2001; Захаров, Богданова 2011; Плисецкая 2013; Полинская, Рахилина, Выренкова 2014).

Наша цель — показать возможность НКРЯ в лингвокультурологическом анализе лексики и исследовании художественного текста. Мы намереваемся показать, как, варьируя условия поиска: задание подкорпуса и выбор единицы поиска — можно а) выявить формирование коннотаций и фигуративного значения в речи, б) образование концепта в языке, в) организацию мотива текста, г) описать нормативный узус заданного временного периода, интертекстуальные связи текста и собственно авторскую стилистику.

Будут проанализированы: а) формирование переносных значений и коннотаций у номинациях социальных статусов, б) формирование концепта *Европа*, в) мотива смерти в повести А.Платонова «Котлован», г) диалог А.Платонова в повести «Котлован» с языком его времени.

Формирование переносных значений и коннотаций у номинаций социальных статусов

Номинации социальных статусов, теряя прямое номинативное значение, «обрастают» положительными или отрицательными коннотациями и образуют переносные оценочные значения (см. Фролова 2017б). Мы проанализировали характер функционирования четырех единиц: *интеллигент*, *купец*, *лакей* и *холоп* в постсоветский период. Развитие семантики отражается 1) на формировании нескольких прилагательных, одно из которых описывает принадлежность к социальной группе, другое — оценку поведения вне зависимости от социального статуса, 2) наличии краткой формы и 3) формы сравнительной степени прилагательного, а также 4) появлении абстрактного существительного. Современный толковый словарь отмечает, что у трех личных существительных уже наличествуют переносные значения (см. Таблица 1).

Таблица 1. Номинации социальных статусов в системе языка

Личное существительное	Наличие / отсутствие переносного значения в толковом словаре (БТС 2002)	Наличие двух прилагательных	Краткая форма прилагательного	Сравнительная форма прилагательного	Абстрактное существительное
интеллигент	нет	Интеллигентный интеллигентский	интеллигентен	интеллигентнее	интеллигентность
купец	+ 3. Разг. Покупатель				
лакей	+ <i>Презрит.</i> О раболепствующем, выслуживающемся человеке; подхалим				лакейство
холоп	+ 3. Разг. О человеке, готовом на всё из раболепия, подхалимства; холуй (2 зн.).				ХОЛОПСТВО

Для обнаружения факта переноса в поле социального статуса мы задали подкорпус 1992-2018 объемом 45 124 документа (8 524 504 предложения, 100 718 300 слов), а в качестве единицы поиска выбрали не личное существительное, а прилагательное.

Для прилагательных *интеллигентный*, *интеллигентский*, несмотря на то, что системные данные указывают на возможность формирования переносного значения, такой перенос пока не оформился. Прилагательное *интеллигентный* встречается в 1 051 документе, 2 180 вхождениях и сочетается преимущественно личными существительными, позволяя, однако, представлять объект и обобщенно, и дискретно. Картина сочетаемости прилагательного *интеллигентный* с различными определяемыми существительными в составе атрибутивного словосочетания по НКРЯ такова: *человек* (274 док., 398 вх.), *семья* (74 док., 91 вх.), *вид* (57 док., 59 вх.), *лицо* (35 док., 38 вх.), *публика* (15

док., 16 вх.), *родитель* (9 док., 9 вх.), *голос* (9 док., 9 вх.), *манера* (9 док., 9 вх.), *общество* (7 док., 7 вх.), *круг* (6 док., 6 вх.), *тон* (5 док., 6 вх.), *речь* (4 док., 4 вх.).

Отрицательные коннотации проявляются в сочетаемости прилагательного *интеллигентский*, которое встречается в 312 документах, 500 вхождениях: *комплекс* (6 док., 6 вх.), *кухня* (6 док., 6 вх.), *замашки* (5 док., 5 вх.), *штучка* (5 док., 5 вх.), *чувство* (4 док., 4 вх.), *чувство вины* (4 док., 4 вх.), *профессия* (4 док., 4 вх.), *речь* (3 док., 4 вх.), *дискурс* (2 док., 4 вх.), *болтовня* (2 док., 2 вх.), *внешность* (2 док., 2 вх.), *гнильца* (2 док., 2 вх.), *жаргон* (2 док., 2 вх.), *игра* (2 док., 2 вх.), *мифология* (2 док., 2 вх.), *привычка* (2 док., 2 вх.), *подсознание* (2 док., 2 вх.), *самоидентификация* (2 док., 2 вх.), *сопля* (2 док., 2 вх.), *страсть* (2 док., 2 вх.), *страх* (2 док., 2 вх.), *сомнение* (2 док., 2 вх.), *оппозиция* (2 док., 2 вх.), *тусовка* (2 док., 2 вх.), *чистоплюйство* (2 док., 2 вх.). Негативные коннотации имеют существительные *болтовня*, *гнильца*, *страх*, *чистоплюйство*.

(1) [Тина Тина, жен] *Все остальное — интеллигентское бла-бла, верней, плохо скрываемая русофобия* [коллективный. Земляным червяком (2015)] (НКРЯ).

В примере 1 видим негативно маркированное определяемое слово *бла-бла*.

У слов *лакей* и *холоп* словарь отмечает наличие фигуративных значений, прилагательные сохраняют и фактор переноса, и значение, и вектор коннотации.

Слово *лакейский* найдено для обозначенного подкорпуса в 60 документах и 75 вхождениях, круг определяемых существительных таков: *дума/ госдума* (4 док., 4 вх.), *манера* (2 док., 2 вх.).

(2) *Между чиновниками этих ведомств велась скрытая аппаратная война: представители Комиссии не могли простить Солане того интереса, который вызывала его должность в мире; обвиняли его в «лакейской зависимости» от Евросовета ...* [Александр Терентьев. Лиссабонская утопия // «Однако», 2009] (НКРЯ).

Прилагательное *холопский* обнаруживается в 32 документах и 37 вхождениях, оно встречается в контекстах со следующими существительными: *недуг* (3 док., 3 вх.); *звание/ званьё* (3 док., 3 вх.). Как видим, частотность данного прилагательного значительно ниже, однако отрицательные коннотации проявляются вполне отчетливо.

(3) *Если устроители фестиваля не будут принимать во внимание оригинальность приглашаемых ими постановщиков, то Московский Международный окажется аналогом из вестной суматохи торжественные дни у парадного подъезда, а решающим качеством режиссера окажется его жар **холопского недуга**, желание во что бы то ни стало внести свою фамилию в элитный список* [По торжественным дням? (2003) // «Театральная жизнь», 2003.11.24] (НКРЯ)

В случае с употреблением прилагательного *купеческий* видим рост частотности, поскольку оно встречается в 346 документах и 555 вхождениях, однако словарное переносное значение не отражает характера употребления: *замашка* (4 док., 4 вх.), *жест* (3 док., 3 вх.), *размах* (3 док., 3 вх.), *вкус* (2 док., 2 вх.), *дух* (2 док., 2 вх.), *жадность* (2 док., 2 вх.), *загул* (2 док., 2 вх.),

(4) *Распространенное при раннем Ельцине политическое меценатство, напоминавшее купеческую блажь, изжило себя* [Валерий Выжutowич. Совершенно не секретно // «Московские новости», 2003] (НКРЯ).

Очевидно, что в современном узусе слово *купеческий* описывает демонстративно свободное, отрицающее внешний контроль поведение, нередко связанное с большими деньгами и дурным вкусом.

Итак, задавая прилагательное, образованное от личного существительного, называющего социальный статус, и выявляя частотность контекстов со «смещенной» референцией, когда прилагательное описывает не принадлежность к социальной группе, а особенности поведения, схожие с теми, которые, как полагают носители языка, присущи именно данной группе, мы можем проследить формирование коннотаций и образование переносных значений.

Формирование концепта

При исследовании образования концепта как «основной ячейки культуры в ментальном мире человека» (Степанов 1997: 43) в поиске последовательно задавались подкорпуса, а единицей поиска оставалось, как и в предыдущем случае, прилагательное. Так, некоторые топонимы формируют важные для языка и культуры значения. Топоним *Европа* ведет себя в русском языке подобным образом, обозначая наднациональную общность, а образованное от топонима прилагательное выступает в речи как качественное (Фролова 2016).

Мы задали в НКРЯ два подкорпуса 1700-1800 и 1801-1850, в качестве единицы поиска было прилагательное *европейский*. В словосочетаниях нам была важна семантика определяемого слова и его грамматические характеристики — число. Полученные результаты отражены в Таблице 2.

Таблица 2. Хронология формирования концепта

Подкорпус и его объем	Количественные показатели	Датировка и употребление
1700-1800 1 853 документа общим объемом 291 982 предложения, 5 325 444 слова	115 документов 338 вхождений	1750 — <i>комедия</i> (ед.ч.) (В.К. Тредьяковский) 1762 — <i>народ</i> (ед.ч.) (Стефан Савицкий) 1764 — <i>система</i> (М.В.Ломоносов) 1764-65 — <i>пример</i> (М.В.Ломоносов) 1767 — <i>народ, обычаи</i> , (Екатерина II) 1768 — <i>история</i> (И. А. Третьяков) 1772 — <i>обыкновение</i> (С. Е. Десницкий) 1780 — <i>выговор</i> (Василий Баранчиков) 1782 — <i>оружие</i> (М.И.Веревкин) 1785 — <i>город</i> (ед.ч.) (Д. И. Фонвизин) 1788-1822 — <i>политика</i> (И.М, Долгоруков) 1791 — <i>пышность</i> (обобщенный) 1792 — <i>образец</i> (А.Н.Радищев) 1795 — <i>театр</i> (б/а) 1797 — <i>образец</i> (Иван Голиков)
1801-1850 2 348 документов общим объемом 934 024 предложения, 13 489 490 слов	289 документов 1207 вхождений	1805 — <i>дисциплина</i> (А. А. Чарторыйский) 1809-1822 — <i>правосудие</i> (Н.М, Карамзин) 1811-1818 — <i>ремесло, политика, политическая деятельность</i> (Н.М, Карамзин) 1813-1820 — <i>искусство</i> (Н.М, Карамзин) 1817 — <i>вкус</i> (Ф. Ф. Матюшкин) 1817 — <i>стол</i> (Ф. Ф. Матюшкин) 1817 — <i>манер</i> (Ф. П. Литке) 1822 — <i>женщина, политика, музыка</i> (О. И. Сенковский) 1822 — <i>влияние</i> (А.С.Пушкин) 1823 — <i>принцип</i> (Н.М, Карамзин) 1823 — <i>вольный европейский воздух, образ жизни</i> (А.С.Пушкин) 1823 — <i>жеманство</i> (А.С, Пушкин) 1824 — <i>устройство, образованность</i> (Ф.В, Булгарин) 1824 — <i>образ мыслей</i> (А.С.Пушкин) 1825 — <i>поэзия</i> (ед.ч.) (А.С.Пушкин) 1825-1826 — <i>чувство, образованность, политика</i> (А.И.Тургенев) 1828 — <i>образование, нравственность</i> (А.С.Грибоедов) 1828 — <i>лад</i> (К.Ф.Аделунг) 1829 — <i>обычай</i> (П. Я. Ренненкампф, М. Л. Бегичев) 1830 — <i>достоинство</i> (А.С.Пушкин) 1830 — <i>образование</i> (Ф.В, Булгарин) 1830 — <i>воспитание</i> (А. Н. Вульф) 1830 — <i>просвещение</i> (М. Н. Загоскин) 1830 — <i>беспристрастие</i> (М. Н. Загоскин) 1830 — <i>достоинство, литература</i> (ед.ч.) (А.С.Пушкин)

В первой подкорпусе обращают на себя внимание употребления существительных *народ* и *комедия*, поскольку в обоих случаях подразумевается различие в языках, во втором — *поэзия* и *литература* в единственном числе.

(5) *Россия, распространяясь широко по вселенной, прославясь победами, доказавшими преимущество в храбрости и самым высокомысленным сопостатам, поставив свои пределы в безопасности и привлекиши к себе прилежное внимание окрестных народов, яко важнейший член во всей **европейской системе**, требует величеству и могуществу своему пристойного и равномерного великолетия...* [М. В. Ломоносов. Слово благодарственное Ея Императорскому Величеству на освящение Академии Художеств, именем ея говоренное (1764)] (НКРЯ).

В примере 5 в атрибутивном словосочетании обращает на себя семантика метаслова *система*, которое для Ломоносова уже в середине XVIII в. обозначало общность, выходящую за пределы границ различных государств.

В начале XIX в. семантика *европеизма* обнаруживает связь с *образованием, образованностью* и *просвещением*: такое употребление находим у Булгарина, Грибоедова, Загоскина, Тургенева.

Значение определяемого слова в структуре словосочетания и датировка употреблений дают возможность описать формирование концепта и его семантику.

Структура мотивов текста

При выявление мотивной структуры текста задается подкорпус, равный одному произведению. Мы анализировали мотив смерти в повести А.Платонова «Котлован» (см. Фролова 2017а). Мотив нами понимается как предикат,двигающий фабулу, сюжет, развертывание «ткани» текста.

Единицами поиска были антонимичные по значению слова-стимулы *жизнь / смерть, жить / умирать, умереть*, а также единицы, образующие семантическое поле *смерти*: однокоренные лексические единицы и слова данной тематической группы. Выбор именно таких единиц был обусловлен тесной связью мотивов жизни и смерти.

Были получены следующие результаты: *жизнь* 121, *живой* 26, *жить* 114, *смерть* 12, *мертвый* 46, *умереть* 45, *умирать* 8, *убить* 6, *убивать* 2, *скончаться* 9, *ликвидировать* в значении ‘убить’ 9 употреблений, а также *гроб* 40, *кость* 25, *прах* 8, *могила* 5, *хоронить* 1, *труп* 1, *кладбище* 1, *похороны* 1 употребление.

В тексте присутствуют различные «авторские коннотации» смерти: отрицательно маркированная — уход из жизни (примеры 6, 7) и положительно маркированная — радостная жертва (пример 8).

(6) *Женщина осталась лежать в том вечном возрасте, в котором умерла* [Платонов 2011: 454] (НКРЯ).

(7) *Мужик разинул рот и закричал от горя смерти, жалея свои целые **кости** от **сотления в прах**, свою кровавую силу тела от гниения, глаза от скрывающегося белого света и двор от вечного сиротства* [Платонов 2011: 487] (НКРЯ).

(8) *Козлов чувствовал внутри себя горячую социальную радость и эту радость хотел применить на подвиг и **умереть** с энтузиазмом* [Платонов 2011: 454] (НКРЯ).

Глагол *умереть* встречается в контексте личных и неличных имен: *умерший, палый лист; умершая в воздухе птица; умершая трава; умерла вся наша земля; мух теперь тоже нету — они умерли еще в конце лета.*

Грамматически данный глагол 11 раз употребляется в форме будущего времени, а также 3 раза в модальных контекстах.

(9) — *Отчего ж тогда все живут? Лучше б умерли и стали важными!* — *Живут для того, чтоб буржуев не было, — сказал Чиклин и положил последний гроб на телегу* [А.П. Платонов. Котлован (1930)] (НКРЯ).

Прилагательное *мертвый* входит в состав словосочетаний с существительными, называющими живые существа, необъемлемые части целого, вещества, предметы и абстрактные сущности: *лошади, груз, высота, воздух, куски, строительный материал, губы, предметы, инвентарь.*

В ряде контекстов слово *мертвый* выступает как субстантивированное прилагательное.

(10) *Близ **мертвых** в сельсовете активист опечалился вначале, но затем, вспомнив новостроящееся будущее, бодро улыбнулся и приказал окружающим мобилизовать колхоз на похоронное шествие, чтобы все почувствовали торжественность смерти во время развивающегося светлого момента обобществленья имущества* [А.П. Платонов. Котлован (1930)] (НКРЯ).

Анализ употребления слов, входящих в семантическое поле смерти, показывает, что данный мотив в повести «Котлован» сложно устроен и представлен на сюжетном и предметном уровнях. Мотив смерти в «Котловане» описывает три типа ситуаций: а) событие — переход от жизни к смерти, выраженный глаголами *умереть, ликвидировать*; б) процесс перехода, выраженный глаголом *умирать*; а также в) состояние, выраженное прилагательным *мертвый*.

Поиск в подкорпусе, равном одному тексту, позволяет описать мотив как семантическое поле.

Выявление интертекстуальных связей текста

Описание скрытых цитат в тексте, как правило, касается взаимовлияния художественных текстов. Однако значительно труднее выявляется диалог автора с языком его времени. Рассмотрим возможности корпуса для определения границ такого диалога на примере повести А.Платонова «Котлован».

Поскольку стиль Платонова строится на сложном нарушении языковой нормы, мы с помощью НКРЯ попытаемся выявить интертекстуальную природу таких нарушений и в то же самое время продемонстрировать диалогичный характер стиля писателя (см. Фролова 2017в). Мы исходим из предположения, что поэтика Платонова вводит читателя в заблуждение: то, что воспринимается как новаторство, является интертекстуальным диалогом.

Подкорпус в этом случае — 1918-1930 гг. Единицей поиска в этом случае становятся два слова, позволяющие обнаружить словосочетание с интервалом 1 слова или контекстное соседство с интервалом 1-3 слова.

Словосочетание *мертвый инвентарь* является не образным выражением, а термином, вошедшим в текст первой советской конституции (примеры 11, 12).

(11) *Нам не хватает **мертвого инвентаря**, народ свое имущество ждет. Мы те **гробы** по самообложению заготовили, не отымай нажитого!* [А.П. Платонов. Котлован (1930)] (НКРЯ).

(12) *Все леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и **мертвый инвентарь**, образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия объявляются национальным достоянием* [Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (1918)] (НКРЯ).

В некоторых случаях Платонов прибегает к компрессии нескольких цитат (пример 13).

(13) *Во время обеденного перерыва товарищ Пашкин сообщил мастеровым, что бедняцкий слой деревни печально заскучал по колхозу и нужно туда бросить что-нибудь особенное из рабочего класса, дабы **начать классовую борьбу против деревенских пней капитализма*** [А.П. Платонов. Котлован (1930)] (НКРЯ).

Чтобы найти конструкции *классовая борьба против* и словосочетание *пни капитализма* были заданы единицы *борьба, против* с интервалом 1-3 слов. Поиск к НКРЯ обнаружил подобное употребление у В.И.Ленина и Н.И.Бухарина (примеры 14, 15).

(14) *Мы — марксисты, сторонники пролетарской **классовой борьбы против мелкобуржуазного угара, шовинизма-оборончества, фразы, зависимости от буржуазии*** [В.И. Ленин. О двоевластии (1917)] (НКРЯ).

(15) *Помещики и капиталисты, ... объединяются в хозяйственной жизни и в **классовой борьбе против** рабочего класса и крестьянства (Н.И. Бухарин. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз (1926))* (НКРЯ).

Что касается словосочетания *гни капитализма*, оно семантически связано с переносным употреблением глагола *выкорчевать* (см. пример 16).

(16) *Еще больше сплотимся вокруг коммунистической партии, заявляют рабочие, ведущей рабочий класс к победе, усилим борьбу с классовым врагом и его агентурой, **выкорчем остатки капитализма** в стране [1 января — второй день ударника // «Правда», 1930]* (НКРЯ).

Явление «сгущения», или компрессии, случаев нарушения языковой нормы и одновременной игры словами революционной эпохи обнаруживаются в примере 17.

(17) *Он с удовлетворением отправил через районного всадника законченную ведомость ликвидации **классового врага** и в ней же сообщил все успехи деятельности; но вот спустилась свежая **директива**, подписанная почему-то областью, через обе головы — района и округа, и в лежащей директиве отмечались маложелательные явления **перегибщины**, забеговщества, переусердщины и всякого сползания по **правому и левому откосу** с отточенной остроты четкой **линии**; кроме того, назначалось обнаружить выпуклую **бдительность** актива в сторону среднего мужика: раз он попер в колхозы, то не является ли этот генеральный факт таинственным умыслом, исполняемым по наущению подкулацких масс, — дескать, войдем в колхозы всей бушующей пучиной и размоем берега руководства, на нас, мол, тогда власти не хватит, она уморится [А. П. Платонов. Котлован (1930)]* (НКРЯ).

Обращение к НКРЯ позволяет выявить векторы деформации узуса у А.Платонова: некоторые ключевые слова эпохи встречаются без изменений, компоненты замещаются или же опускаются в составе словосочетаниях. Устойчивое словосочетание *классовый враг* отражает советскую идеологию и встречается в подкорпусе в 57 документах и 102 вхождениях. Платонов сохраняет его без изменений. Существительное *директива* достаточно частотно, она встречается в 165 документах и 514 вхождениях. Но чаще употребляется в словосочетаниях с глаголами *получать* и *выполнять*. У Платонова подверглись трансформации словосочетания *правый и левый уклон*, *перегиб*. Чрезвычайно частотно в языке эпохи существительное *масса*: 1173 документа, 7044 вхождения. Существительное *линия* в примере 17, как мы полагаем, является частью словосочетания *линия партии* или *генеральная линия*.

Анализ стилистики повести А.Платонова «Котлован» с помощью корпуса показывает, что в подкорпусе 1918-1930 обнаруживаются конструкции, представляющие собой «строительный материал», объединяющий язык автора с языком его времени и характер деформации языковой нормы.

Итак, корпус позволяет описывать семантику в синхронии и диахронии, решать лингвокультурологические задачи, а также описывать структуру мотивов текста и его интертекстуальные связи.

Список литературы

- Баранов А.Н. (2001) Корпусная лингвистика. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. Москва, Эдиториал УРСС. 112–137.
- Захаров В.П., Богданова С.Ю. (2011) Корпусная лингвистика. Иркутск, ИГЛУ.
- Кузнецов С.А. (ред.) Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург, Норинт, 2001
- Национальный корпус русского языка. Режим доступа — URL: www.ruscoerpora (дата обращения: 29.05.2018)
- Плисецкая А. Д. (2013) Национальный корпус русского языка как один из инструментов анализа фразеологических сочетаний. Корпусная лингвистика - 2013: Труды международной научной конференции. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет. 387-396.
- Полинская М., Рахилина Е. В., Выренкова А. С. (2014) Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // Вопросы языкознания. 3, 3-19.
- Степанов Ю. С. Слово. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. Москва. Academia, 1997. 288-306.
- Фролова О.Е. (2017а) Мотив смерти в повести А.Платонова «Котлован». Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, издательство Изд-во Моск. ун-та . № 3, 42-56.
- Фролова О.Е. (2017б) О коннотациях слов аристократ, барин, буржуа и их дериватов в русском языке. Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. том 19, № 3 (166), 174-190.
- Фролова О.Е. (2017в) Диалог Андрея Платонова с языком революционной эпохи (на материале повести «Котлован»). «Скрытая теплота революции». Поэтика Андрея Платонова. Сборник 3 / Ред. Е. А. Яблоков, Москва: ПОЛИМЕДИА, 104-139.

Фролова О.Е. (2016) О формировании концепта «Европа» в русском языке
Лингвокультурологические исследования: Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия.
Москва: ЛЕНАНД, 138-141.

LEXICAL KNOWLEDGE IN HERITAGE RUSSIAN: LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECTS

Ekaterina Mikhailovna Gridneva

*National Research University, "Higher School of Economics", Moscow, Russia
toki91@mail.ru*

ABSTRACT

This study examines knowledge of Russian non-compositional expressions (idioms) of Heritage Russian speakers. In this paper we present the results of interviews and experiments conducted in immigrant families and targeting both parents (first-generation immigrants) and their children (heritage speakers). In the current study Heritage Russian speakers are children who were born in the USA and use Russian language only with their family. Their parents who left Russia around 1980-1990 are baseline speakers. The study has two parts: the first one is dedicated to the general description of their speech while the second section is devoted to the cultural side of their language. In this respect, the recognition and knowledge of Russian non-compositional expressions were tested. As Heritage Russian speakers are bilinguals, their cultural background is rather ambiguous. The current research proves the idea that Heritage Russian speakers do not share the same cultural background as their parents.

Keywords: Heritage Russian language, heritage linguistics, bilingualism, linguoculturology, non-compositional expressions

Heritage speakers

Nowadays there is an increasing scientific interest regarding bilinguals. They have been studied in various ways: from the point of view of language acquisition, cultural identity, competence in both languages, etc. While heritage speakers are bilinguals, it is interesting to consider their cultural identity, as this type of bilingualism is rather specific. Firstly, they are unbalanced bilinguals. There has always been a strong dominant language and a weak minority language, the level of which could range from fluent to barely speaking (Polinsky, Kagan, 2007), (Montrul, Polinsky, 2011). Secondly, their cultural relation is always questioned. It is very difficult to define it, as their parents or guardians belong to the culture of their minor language while the community where they live shares another cultural background (that of the majority language). In this respect, it seems complicated to estimate which influence is stronger.

Furthermore, studies of Heritage speakers and even the definition of “heritage speaker” only started to be used in the late 1990s and took some time to be accepted (Benmamoun, Montrul, Polinsky, 2013). Research concerning heritage language has been conducted by different scholars (Polinsky, Montrul, Kelleher, Chang, Benmamoun, Kogan, Rakhilina, Vyrenkova, Rothman, Valdés and

others). These works have covered different aspects: specific features of heritage languages, acquisition, teaching, and the relationship of heritage language with the field of L2, etc. Moreover, it's important to point out some very significant investigations in this area. Polinsky's studies of heritage speakers are very useful and give general and comprehensive view regarding this phenomena in linguistics. Her works mainly connected to the heritage speakers in the USA. This geographical area is a very good place for study as it is full of immigrants all over the world which means that their children are heritage speakers (Polinsky, 2011), (Polinsky, 2008). Additionally, it's necessary to mention Montrul's research regarding to the acquisition of heritage language. In this paper she deeply describes the process of acquisition, heritage language learners and second language learners correspondences (Montrul, 2010), (Montrul, 2015). Furthermore, Rakchilina's, Vyrenkova's and Polinsky's research connected to the grammar of mistakes and the grammar of specific constructions has made a great impact in this area. This paper discusses the differences of the mistakes made by Russian native speakers and Heritage Russian speakers (Vyrenkova, Polinskaya, Rakhilina, 2014). Finally, the majority of works in this area investigate the special features of heritage language, its differences from the 'usual' language, the process of its acquisition, however, the cultural aspect of heritage language, especially Heritage Russian language has barely been studied. In this respect, the main goal of this research is to examine heritage speakers' level of linguo-cultural development. In order to reach this goal, we have tested their knowledge of non-compositional expressions (hereinafter NCE) or idioms in Russian language. As knowledge of NCE reflects the culture of the speaker to which they belong, this knowledge is informative with respect to the question of whether heritage speakers share the same linguistic culture as their parents or follow the culture of the majority language speaking community (Titone, 1999). Our hypothesis is the following: Heritage Russian speakers do not know, understand or recognize Russian language NCEs as they share the linguistic culture of the community where they live. In our case it is the English-speaking community of the United States.

Materials and Methods

In this part it's necessary to consider the methods of this study but firstly we should define the main terms. A heritage speaker is a sequential or simultaneous bilingual whose dominant language is the main language of the community where he or she lives and whose weaker language is the language of the minority, which typically belongs to his or her parents, guardians and/or relatives (Benmamoun, Montrul, Polinsky, 2013). Baseline speakers are those who help to acquire heritage language or in other words parents or guardians which use this heritage language with their family members. As heritage speakers acquire the weaker language via parents or guardians, we need to determine the

baseline that constitutes their input (Polinsky, 2011). In this paper, the baseline speakers are people who moved to the USA from 1980 to 1990 from Russia, aged 37 - 47 years old. The Heritage Russian speakers are their children aged 6 - 17 years old who were born and live in a non-Russian speaking community. Generally they use Russian with their families and learn it from their parents and/or attend language classes.

Secondly, there is a need to explain the reasons of choosing NCEs as a measure of cultural identity in language. As previously mentioned, the cultural aspect of Heritage Russian speakers can be tested by assessing their knowledge of NCE or idioms. An idiom is a phrase that is commonly used within a given culture and understood to have a meaning different from its literal meaning (Lundblom, Woods, 2012), (Cacciari, Glucksberg, 1991). Cooper compares idioms with the metaphors: “[a]n idiom can have a literal meaning, but its alternate, figurative meaning must be understood metaphorically. Idioms belong to the category of nonliteral or figurative language that also includes metaphors, similes and proverbs” (Cooper, 1998). The meaning of an NCE seems to be hard or even impossible to understand if a person does not make use of their cultural knowledge or has not heard them before. For example, instead of saying that someone has died in Russian the idiom ‘коньки отбросил’ (lit. ‘thrown of skates’, cf. ‘kick the bucket’ in English) could be used. Nippold and Taylor believe that, “idiom understanding begins in early childhood and gradually improves throughout the school-age years adolescence, and well into adulthood” (Nippold, Taylor, 2002). Generally, learning NCEs is a very important stage in acquiring a language and their knowledge and recognition are often signs an advanced learner. Therefore, while NCEs are a big part of most languages, students, or in our case Heritage Russian speakers, should learn and know them in order to be fluent in the target language.

Thirdly, we need to consider the experiment. In our study there are two parts. In the first part, Heritage Russian speakers watched a cartoon (1.5 min.) in a mute mode and were asked to describe what they saw. The second part is composed of ‘riddles’. In other words, the participants should guess the Russian NCEs by explanation and with the help of a picture associated with this NCE and explanation as well. In other words, there were two stages. This paper is devoted to the second part of the experiment mostly, as the first part was used as a filler and to highlight some very basic features of their speech such as: code-switching in vocabulary and phonology, unexpected pauses, simple sentences, use of English speech fillers etc. In principle, the second part of the experiment or ‘riddles’ in this study is divided into three parts: 1) selection of heritage speakers; 2) NCEs’ choice; 3) interviews.

Participants

As it was written before in this paper the Heritage Russian speakers are children, aged 6 - 17 years old, who were born and live in a non-Russian speaking community. Generally, they use Russian with their families and or learn it with their parents and/or attend language classes. In respect of this study children and teenagers were chosen. Additionally, education level was not considered as NCE were taken not from the literary language or anything which could reveal a low level of education or simply its absences as the majority of participants are children. It means that such NCEs as: «А судьи кто?» (lit. ‘and who are the judges?’)¹ were not used. Factually, knowledge of such NCEs shows the level of education as it’s a citation from the famous Russian play. In the table below the Heritage Russian speakers’ families are presented. Additionally, we interviewed families where both parents are Russian in other words they left Russia and moved to the USA some years ago. Simply, if there are mixed families like Russian mother / father and American mother / father, the results and the whole study will be incorrect.

Table 1. Parents (baseline, first generation) vs. children (heritage speakers)

Family 1	Family 2	Family 3	Family 4	Family 5
Parent 1, woman, left Russia in 1989	Parent 2, man, left Russia in 1980	Parent 3, woman, left Russia in 1987	Parent 4, woman, left Russia in 1980	Parent 5, woman, left Russia in 1990
Child 1, boy, 7 y.o. + Child 1.2, girl, 7 y.o.	Child 2, girl, 14 y.o.	Child 3, girl, 6 y.o.	Child 4, girl, 6 y.o.	Child 5, girl, 17 y.o.

Experiment design

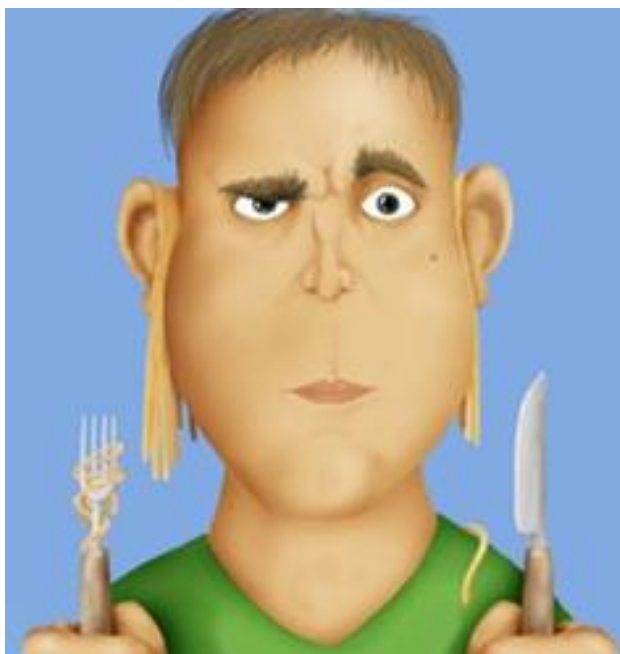
The next part of our research is choice of NCEs. Firstly, a wide range of different kinds of NCEs was made. Then, Russian native speakers of different ages were asked which the most understandable and recognizable NCEs were. This step helped us to analyze what the most popular and well-known NCEs are and how are they used by native speakers. Subsequently, a short list of NCEs was made. Additionally, it is necessary to mention that different types of NCEs were used (Паренко, 2013), (Cacciari, Glucksberg, 1991). 1) Full Russian-English equivalents: водить за нос / lead by the nose. 2) Half equivalents: ставить палки в колеса / lit. ‘put sticks in wheel’ / put a spoke

¹ Alexander Griboyedov's comedy “Woe from Wit”, citation from Chatsky monologue

in someone's wheel; молчит как рыба / lit. 'be silent like a fish' / mute as fish. 3) NCEs which contain different cultural, historical information: «медведь на ухо наступил», «грызть гранит науки» (lit. 'bear stepped on ear', 'gnaw granite of science'). Such choice was made in order to examine whether there is any difference in NCEs recognition between different types of NCEs. One possible hypothesis could be that full or half equivalents are easier to understand as they exist in both languages (Russian and English). Finally, after doing all these steps, a list of NCEs was made. However, it still has two sublists (easy-to-guess vs. difficult-to-guess). For the first list an explanation was only given. For the second list an explanation was given and in addition an associated picture. The first list was easy-to-guess NCEs and the second one difficult-to-guess respectively.

In the **tables two** lists are presented. Additionally, an associated picture is given below.

<p>Explanation without pictures (and their meaning in English) and their types (1) Full equivalent; (2) Half equivalent; (3) NCEs which contain different cultural, historic information</p> <p>1) золотые руки / lit. 'golden hands' / professional / skilled person / hands of gold / type 1 or 2; 2) сидеть на шее / lit. 'sit on neck' / be a burden to somebody / live at somebody's expense / type 3; 3) ставить палки в колеса / lit. 'put sticks in wheel' / put a spoke in someone's wheel / type 2; 4) второе дыхание / lit. 'second breath' / second wind / type 2; 5) на седьмом небе от счастья / in seventh heaven / type 1; 6) два сапога пара / lit. 'two boots are a pair' / as like as two peas / type 2 or 3; 7) ни свет, ни заря / lit. 'neither light, nor dawn' / very early / type 3; 8) под каблуком / lit. 'under heel' / under thumb / type 2; 9) резать ухо / lit. 'cut ear' / affront / offend ear / type 2; 10) сломя голову / lit. 'head breaking' / headlong / do smth very fast and reckless / type 2; 11) медведь на ухо наступил / 'bear stepped on ear' / tin ear / type 3.</p>	<p>Explanation with pictures (and their meaning in English) and their types (1) Full equivalent; (2) Half equivalent; (3) NCEs which contain different cultural, historic information</p> <p>1) водить за нос / lead by the nose / type 1; 2) молчит как рыба / lit. 'be silent like a fish' / mute like a fish / type 2; 3) вешать лапшу на уши / lit. 'put noodles on someone's ears' mislead / lie / type 3; 4) грызть гранит науки / lit. 'gnaw granite of science' / study hard (mainly in the academic sphere) / type 3; 5) сжигать мосты / burn bridges / type 1.</p>
--	--

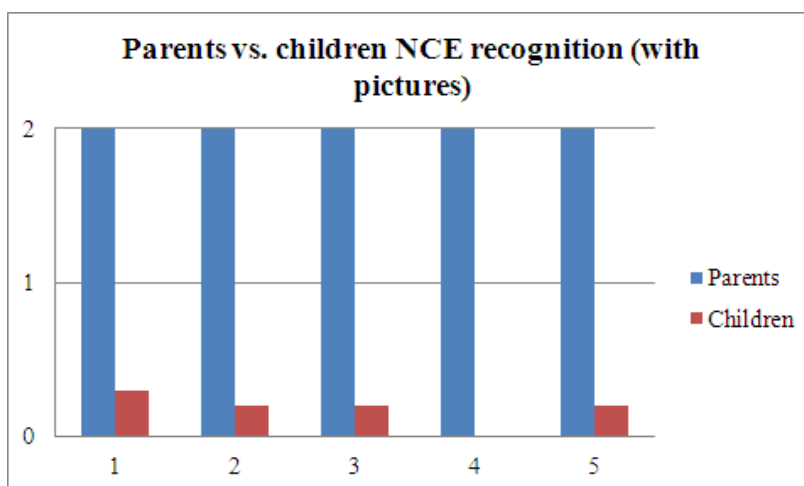
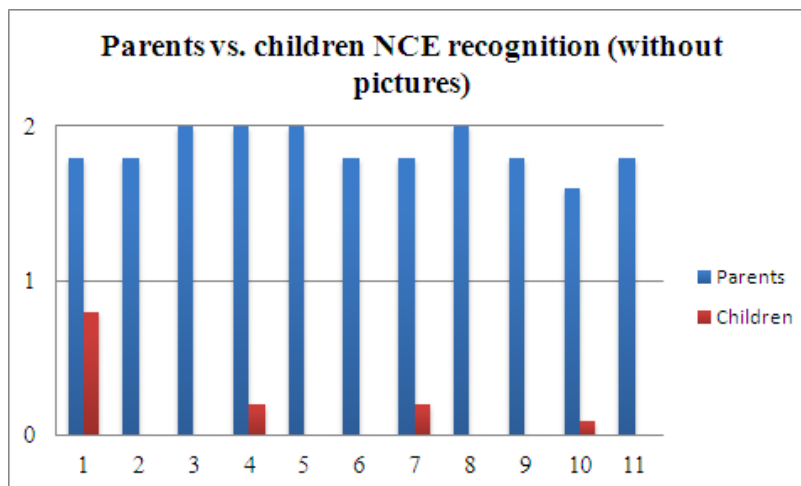
This picture is used for the NCE №3 or *вешать лапшу на уши* / lit. 'put noodles on someone's ears' mislead / lie / type 3.

For the heritage speakers and their parents 3 types of answers were collected:

1. The speaker recognises, knows, and understands the NCE (only by explanation of the NCE in Russian) - 2 points;
2. The speaker does not recognise, but knows and understands the NCE (but only after having been given the answer) - 1 point;
3. The speaker does not recognise, know, or understand the NCE (even after the explanation and having been given the answer) - 0 points.

The second type seems impossible to prove fully as a heritage speaker could lie or be shy; however, preliminary studies describe only two possible variants of NCE knowledge of a heritage speaker: either they know the whole NCE without making any mistake in cases, words etc. or they do not know it at all. However, sometimes a heritage speaker cannot produce an NCE but remembers it. This leads to the need of making the intermediate stage, that is an answer which has one point. Additionally, preliminary studies show that generally heritage speakers are honest, that is they are not too shy or embarrassed to say that they do not know NCE even if they have been given the answer. Also the preliminary results show that this strategy works as the 3rd answer was the most popular which in this respect means that two previous questions including the 2nd were failed to answer.

Results

In this part we present the results of the study. These graphs show the average answers from parents and children (points from 0 to 2 on the y-axis) depending on the particular NCE (the x-axis).

The results show that the majority of parents know and recognise all of the NCEs while their children do not know them at all. Using pictures and explanations made the guessing process for parents much faster and more efficient: all NCEs were recognised and it took parents approximately half a minute for recognition with a picture and 1.5 - 2 minutes with only an explanation. Additionally, in some cases the pictures helped children to recognise the expressions; however, despite this the majority of children did not know the NCEs even with the pictures and having been given answer.

Finally, according to the results of the study, the Heritage Russian speakers do not share the same language culture identity as their parents. Their weak language does not influence them. The majority of Heritage Russian speakers does not know, recognise or produce NCEs or idioms of

Russian language or language of the minority which probably means that the dominant language affects them.

Conclusion and discussion

Finally, it's necessary to mention that the field of study connected to the heritage speakers is a developing one. Many aspects haven't been studied yet including the cultural aspect of their speech. The current paper has set out some preliminary ideas regarding their cultural identity. For the further research it's relevant to examine NCE's knowledge of the dominant language of heritage speakers. In other words, we can test the influence of dominant language and make a conclusion regarding their cultural identity. Moreover, non-compositional expressions which present not only culture related information have been always difficult for L2 learners' recognition. Generally, heritage speakers are between native speakers and L2 learners. Consequently, non-compositional difficulties face them as well. In future studies it's possible to compare non-compositional awareness and recognition of three categories of speakers: native speakers, L2 learners and heritage speakers. Additionally, it's important to develop and improve means and methods of revealing NCE knowledge and cultural identity. In this respect, we can use and develop RLC (Russian learning corpus). This corpus contains different texts in Russian which were written by non-Russian speakers (Heritage speakers as well). By using this database it's possible to find typical mistakes connected to non-compositionality in Russian language which were made by Heritage Russian speakers. All in all, non-compositional aspect of speech for heritage speakers seem very relevant and interesting field for the future research.

References

- Benmamoun, E., Montrul, S., & Polinsky, M. (2013). Heritage languages and their speakers: Opportunities and challenges for linguistics. *Theoretical Linguistics*, 39(3-4), 129-181.
- Cacciari, C., & Glucksberg, S. (1991). Understanding idiomatic expressions: The contribution of word meanings. In *Advances in psychology* (Vol. 77, pp. 217-240). North-Holland.
- Cooper, T. C. (1998). Teaching idioms. *Foreign language annals*, 31(2), 255-266.
- Lundblom, E. E., & Woods, J. J. (2012). Working in the classroom: Improving idiom comprehension through classwide peer tutoring. *Communication Disorders Quarterly*, 33(4), 202-219.
- Montrul, S. (2010). Current issues in heritage language acquisition. *Annual Review of Applied Linguistics*, 30, 3-23.
- Montrul, S. (2015). *The acquisition of heritage languages*. Cambridge University Press.
- Montrul, S., & Polinsky, M. (2011). Why not heritage speakers?.

- Nippold, M. A., & Taylor, C. L. (2002). Judgments of idiom familiarity and transparency: A comparison of children and adolescents. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 45(2), 384-391.
- Polinsky, M. (2008). Heritage language narratives. *Heritage language education: A new field emerging*, 149-164.
- Polinsky, M. (2011). Reanalysis in adult heritage language: New evidence in support of attrition. *Studies in second language acquisition*, 33(2), 305-328.
- Polinsky, M., & Kagan, O. (2007). Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom. *Language and Linguistics Compass*, 1(5), 368-395.
- Titone, D. A., & Connine, C. M. (1999). On the compositional and noncompositional nature of idiomatic expressions. *Journal of pragmatics*, 31(12), 1655-1674.
- Vyrenkova, A. S., Polinskaya, M. S., & Rakhilina, E. V. (2014). Error Grammar and Construction Grammar: "Heritage" ("inherited") Russian language. *Voprosy yazykozvaniya*, (3), 3-19.
- Раренко, М. Б. (Ed.). (2013). Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник. Directmedia.

